

Елена Долгополова

МОИ ОЛИМПИЙЦЫ

МОИ ОЛИМПИЙЦЫ

Елена Долгополова

МОИ ОЛИМПИЙЦЫ

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва

2021

УДК 796
ББК 63.3
Д64

Долгополова Елена

Д64 Мои олимпийцы. — М.: Издательство «Кучково поле», 2021. — 192 с.; 16 с. ил.

ISBN 978-5-907171-50-3

Перед вами книга «Мои олимпийцы». В ней рассказы о чемпионах и призерах Олимпийских игр до 1912 года. Это и россияне, и иностранцы. Многолетние поиски в архивах, встречи с потомками российских олимпийцев, завоевавших медали Олимпиад, запросы в Международный олимпийский комитет и работа в Олимпийском музее в Лозанне... Все это позволило автору, историку спорта, кандидату педагогических наук Елене Долгополовой найти новые факты биографий спортсменов, поведать об их жизни до и после событий 1917 года. Подчас трудной, несчастливой, иногда трагической.

Пожалуй, еще никогда о первых наших олимпийцах не рассказывалось с такой откровенностью. Казалось о жизни первого в истории России олимпийского чемпиона Николая Панина-Коломенкина написано немало. Но автор дополняет ее событиями совершенно неизвестными, приводит никогда не публиковавшуюся личную переписку. И биография Панина предстает в новом свете. Подробно описано, какую роль в становлении российского спорта сыграли представители царской семьи, особенно двоюродный брат Николая II великий князь Дмитрий Павлович, выступавший на Играх 1912 года в конном спорте. Переменчивы судьбы: известный футболист сборной России Пётр Соколов превращается в так и не пойманного шпиона. Серебряный призер Олимпиады полковник Павел Войлошников расстрелян в Иркутске, как враг народа. Другой серебряный медалист Олимпиады 1908 года Александр Петров становится в СССР известным врачом, а призер Игр в стрельбе, талантливый инженер Амос Каш борется за внедрение своих изобретений, прозябая в нищете. Многие спортсмены, принесшие славу российскому спорту, вынуждены бежать из Советской России: дворянское происхождение грозит смертью. Их жизнь заканчивается на чужбине.

Предисловие к книге написал член Международного олимпийского комитета Шамиль Тарпищев.

УДК 796
ББК 63.3

ISBN 978-5-907171-50-3

© Долгополова Е. Ф., текст, иллюстрации, 2021
© ООО «Издательство «Кучково поле»,
дизайн, макет, 2021

ПЕРВЫЕ ТРУДНЫЕ СТРОКИ

Книга Елены Долгополовой «Мои олимпийцы» неожиданно стала для меня откровением. С удовольствием не пролистал, а прочитал ее, написанную легко, изящно. И картина представилась полная, порой радостная, часто — грустноватая.

Совершить что-то первым всегда сложно. Тут много «а вдруг...». Вдруг не удастся. Или удастся, да не поймут. А если поймут, то не так. Это и о первых шагах нашего российского олимпийского спорта. Трудных, не очень подготовленных, но все равно в 1908 году на первой для нас Олимпиаде сделанных.

Надо было начинать, и поехали в Лондон. Читал немало о первом нашем олимпийском чемпионе Панине-Коломенкине. Но тут предстает перед нами не атлет-глыба без нервов и сомнений, не безупречный денди-фигурист, а человек мятущийся, сомневающийся, до конца долгих дней своих к любви стремящийся. Ему трудно. Всю жизнь давят — и при царе-батюшке, где на спортсменов смотрели с некой иронией, предубеждением. И уж при советской власти точно — когда сначала было совсем не до спорта, а потом этот спорт стали раскладывать по полочкам — буржуазный, нам не нужный, типа фигурного катания. Или нашенский, в котором совсем немолодой олимпийский чемпион по фигурному катанию выиграл Первую Всесоюзную спартакиаду 1928 года в стрельбе. Панин, вынесший все испытания и в олимпийском Лондоне, и в Стране Советов, видится и показан героем, достойным подражания. Огромное количество архивов перелопачено и обработано, множество новых фактов обнаружено и обнародовано. Меня тронул эпизод спасения умирающего от голода Панина из блокадного Ленинграда. Помог первый секретарь обкома тов. Жданов, обычно упоминаемый в нашей периодике лишь с прилипшим к нему негативом.

С интересом прочитал об Александре Петрове — серебряном призере Олимпийских игр 1908 года в борьбе. Доктор и врачеватель, купеческий сын, перешедший на сторону советской власти. Прославился не только на ковре, но и работой в студии знаменитого театрального режиссера Всеволода Мейерхольда. Участники первых для нас Олимпиад оказались людьми разносторонними.

Но как трудно было выживать тем, кто в 1912 году на Олимпийских играх в Стокгольме взял первые для нас медали в стрельбе. Четверка блестящих офицеров Павел Войлошников, Амос Каш, Георгий Пантелеймонов, Нико-

лай Мельницкий достойна лучшей участи, чем на ее долю выпала. Войлошников расстрелян в год Большого террора, Пантелеймонов и Мельницкий умерли в эмиграции. И лишь Каш скончался дома, на Родине. В бедности, в «уплотненной» — бывшей своей квартире, в вечном поиске лишней копейки.

Даже не представляю, как удалось Елене Фёдоровне Долгополовой найти родственников этих своих, а теперь и наших, героев. Прошло больше века. Но, оказывается, живы потомки. Пусть в красной коробочке, где хранилась серебряная медаль Каша, другая награда: ведь серебро в дни голода отдано в Торгсин и обменено на хлеб. Но память осталась. Она и в этой книге теперь точно зафиксирована и точно не исчезнет, как исчезло у нас многое.

Или прочитайте переписку приговоренного к расстрелу Войлошникова. Какая борьба идет, уже не за медали, лишь за право попытаться выжить, отсрочить кончину. Но она, смерть, неминуема.

В ином жанре повествование об одном из лучших игроков первой национальной футбольной сборной Петре Соколове. Какой страшный путь проделал любимый петербуржцами защитник. Из футболистов — в диверсанты, в шпионы, в нацисты. И детектив заканчивается не так, как мы привыкли. Мерзавец изобличен и найден. Но не выдан и после Великой Отечественной. Дожил свой век в Швеции, в той самой, где в 1912-м выступал на Олимпиаде за Родину, за Россию, от праведного гнева которой до самой смерти скрывался и скрылся.

Но это я невольно и чисто по-спортивному о чемпионе и призерах. А великий князь Дмитрий Романов на пьедестал не попал, но был первой царственной особой, в Олимпийских играх участвовавший. Какая у него судьба. Олимпиада, Первая мировая война, эмиграция, длительный роман с и ныне не забытой Коко Шанель с ее вечно популярными духами «Шанель № 5», возможно, как раз князем так и названными.

Всех героев не перечислишь. Зато ко всем у автора Елены Долгополовой отношение трогательное, уважительное. «Мои олимпийцы» — это действительно ее олимпийцы с судьбами, которые стали и нам понятнее и ближе.

Думается, книга полезна, пригодится многим. И просто болельщикам, спорт любящим. И молодым студентам, аспирантам, ученым — специалистам, изучающим нескончаемую историю спортивного движения и наш российский вклад в развитие международного олимпизма.

Шамиль Тарпищев,
член Международного олимпийского комитета,
президент Федерации тенниса России

Посвящается моему отцу — одному
из основателей отечественной школы истории
спорта — Фёдору Ивановичу Самоукову

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

История современных Олимпийских игр связана с именем великого Пьера де Кубертена — спортивного и общественного деятеля, педагога, историка, журналиста. Барон мечтал возродить Олимпийские игры. Он обладал поразительными организаторскими способностями и проделал титаническую работу, чтобы 16 июня 1894 года в Парижском университете — Сорбонне открылся Международный атлетический конгресс, вошедший в историю как I Олимпийский конгресс.

В последний момент в пригласительных билетах успели сделать запись: «Конгресс возрождения Олимпийских игр». В большом зале Сорбонны собрались представители спортивных организаций 34 стран, в том числе и России. 21 страна прислала письменные согласия. Исключением стала Германия, которая от приглашения отказалась. Гимнастический союз Германии, самый влиятельный и известный своими националистическими взглядами, позднее даже пытался бойкотировать первую Олимпиаду современности.

На трибуне де Кубертен. Этот невысокий, худощавый господин в элегантном костюме говорил долго и горячо. И закончил свою речь так: «Поскольку нет никаких сомнений в преимуществах, представляемых возрождением Олимпийских игр, как с точки зрения спортивной, так интернациональной, да будут возрождены эти игры на основах, которые соответствуют требованиям современной жизни». Зал поддержал его аплодисментами.

На конгрессе обсуждались четыре вопроса: любительство и профессионализм в спорте; возобновление Олимпийских игр; программа и очередность проведения Игр; создание и состав нового органа по руководству олимпийским движением. 23 июня был учрежден Международный олимпийский комитет (МОК). В него вошли 13 человек: из Греции, Франции (2), Великобритании (2), США, Швеции, Венгрии, Богемии, Италии, Аргентины и Новой Зеландии. Россию представлял генерал А. Д. Бутовский.

Основатель современных Олимпийских игр барон Пьер де Кубертен по поводу первых членов Олимпийского комитета писал: «Я имел собственное мнение, когда речь шла о выборе членов МОК. Предложенный список был принят без возражений. Это были Викелас для Греции, Калло и я для Франции, и генерал Бутовский для России...»

На конгрессе разработали Олимпийскую хартию и приняли решение: «В интересах поддержания и развития физического воспитания и содей-

ствия дружескому общению народов в этой области раз в четыре года проводить по образцу эллинских Олимпиад большие игры, на которые будут приглашаться все цивилизованные народы».

Мир узнал дату и место первых Олимпийских игр современности — 1896 год. Город — Афины.

Правда, де Кубертен планировал провести первые Игры только в 1900 году и в родном Париже. Но представитель Греции Деметриус Викелас выступил с докладом «Олимпийские игры в Древней Греции». Ораторствовал ярко. После его речи у делегатов не было и тени сомнений, что первую страницу современного олимпийского движения следует открывать в стране — родоначальнице Игр. Первым президентом МОК избрали Д. Викеласа, а Пьер де Кубертен занял пост генерального секретаря.

Деметриус Викелас — греческий общественный деятель, коммерсант, поэт, филолог, член Панэллинского общества гимнастики. Он перевел на греческий язык трагедию Расина «Эстер», поэму Гёте «Фауст», произведения Шекспира, сказки Андерсена. Опубликовал научный трактат «Византия и современная Греция». Д. Викелас как президент МОК и представитель страны, проводящей Игры, многое сделал, чтобы первая Олимпиада прошла успешно. Следующие Игры были запланированы в Париже. И президентом МОК с 1896 года станет Пьер де Кубертен.

В 1897 году на II Олимпийском конгрессе в Гавре Д. Викелас предложил проводить Олимпийские игры исключительно, как это было в древности, в Греции, точнее в Афинах. Но делегаты эту идею не поддержали. В знак протеста Викелас покинул МОК. До своей кончины, в июле 1908 года, занимался вопросами образования в Греции.

До первой Олимпиады оставалось мало времени — всего два года. А нужно было, говоря современным языком, создать инфраструктуру для соревнований, восстановить главную спортивную арену — древний Мраморный стадион, разметить дорогу для марафонцев... Казалось, что бедной Греции это не под силу. Ведь в 1893 году страна даже не имела возможности погасить госдолг — 704,4 миллиона драхм, и правительству Х. Трикуписа пришлось объявить о банкротстве.

Но греки не сдались. Воодушевленные предстоящими Олимпийскими играми, своей великой спортивной историей, они находят выход. Начался сбор средств. Выпустили олимпийские плакаты и почтовые марки. Помогали всем миром. Но самый большой вклад внес греческий миллионер с негреческой фамилией — Аверофф, проживающий в Александрии. Именно Георгиос Аверофф пожертвовал миллион драхм на строительство олимпийского стадиона. Благодарные греки поставили прижизненный памятник своему меценату перед возрожденным Панафинейским (Мраморным) стадионом.

Открытие состоялось 24 марта, за день до начала Олимпийских игр. (Все даты проведения Игр I Олимпиады даны в старом стиле и идентичны публикации члена МОК для России — генерала А. Д. Бутовского «Афины весной 1896 года», вышедшей в том же году в журнале «Русское обозрение».) В главах, посвященных первым Играм, приводятся непосредственные впечатления Алексея Дмитриевича.

Стадион в Афинах единственный в мире построен из белого пентеликонского мрамора еще в 329 году до н. э. Останки этого грандиозного древнего строения были обнаружены археологами в середине XIX века. Молодой архитектор Анастасиос Метаксас удачно подготовил реконструкцию стадиона. Правда, из-за нехватки средств мраморные трибуны установили только до первого горизонтального прохода. Расположенные выше деревянные скамьи выкрасили в белый цвет под тон мрамора.

Афины старательно готовились к предстоящему празднику. А. Д. Бутовский вспоминал: «Белый и опрятный город прибрался, почистился. Чрезвычайное обилие флагов, щитов. Народный небесно-голубой цвет придает даже особенный голубоватый колорит главным улицам. Огромные приготовления к иллюминации улиц, скверов, площадей».

И вот наступил долгожданный понедельник. Церемонию открытия приурочили к 75-й годовщине освобождения Греции от турецкого ига. Безбилетные болельщики, как в древности, «кишели густо сплоченной массой» на склонах гор, окружавших с трех сторон новый стадион. Казалось, сюда переместились все Афины и окрестности. Зрители стойко ждали нового спортивного представления, а разноцветные развивающиеся на мартовском ветру флаги настраивали на грядущее торжество.

Небывалое количество зрителей — 70 тысяч — собрали трибуны! Штатские, одетые в темные официальные костюмы и, как обычно, с тросточкой, офицеры в блистающих униформах с плюмажем. И, конечно, венцом восхищения стали дамы, демонстрирующие сшитые по такому случаю модные платья и невероятно изысканные широкополые шляпы с цветами, перьями и лентами, которые дополняли роскошные веера. И все это людское величие было счастливо от предвкушения грандиозного события, «долженствующего обусловить собой новое направление в культурной жизни народов».

В 15 часов музыка почетного караула известила о прибытии королевской семьи. «Стотысячная толпа примолкла, встала, головы обнажились». Королевич Константин, возглавлявший греческий комитет Игр, выступил с краткой речью: «Дай Бог, о, король, чтобы возрождение Олимпийских игр скрепило узы взаимной дружбы эллинского народа с другими народами, представителей которых мы имеем счастье принимать здесь...

Дай Бог, чтобы оно подняло телесные упражнения и народное чувство и чтобы способствовало образованию нового греческого поколения, достойного своих предков». Аплодисменты долго не стихали. Затем в торжественной тишине король эллинов Георг I сказал слова, которые с этого момента всегда будут звучать на Олимпийских играх: «Объявляю I Международные Олимпийские игры в Афинах открытыми!»

Раздались звуки кантаты композитора Спироса Самары на слова Костиса Паламаса, сопровождаемые ангельским пением хора. Крики «браво!» и мелодичную кантату повторили снова по требованию публики.

В 1958 году на 55-й сессии МОК это музыкальное произведение признано официальным Олимпийским гимном.

Наконец, в полной тишине раздался призывный звук трубы, и на стадион вышли первые атлеты. Итак, с 25 марта по 3 апреля на Пан-афинейском мраморном стадионе прошли основные соревнования Игр I Олимпиады современности.

Программа I Международных Олимпийских игр сочетала соревнования и культурно-развлекательные мероприятия.

«1-й день. Понедельник, 25 марта.

3 ч. дня. Стадион. Открытие Олимпийских игр. (Предварительные состязания в беге на 200, 400 и 800 м; тройной прыжок; метание диска.)

Вечером. Заря военной музыки и оркестров филармонических обществ. Шествие с факелами городских корпораций.

2-й день. Вторник, 26 марта.

10 ч. у. Цаппион. Фехтование.

3 ч. д. Стадион. Атлетические игры (бег на 110 м с препятствиями; прыжок в длину; окончательный бег на 400 м; кидание и поднимание тяжестей; бег на 1500 м).

Вечером. Иллюминация Акрополя.

3-й день. Среда, 27 марта.

10 1/2 ч. (Здесь и далее имеется в виду 10 ч. 30 м. — *Примеч. авт.*) Открытие стрельбища. Состязания в стрельбе.

1 ч. д. Велодром. Состязание на 100 километров. Лаун-теннис.

4-й день. Четверг, 28 марта.

3 ч. д. Стадион. Гимнастика. Окончательный бег на 800 м. Большой концерт соединенных филармонических обществ.

5-й день. Пятница, 29 марта.

3 ч. д. Стадион. Атлетические игры (окончательный бег на 100 м; прыжок в высоту; окончательный бег на 110 м с препятствиями; прыжок с шестом; борьба). Прибытие соревнующихся в марафонском беге.

Вечером. В Пирее. Венецианский праздник в порту: 9 $\frac{1}{2}$ ч. — иллюминация города и окружающих высот; 10 ч. — шествия с факелами; 10 $\frac{1}{2}$ ч. — фейерверк в порту.

6-й день. Суббота, 30 марта.

10 $\frac{1}{2}$ ч. у. Состязание в плавании в порту Зеа.

3 ч. д. Велодром. Состязание на 2 и 10 километров. Продолжение лаун-теннис.

7-й день. Воскресенье, 31 марта.

3 ч. д. Фалерон. Большой концерт. Гребная гонка. Марафонское состязание циклистов: прибытие в велодром.

Вечером. Шествие с факелами.

8-й день. Понедельник, 1 апреля.

10 ч. у. Фалерон. Парусная гонка. Частные суда.

3 ч. д. Военные суда.

Вечером. Иллюминация памятников Акрополя.

9-й день. Вторник, 2 апреля.

3 ч. д. Стадион. Заккрытие Игр и провозглашение победителей.

Каждый вечер иллюминация города и музыка на площадях. Под конец программа эта была изменена, но несущественно. Так, парусная и гребная гонки совсем не состоялись из-за сильного ветра; закрытие Игр последовали не во вторник, а в среду тоже по случаю погоды».

На Олимпийские игры были приглашены атлеты 34 стран. Но только 14 отправили в Грецию 200 спортсменов. Они представляли Австралию, Австрию, Болгарию, Великобританию, Венгрию, Германию, Данию, Италию, США, Францию, Чили, Швейцарию, Швецию и, конечно, Грецию.

Генерал Бутовский уточнил количество участников. Спортсмены распределялись «по национальностям таким образом: американцев — 22, англичан — 13 (в том числе один из Австралии), французов — 15, немцев — 22, австро-венгров — 20, датчан — 4, шведов — 3, швейцарцев — 1, болгар — 5, итальянцев — 3, русских — 1, греков — 110. Однако из 219 спортсменов 10% не появились на олимпийской арене».

Как видите, генерал упомянул представителя России. Но об этом позже.

По ритуалу новых Игр в честь каждого победителя поднимался флаг его страны и исполнялся национальный гимн. Восторженные зрители бурно реагировали на каждую победу: в голубые небеса взлетали канотье и шляпы, энергично жестикулировали и громко, как и полагается южанам, комментировали спортивные перипетии.

Сейчас, по прошествии стольких лет, странным кажется, что в Афинах, как, впрочем, на Играх 1900 и 1904 годов, российские спортсмены не появились. Ведь членом МОК с первых дней его существования являлся генерал-

лейтенант Алексей Дмитриевич Бутовский. И он дал слово де Кубертену, что на следующих Играх, то есть в 1900 году, русские обязательно будут. Но почему не получилось?

А. Д. Бутовский с горечью высказался о соотечественниках: «Мы знали также, что сама идея возобновления Олимпийских игр не везде была встречена с тем доверием, которое служило бы ручательством за их успех. У нас, например, стеснялись даже говорить об этом без снисходительной улыбки».

Не смог одолеть российскую инерцию всем сердцем болевший за олимпийское дело очень занятый генерал. Не смог убедить богатых вельмож в пользу олимпизма. Сложно решать такие проблемы выходцу из небогатой дворянской семьи, не наделенному высокими полномочиями и необходимыми связями. Правда, в 1898 году Алексей Дмитриевич возглавил созданный им же Главный комитет по подготовке спортсменов России к Играм II Олимпиады. Но деятельность этой организации была обречена. Отсутствовала связь Комитета с региональными спортивными организациями, а меценатство в спорте только зарождалось. Пресса не откликнулась на эту идею. Собрать сильных спортсменов из разных городов России для следующих Игр в 1900 году так и не получилось.

Генерал-лейтенант не выполнил обещание, данное им де Кубертену. Он сильно переживал. Как офицер и человек чести, А. Д. Бутовский отправил президенту МОК письмо с прошением об отставке. Это произошло за год до новых Игр в Париже — в июне 1899 года.

Алексей Дмитриевич Бутовский (1838–1917) — генерал-лейтенант Русской императорской армии, педагог и спортивный функционер. Работал воспитателем в Петербургской военной гимназии, в Главном управлении военных учебных заведений. Один из 13 учредителей и член Международного олимпийского комитета (МОК). Более 70 работ по физическому воспитанию принадлежит его перу, он читал лекции по истории и методике физического воспитания. А. Д. Бутовский был награжден орденами Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Владимира, Святого Станислава, Командорского Креста греческого Ордена Спасителя.

Сувековечиванием памяти А. Д. Бутовского происходят странные истории. В связи с празднованием столетия МОК на стадионе имени Кирова (Петербург) в 1994 году были установлены бронзовые бюсты Пьеру де Кубертену и А. Д. Бутовскому, выполненные скульптором М. Аникушиным и архитектором В. Бухаевым. Но после помпезного открытия их убрали. Причина неизвестна. Через два года, к столетию Олимпийского движения, бюсты снова установили. Через четыре года их опять убрали. Сейчас они находятся в «запасниках» Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. Удивительно халатное отношение к истории. Неужели опять ждать знаменательной даты?

Но все-таки одна группа отважных из Петербурга, Одессы и Киева выехала в Афины. На свой страх и риск энтузиасты добрались до Константинополя. Но из-за отсутствия средств возвратились домой.

Только один представитель России — дворянин немецкого происхождения, киевлянин Николай фон Риттер все же доехал, точнее, доплыл на пароходе до Греции. Служащий Киевской казенной палаты специально уволился ради поездки и оформился корреспондентом. Николай планировал выступить в соревнованиях по фехтованию, стрельбе (дисциплина — «бегущей кабан») и классической борьбе. В Афинах Риттер даже одерживал победы в первых тренировочных соревнованиях. Он писал в редакцию газеты «Киевлянин»: «Русских почти нет, из участников — я один. О себе могу сообщить, что на пробном испытании по стрельбе по подвижной мишени и по борьбе я прошел первым: все пули удачно попали в мишени, а желающих посоревноваться в борьбе удалось одолеть. В тот же день вечером все вечерние газеты дали отчеты. Сегодня утром, к своему удивлению, я увидел свое изображение в разных позах во всех крупных газетах».

О нем заговорила пресса как о будущем олимпийском чемпионе. Но, увы, фон Риттер... исчез! Сам он объяснил причину своего отсутствия пропажей талисмана — нательного медальона, без которого он не мог выступать.

Но настоящая причина крылась в ином. Во время плавания из Одессы в Афины у Риттера началась морская болезнь. По совету бывалых моряков лечился вином. И так вошел во вкус, что продолжал злоупотреблять и во время Игр. Тут уж было не до состязаний...

А вот как выразился по поводу поведения Риттера генерал Бутовский. «Приехавший из России г. Ф. Р., рекомендовавший себя страстным спортсменом и записавшийся, было, даже на борьбу, в решительный момент, по причинам мне совершенно неизвестным, не вышел на арену. Лучше было бы, конечно, если б он и не записывался, так как этим он только лишний раз обратил всеобщее внимание на отсутствие русских».

Правда, потом Риттер активно пропагандировал спорт и Олимпийские игры: читал лекции, писал статьи для газеты «Киевлянин» и журнала «Циклист». Он пророчески отмечал: «Олимпиада открывает новую эру международных спортивных соревнований, которые станут со временем образцом мирных манифестаций и которых наша эпоха требует больше, чем когда-либо».

В 1897 году Николай Сергеевич по приглашению президента МОК приехал в Гавр на II Олимпийский конгресс, где работал в нескольких комиссиях. Там он выступил с крамольной идеей — допустить профессионалов к участию в Олимпийских играх. Кубертен категорично отверг это дерзкое предложение. Только через сто лет концепцию Риттера воплотил в жизнь седьмой президент МОК Хуан Антонио Самаранч.

Попытку приблизить Россию к олимпийскому движению Н. С. Риттер сделал в феврале 1897 года. В Министерство народного просвещения он подал прошение об учреждении «Российского атлетического комитета для телесного образования и народного оздоровления с отделением “Олимпийских игр и всех sports”».

Предложение не поддержали.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Если бы я мог выбирать для своих сыновей, на кого им быть похожими, я выбрал бы Джеймса Коннолли.

Президент США Теодор Рузвельт

Эти слова президент США написал о своем друге — первом чемпионе Олимпийских игр современности.

В программу первых Игр вошли всего девять видов спорта и только для мужчин: французская борьба (сегодня называется греко-римской), велоспорт, легкая атлетика, фехтование, тяжелая атлетика, теннис, стрельба, плавание и гимнастика, которая включала даже лазание по 14-метровому шесту.

Женщины начали участвовать в олимпийских состязаниях с 1900 года в Париже. На Играх II Олимпиады они соревновались в фехтовании, теннисе и гольфе.

25 марта 1896 года мир узнал имя первого олимпийского чемпиона — Джеймса Брендана Бенната Коннолли.

История его жизни уникальна. Как говорят американцы, «сделал себя сам». Он был одним из двенадцати детей в семье ирландских эмигрантов Джона и Анны Коннолли. Юноше пришлось бросить школу и помогать отцу, подрабатывая клерком. Конечно, как и многие ребята, он увлекался спортом, особенно легкой атлетикой и американским футболом. И даже организовал футбольную команду, когда служил в армии. Повзрослев, занялся самообразованием и экстерном сдал экзамены за школьный курс. Уже в возрасте 27 лет, накопив нужную сумму, без проблем поступил в старейший Гарвардский университет на инженерный факультет.

На фотографии студент Коннолли выглядит моложе своих лет. Эдакий отличник с правильными чертами лица, слегка выющимися волосами, искусно зачесанными на прямой пробор, и, как у ребенка, пухлыми губами, придающими лицу мягкость. По такому фото бунтаря не углядишь.

Позволю напомнить, что в те времена к ирландцам, тем более из бедных семей, в Штатах относились неприязненно. А Джеймс был именно из такой. В некоторых лавках даже висели грозные таблички «Только не ирландцам».

Студент много времени отдавал спорту, а вот с практическими инженерными занятиями оказалось намного сложнее. Зимой 1895 года американские газеты писали о предстоящих Олимпийских играх. И первокурсник Коннолли загорелся идеей поехать в Афины: «Я должен увидеть возрождение Олимпийских игр после полутора тысяч лет забвения! Я должен увидеть страну Гомера, страну Одиссея, страну Троянской войны». В воображении современников Греция рисовалась сказочной. Потому Джеймс непременно хотел сам прикоснуться к этой сказке и вместе с другими сокурсниками-спортсменами подал в ректорат прошение.

«Прошу вашего одобрения на академический отпуск для поездки в Европу. Скорее всего, мне вряд ли представится такой случай. Думаю, что образовательная ценность такой поездки была бы для меня высокой. С надеждой на благосклонность».

Но благосклонности не дождался. Президент университета известный математик и химик Чарльз Вильям Эллиот отказал Джеймсу. Смею даже предположить причину. Ведь Коннолли, родом ирландец, был совершенно неизвестен как спортсмен.

И тогда упрямый первокурсник нервным почерком, зачеркивая и переправляя слова, пишет еще одно письмо в ректорат: «Прошу вашего разрешения на мой выход из состава студентов университета. Я надеюсь, что это не навсегда».

Но оказалось, навсегда.

Команда американцев отправилась на пароходе в Грецию. Коннолли был единственный, который сам оплатил свою поездку. На судне немедленно приступили к тренировкам. Капитан, увидев обувь с шипами, запретил прикасаться железными шпорами к деревянной палубе. Пришлось подчиниться и переобуться в легкие парусиновые туфли на кожаной подошве. Для прыжков Коннолли отвели нижнюю палубу.

К несчастью, у Джеймса заболела спина. Он прекратил тренировку: малейшее движение отдавалось болью. Из-за нее, навязчивой, выматывающей, невозможно заснуть. Потому Коннолли, более-менее устроившись в кресле на верхней палубе, наблюдал восход. Картина, возникшая над океаном, поражала. Солнечный диск, едва показавшись из-за горизонта, сначала нарисовал на полотне океана робкую светящуюся дорожку, а потом, устремляясь все выше и выше, залил золотом все пространство. Темные волны, переливаясь, заблистали миллиардами огоньков, на освещенном небе могущественное светило стерло последние звезды... От предчувствия невероятного счастья, от радости увиденного чуда Джеймс, забыв обо всем, вскочил. О боже, — пронзительная боль! И мгновенно — облегчение. Спина прошла.

Двенадцать дней пути и пересадка в Неаполе. Осмотр города закончился плачевно: украден бумажник. Поезд в Афины уходил через несколько минут, а полицейский все составлял бесполезный протокол. Джеймс ринулся на перрон и натренированным прыжком успел вскочить в последний уходящий вагон, откуда ему протянули руки.

Закончилась 16-дневная дорога, и в девять вечера 23 марта команда США прибыла в Афины. В веселом нарядном городе звучали песни, на каждой улочке, на каждом пустыре дети играли в олимпийцев, бегая наперегонки и прыгая, кто дальше. Громкоголосые торговцы разносили напитки, закуски и последние новости. Молодость брала свое, и американцы слушали непонятные им песни и даже пытались танцевать. Под утро вернулись в гостиницу, но выспаться не пришлось. Служитель отеля разбудил и напомнил, что пора собираться. Ничего не понимающие американцы почему-то считали, что греки живут по юлианскому календарю. А значит, до Игр полно времени. Спасибо портье, иначе не успели бы на Панафинейский мраморный стадион.

Джеймс записался на три вида соревнований. В первый день легкоатлеты соревновались в тройном прыжке, разыгрывая первую олимпийскую медаль. Он прыгал последним — двенадцатым. Коннолли расчетливо, с прицелом, бросил свою кепку рядом с отметкой, где приземлился француз Александр Тюффери — его главный соперник. А потом Джеймс собрал всю свою волю и, разогнавшись, прыгнул тройной новым стилем — «скачок, скачок и прыжок». И почти на метр опередил всех с невиданным для того времени результатом — 13 м 71 см.

Стадион кричал: «Победитель! Победитель!» А сердце его стучало: «Да, да, да! Я — победитель! Я — первый! Я — первый олимпийский чемпион!» Его сказка стала реальностью.

На следующий день Коннолли прыгал в длину. С результатом 5,84 занял третье место, уступив двум соотечественникам — студентам Э. Кларку и Р. Гарретту.

Еще через несколько дней он прыгал уже в высоту. С результатом 1,65 м разделил второе место с Робертом Гарреттом, а Эллари Кларк стал первым. Итак, американцы заняли первое и второе места. На этой Олимпиаде еще не было золотых медалей. Серебряную медаль вручали за первое место, бронзу — за второе. Третий результат не приносил награды.

Американские спортсмены поразили местных болельщиков своим необычным скандированием: «Эрей! Эрей! Эрей!» (что означало «ура»). Так они подбадривали и поздравляли друг друга. Король эллинов был настолько впечатлен, что даже попросил повторить эту, как бы теперь сказали, «кричалку» лично для него.

Награждение победителей происходило в день закрытия. Повторяя античный церемониал, на голову 27-летнего олимпийского чемпиона возложили

лавровый венок и вручили оливковую ветвь, срезанную в священной роще Олимпии. В честь победителя подняли флаг США и исполнили гимн.

В 1900 году Коннолли решил продолжить свою олимпийскую эпопею и вместе с товарищем на свой страх и риск поехал на Игры II Олимпиады в Париж, имея на двоих всего 75 долларов. В 31 год Джимми снова испытывал судьбу. Американцы жили в пяти километрах от Булонского леса, где проходили соревнования. Друзья экономили на еде и транспорте. Каждый день преодолевали пешком или бегом десять километров от своей мансарды до места состязаний и обратно. Но даже это не помешало Джеймсу улучшить свой результат в тройном прыжке на 26 сантиметров! Но он все равно стал вторым. Победу праздновал другой американец — Майер Принштайн с результатом 14,47 м.

Майер Принштайн был включен в Международный еврейский спортивный зал славы в 1982 году и в Американский легкоатлетический зал славы в 2000 году.

Деньги закончились, а предстояло еще расплатиться за комнату и купить обратные билеты. Выручил несчастных Боб Гарретт, олимпийский чемпион Афин. Он дал соотечественникам 50 долларов, которыми те расплатились за жилье и нашли место в трюме парохода, уходящего в родную Америку.

Коннолли уже 38, но страсть к приключениям толкает на новую авантюру. В 1906 году он отправился на Внеочередные Олимпийские игры в Афины. На тот счастливый Мраморный стадион, где 10 лет назад он первым получил титул олимпионика.

Увы. Ни тренировки, ни характер на этот раз не помогли. В прыжках в длину он занял 27 место, в тройном — 18-е.

После успешных Игр I Олимпиады современности Греция претендовала на право постоянного проведения всех последующих олимпийских состязаний. Однако МОК для популяризации олимпийского движения решил проводить Игры в различных городах. Тем не менее в 1906 году МОК пошел на компромисс и согласился, чтобы в Афинах провели соревнования, посвященные десятилетию первых Игр современности.

Жизнь Джеймса была насыщенной. В 1898 году он, участник испано-американской войны, заслужил медаль за отвагу. Вернулся невредимым, но дома война все-таки настигла — заболел тифом. К счастью, выздоровел, и снова неутомимый Коннолли совершает путешествием по Атлантике — перевозит скот в Европу. Это дает заработок и новые впечатления. Для души Джеймс пишет статьи и рассказы.

Его репортажи привлекали манерой письма и событиями. Видные издания уже боролись за сотрудничество с ним. В 1904-м он освещал Игры в Сент-Луисе, в 1908-м работал корреспондентом в Лондоне на Играх IV Олимпиады.

На лондонском марафоне именно журналист Коннолли «отбил» победу для своих. Напомню историю с несчастным итальянским марафонцем Дорандо Пиетри, стартовавшим под номером 19.

День старта был на редкость жарким для Лондона — плюс 26 градусов. К тому же длина марафона увеличилась с 40 км до современных 42 км 195 м. И все благодаря Виндзорам. Именно королевские высочества захотели наблюдать за марафонским забегом со своих почетных партерных мест. И обратились в Организационный комитет, чтобы приблизить старт марафонцев к дворцу. Королевская семья была полностью удовлетворена почтительностью МОК и увиденным зрелищем.

Дистанция, которую спортсмены пробежали в Лондоне, была официально принята как эталон в 1924 году. Однако нет правил без исключения. На Играх в Афинах в 2004 году марафонцы бежали ровно 40 км. Как это было в 1896 году.

Маленький итальянец Дорандо Пиетри со смешным платочком на голове, концы которого скручены в четыре нелепых узелка, первым появляется на стадионе. Но неожиданно теряет ориентацию и заплетающимся шагом направляется в противоположную от финиша сторону. Крики зрителей только усиливают тяжесть его мучительного состояния. Он падает на гаревую дорожку. Тепловой удар. Мчатся врачи, судьи и даже именитые болельщики. Среди них знаменитый писатель сэр Артур Конан Дойл («отец» Шерлока Холмса). Пиетри растирают виски, хлопают по щекам. Его поднимают и направляют к финишу. Итальянец, еле перебирая ногами, через 20 метров снова падает. И так четыре падения за 200 метров до финиша! Каждый раз несчастному марафонцу помогают и судьи, и сочувствующие.

Восемь тысяч зрителей тоже на нервах и пристально следят за драмой, где главный герой Дорандо. Наконец, финиш! Его время — 2 часа 54 минут и 46 секунд. Из них целых 10 минут ушли на злосчастные последние метры.

В российской прессе этому событию посвятили заметку в вечернем выпуске «Биржевых новостей». «Поднятый друзьями, он добежал все-таки до цели, но тут упал полумертвым и его пришлось унести на носилках. Вторым пришел американец Хейс, его тоже пришлось уложить на носилки. Картина прибытия к цели бледных, задыхающихся людей была угнетающей. Крики в честь победителей смешивались с истериками женщин» (27 (14) июля 1908 года).

Пиетри — победитель! Трибуны встают, аплодируют, кричат, женщины плачут. Его официально объявляют олимпийским чемпионом.

Но затем происходит невероятное.

Как только журналист Коннолли увидел итальянский флаг, поднятый в честь победителя, то рванул с трибуны для прессы к американскому представителю. И потребовал, а лучше сказать, без стеснения в выражениях, грубо заставил того незамедлительно обратиться к судьям: «Беги к краснопиджачникам и скажи, что марафон выиграл американский спортсмен. (На этих Играх судьи были экипированы в красные пиджаки. — *Примеч. авт.*) Пиши протест в Организационный комитет. Итальянец не сам дошел. Ему помогли!»

Да, Коннолли умел добиваться своего. У него был правильный эгоизм. Бедного Пиетри уже после официального поздравления дисквалифицировали. Поздно вечером, когда публика разошлась, американец Джон Хейс был объявлен новым победителем марафона.

Правда, Пиетри не остался без награды. Английская королева Александра приказала изготовить для мужественного спортсмена точно такой же кубок, как победителю, но только из позолоченного серебра. На нем была высечена надпись: «To Pietri Dorando — in remembrance of the Marathon race from Windsor to the Stadium — July 24. 1908. From Queen Alexandra». («Пиетри Дорандо — на память о марафонском забеге от Виндзора до Стадиона — 24 июля, 1908 года. От королевы Александры».)

В честь итальянца сочинили даже стихи и музыку. Своеобразный гимн называли «Дорандо». А сэр Конан Дойл собрал по подписке 300 фунтов и отдал маленькому итальянцу чек. Друг де Кубертена — епископ Пенсильванский Дидон на проповеди упомянул об этом необычайнейшем забеге Пиетри и произнес такие теперь родные для нас слова: «Главное не победа, а участие!»

Через несколько месяцев в США Дорандо и Хейс снова вышли на старт марафона. Итальянец стал первым!

Джеймс Коннолли уже известен как писатель-маринист. Герои его новелл — рыбаки, жизнь которых он знал как никто. Ведь отец Джеймса всю жизнь провел в море.

Во время Первой мировой войны Коннолли добился практически невозможного. Он, военный корреспондент, в 1917 году приходит на аудиенцию к английскому адмиралу с невероятной для того времени просьбой: разрешить во время военных действий жить на торпедоносце с матросами. Он был так убедителен и красноречив, что невозможное случилось. Теперь за чашкой утреннего кофе читатели сопереживали его правдивым репортажам непосредственно с мест боевых действий. Статьи Джеймса с нетерпением ждали самые престижные издания Америки.

Конечно, умудренный опытом и завоевавший признание, Джеймс понимал свою незаурядность. На многие вещи он уже смотрел как писатель. А нехватку острых ощущений и новых героев восполнял, совершая смелые поступки: 15 переходов через Атлантику в Европу, поход в Арктике до 76-го градуса северной широты...

Коннолли написал несколько романов, выпустил 12-томник повестей, был членом различных академий. Но, думаю, всегда ощущал себя первым чемпионом, открывшим счет победам в современной олимпийской истории.

Он комфортно чувствовал себя не только с рыбаками, военными и спортсменами. Сильные мира сего считали за честь общаться с ним. Президент США Теодор Рузвельт часто приглашал Джеймса в Белый дом. На банкете

он всегда рядом с президентом. Внешне Коннолли уже другой. Упрямая морщинка вертикально просекла лоб. Одет с иголочки в твидовый костюм, неизменный галстук-бабочка подчеркивает худобу лица. Он известен: книги издают и переводят. Его ценит великий Джек Лондон: «Я знаю, что у нас с вами одни и те же идеалы — чистота, благородство, жизнь. Вопрос в том, как воплотить эти идеалы. Здесь мы расходимся. Но, думаю, что мы придем к согласию. Ведь мы оба стремимся к свету и добру».

В честь 50-летия первых Олимпийских игр современности Гарвардский университет исправил свою оплошность. В торжественной обстановке писателю, журналисту и олимпийскому чемпиону, который, к счастью для Америки, так и не стал инженером, преподнесли подарок — поло с эмблемой университета, которое по строгим правилам могли носить только члены этого престижного заведения.

А университет Колби в 1949 году присвоил известному писателю Джеймсу Коннолли докторскую степень за его литературные произведения.

Коннолли ушел в возрасте 88 лет в Бруклине. Это случилось в 1957 году. Его единственная дочь отдала весь архив отца в университет Колби, где теперь открыт музей первого олимпийского чемпиона современности. Еще через 30 лет в парке на юге Бостона, где родился и вырос Джеймс Брендан Коннолли, появился необычный монумент. Первый олимпионик современности застыл в момент победного приземления в тройном прыжке.

МЕТАТЕЛЯ БОЯЛИСЬ ЗРИТЕЛИ

Через два часа после победы Коннолли американская команда снова праздновала успех. Студент Принстонского университета Роберт Гарретт стал дважды олимпийским чемпионом: в толкании ядра (11,22) и в исконно греческом виде — метании диска.

Предыстория его участия в Играх 1896 года связана с профессором Принстонского университета Вильямом Слоаном, который посоветовал студенту выступить в Афинах.

Историк Вильям Миллиган Слоан был членом МОК (1894—1925), он являлся основателем и председателем Олимпийского комитета США. Профессор Слоан сопровождал первую американскую команду на Игры в Афины.

Если греки еще с античных времен метали диск, то в Америке этот вид спорта был неизвестен. Но далеко не бедный студент Гарретт открыл книги по истории Древней Греции, нашел картинку античной скульптуры Мирона «Дискобол» и заказал у кузнеца диск, подобный древнему. Творение кузнеца

получилось неудобным и тяжелым — 14 кг. Но все равно 20-летний Боб пытался отрабатывать стойку и движения греческих олимпийцев опять-таки по рисункам. И каждый раз, беря в руки тяжеленный диск, возмущался: «Как эти древние швыряли такую махину?»

Уже в Афинах, взяв в руки диск образца 1896 года, он прочувствовал его преимущества: легкий, всего 1,923 кг, и удобный для руки. К тому же Роберт применил изобретенный им способ метания — закручивание диска в горизонтальной плоскости.

Остальные спортсмены метали в древнегреческом стиле, закручивая диск в вертикальной плоскости. Современные спортсмены метают диск методом Гарретта.

Американец соревновался с двумя греческими атлетами — Версисом и Параскевопулосом. Они обладали безупречной техникой. Гарретт на их фоне выглядел нелепо. Делал какие-то странные телодвижения и даже не метал диск, а швырял его словно это был молот. Да и диск его дважды летел в сторону зрителей, которые от страха вопили и пригибали головы. Наступил черед последней, третьей попытки. Версис от нее отказался, наверное, посчитав, что победа уже в кармане. Параскевопулос показал хороший результат, метнув диск дальше на целый фут. Когда в сектор вышел американец, трибуны встретили его суровым молчанием и с тревогой смотрели за движением рук дискобола. На этот раз диск пошел по совершенно правильной траектории. Получилось! Гарретт метнул снаряд на 29,15 м: на 19 см дальше соперника.

Греки были ошеломлены этой победой. Метание диска считалось их родным, исконным со времен Эллады. Превосходству американцев приписывали даже влияние сверхъестественных сил. Ведь они, эти храбрые янки, даже не тренировались в Афинах, а выиграли здесь в пяти дисциплинах легкой атлетики, о которых раньше даже и не слышали.

Боб участвовал еще в трех легкоатлетических дисциплинах и в каждой выигрывал медаль. Так, на следующий день Гарретт стал олимпийским чемпионом в толкании ядра, затем был вторым, прыгнув в длину ровно на 6 м. В последний день соревнований он, как я уже рассказывала, разделил с Коннолли второе место в прыжках в высоту (1,65 м).

Роберт выступал и на Олимпиаде 1900 года в Париже. В предварительных состязаниях по толканию ядра показал третий результат, но в финале не участвовал. Бронза досталась ему в тройном прыжке.

Но все-таки в Париже везенье ушло. В соревнованиях по метанию диска, как и на афинских Играх, его снаряд опять летел черт знает куда, а точнее в деревья. Причем во всех трех попытках. Что вызвало не только негодование зрителей, но и дисквалификацию.

После университета Гарретт пошел по стопам отца и деда, став преуспевающим банкиром в Балтиморе. В свободное время собирал древние манускрипты в Египте и других странах Ближнего Востока. Он организовал и профинансировал археологическую экспедицию в Сирию. С 1932 по 1939 год финансировал раскопки древнего эллинистического города Антиохии и ее окрестностей. В его коллекцию вошли рукописи, фрагменты и свитки из Европы, Ближнего Востока, Африки, Азии и Мезоамерики от 1340 года до н. э. до 1900 года н. э. Многие годы он был попечителем Принстонского университета и членом правления Балтиморского художественного музея. Именно Гарретт много сделал для организации в Балтиморе скаутского движения. В 1910 году банкир передал городу большой участок земли, где был разбит общественный парк, который носит его имя.

Всю свою жизнь он пропагандировал спорт и активный отдых. Занимался развитием рекреационных организаций в Балтиморе, а в 1941 году возглавил Национальную ассоциацию отдыха.

В 1942 году Роберт Гарретт подарил свою коллекцию из более 11 тысяч рукописей Принстонскому университету. Диск, с которым он одержал победу на Олимпийских играх в 1896 году, хранится в гимназии его родного города.

Боб Гарретт был хорошим парнем, ведь он оплатил поездку своим товарищам на Игры I Олимпиады. А на парижских Играх 1900 года выручил деньгами Джеймса Коннолли и его друга.

ЗАЧЕМ РЫЛ ЯМКУ МИСТЕР БЁРК

В беге на 100 м победил американец Томас Эдвард Бёрк. На этих соревнованиях 21-летний студент Гарвардского университета непосредственно перед стартом аккуратно вырыл ямку, поставил туда ступню и уперся руками в землю, что вызвало недоумение и насмешки. «Что вы делаете? Поднимитесь с земли!» — кричали болельщики и даже судьи. Но Том прекрасно знал, что новая поза тела с упором ступни поможет усилить рывок и даст ему маленькую, но такую нужную фору. К большому удивлению той же публики, он занял первое место, опередив на целую секунду ближайшего соперника и соотечественника Герберта Джемисона. Через три дня в забеге на 400 м Бёрк снова использовал низкий старт и снова стал олимпийским чемпионом с результатом 54,2. Безусловно, после победы Бёрка все спринтеры перешли на низкий старт.

В США низкий старт впервые применили в 1887 году. Его автор Чарльз Шерилл. Путешествуя по Австралии, Чарльз и его тренер заметили, что кенгуру

перед прыжком всегда пригибается к земле, а потом резко выбрасывает тело вперед. Получался длинный прыжок и выигрыш в несколько секунд, что очень ценно на спринтерских дистанциях.

Бёрк был сражен афинским марафоном. Впервые увидев людей, способных вынести на ногах целых 40 км пути без отдыха да еще под палящим солнцем! И он загорелся идеей провести такой же марафон в США.

Мечта Томаса воплотилась через год. В третий понедельник апреля, точнее 19 апреля 1897 года, когда вся Америка отмечала День патриотов, двукратный олимпийский чемпион, спринтер Томас Бёрк прочертил ботинком условную линию старта и ровно в 10 утра скомандовал: «Вперед!» 15 спортсменов отправились в путь, открыв в истории марафонского бега одну из главных его страниц под названием «Бостонский марафон». Первым на дистанции 24,5 мили был бегун из Нью-Йорка Дж. Макдермот с результатом 2:55:10.

Томас Бёрк навсегда остался в истории Америки организатором и первым стартером легендарного марафона.

Бостонский марафон — старейший и один из самых известных в мире. Его проведение приурочено к празднику Дня патриотов (Patriots' Day). В 1924 году старт был перенесен в Хопкинтон, а маршрут удлинен до 26 миль 385 ярдов (42,195 км) в соответствии со стандартами, установленными на Играх 1908 года. В наши дни в ежегодном Бостонском марафоне участвуют больше 20 тысяч бегунов, а количество зрителей превышает 500 тысяч.

Бёрк проведет еще несколько Бостонских марафонов и выиграет первенство любительской атлетической ассоциации AAU в беге на 440 и 880 ярдов.

В мирное время он прославился как блестящий адвокат. В годы Первой мировой войны Бёрк служил в авиационной дивизии. Его считали отважным пилотом. Правда, трудно представить, как человек ростом 1,83 м умещался в маленькой кабине допотопного самолета.

Томас Эдвард Бёрк прожил 54 года. Измученный тяжелой болезнью, он все же отметит свой день рождения 15 января 1929 года. Но через месяц, понимая, что уже не в силах справиться с истерзавшей его болью, он решится... И тихо уйдет на рассвете нового дня.

Но вернемся в 1896 год. Американцы хорошо зарекомендовали себя на той Олимпиаде. По сумме медалей — 19, — они уступили грекам, которые завоевали 46 медалей. Но по количеству первых мест — 11, — США были впереди.

Наш представитель А. Д. Бутовский подробно написал о команде США, любезно отвечивая ей дифирамбы. Наверное, было за что. «Американцы, по большей части, — члены спортивных ассоциаций североамериканских университетов, следовательно, люди высшего образования, имеющие в пер-

спективе и умственную деятельность, и выдающееся общественное положение. Но в настоящее время — это спортсмены в самом полном значении этого слова. Держат себя с достоинством, как джентльмены. На арене всегда безукоризненны: в костюме, с отличительными знаками и шифрами своих ассоциаций, как на регламентарном трико, так и на верхнем плаще, в который они завертывают себя во время антрактов. Единственный признаваемый ими на арене авторитет — это жюри. Публика их не волнует и не стесняет. Между двумя упражнениями они без стеснения ложатся отдыхать на песке арены. Отзывчивы на приятельское обращение и в ответ на доброе слово не прочь похлопать по плечу самое высокопоставленное лицо. Виды спорта, в которых они по преимуществу тренированы, — это бег, прыжки, метание и кидание тяжестей. Во всех упражнениях они дали победителей. Вообще это молодежь, хорошо сложенная, видная, сухощавая».

ФЭЙР ПЛЕЙ НА ПЕРВЫХ ИГРАХ СОВРЕМЕННОСТИ

В Греции отличились французские велогонщики. Поль Массон добыл больше всех медалей высшего достоинства. Он стал победителем на треке, в гите с места, в спринтерской гонке на 2000 м и в гонке на 10 000 м. Его коллега по команде 18-летний Леон Фламан участвовал в четырех видах соревнований: 333,3 м, 2 км, 10 км (стал вторым) и 100 км.

В 100-километровой гонке стартовали девять спортсменов. Увы, многие участники не выдержали тяжелой езды под пылающим солнцем и сошли с дистанции. До финиша осталось 50 км и два молодых борющихся за победу лидера — 19-летний парижанин Леон Фламан и 17-летний грек Георгиос Колеттис. В самый разгар борьбы велосипед грека сломался. Теперь француз может спокойно финишировать. На удивление всем Фламан затормозил. Театрально, с парижским изыском приподняв велокепку, громко выпалил: «Vive la Grece!» («Да здравствует Греция!»). Но главное, Леон ждал до тех пор, пока сопернику не починили машину.

Джентльмен Фламан продолжил прерванную гонку. Незадолго до финиша упал, но все-таки завершил дистанцию первым, мчась с привязанным к ноге французским флагом. Значит, знал, что наверняка победит. Олимпийского чемпиона поздравил Его Величество Георг I. А концовка соревнований стала радостно-примирительной: с велодрома под аплодисменты торжественно, как героев античности, вынесли на руках победителя Леона Фламана и грека Георгиоса Колеттиса.

После благородного жеста в духе современного Фэйр Плей француз стал популярной личностью не только среди спортсменов.

Леон Фламан больше не участвовал в соревнованиях. Во время Первой мировой войны служил в составе 8-й пехотной дивизии, позже сержант Фламан стал пилотом. Получил патент военного летчика № 2333 от 12 января 1916 года в Шартре, эскадрилья VL 18, Шартрская школа. Был не просто летчиком, он испытывал многоцелевой военный самолет. За храбрость награжден Военным крестом и Колониальной медалью.

2 января 1917 года — последний день его жизни. Сержант Фламан был убит под Ивом, когда приземлился на парашюте. Ему было 39.

АЛЬФРЕД ХАЙОШ, ПОБЕДИВШИЙ ШТОРМ

Героем соревнований по плаванию стал один из самых молодых спортсменов первых Олимпийских игр, 18-летний студент из Венгрии Альфред Хайош. Он победил в двух заплывах: вольным стилем на 100 м (1:22,2) и на 1200 м (18:22,2).

В большой еврейской семье Гутманов было шестеро детей. Маленький Арнольд рос застенчивым, слабым и к спорту интереса не проявлял. На уроках физкультуры над ним подсмеивались: он не мог взобраться даже до середины гимнастического шеста.

Мальчику было 13, когда случилось горе. На его глазах в Дунае утонул отец. После этой трагедии подросток по совету матери решил научиться плавать. И начал усиленно тренироваться.

Через несколько лет он сменит имя и фамилию и станет Альфредом Хайошем. Чем это объяснить? Может, суеверием. Ведь новая фамилия в переводе с венгерского означала «моряк», и этот символ должен помочь ему в карьере пловца. В 1895 году 17-летний студент архитектурного факультета Альфред Хайош показал высокий класс, выиграв 100-метровку вольным стилем на чемпионатах Венгрии и Европы.

Как и многие молодые люди, он мечтал попасть в Афины, но ректорат университета к этой поездке отнесся с непониманием. Только после нескольких прошений его с большим неудовольствием решили отпустить.

Власти города пошли навстречу перспективному пловцу. Крытых бассейнов в Венгрии не было, как исключение, юноше разрешили бесплатно тренироваться в термальной купальне Рудаш, где живительная вода сохраняла температуру плюс 28 градусов.

В Греции тоже не было бассейнов. Олимпийские заплывы проводились в малом Пирейском порту в бухте Фалерона. Старт и финиш определяли канатами, привязанными к буйкам, а судьи находились в лодках. В день заплыва не повезло с погодой: пасмурно и прохладно — температура мартовской воды едва достигала плюс 13. Испугавшись подхватить простуду, некоторые пловцы из венгерской команды остались в гостинице. А Хайош отправился к заливу один.

На старт вышли 13 смельчаков, из которых 10 представляли Грецию. На лодках их доставили к месту заплыва.

Судья дал старт, и пловцы с лодок храбро прыгнули в холодную пучину. На берегу шумела 40-тысячная толпа, подбадривая спортсменов, особенно своих греков. Хайош легко обогнал всех. Но за 30 м до финиша вдруг резко ушел вправо. Публика в изумлении затихла. Удивленный тишиной, он успел заметить ошибку. Еще несколько секунд — и греческий пловец настиг бы его. Венгр каким-то чудом из последних сил заставил себя ускорить темп, терпя обжигающий холод и борясь с тяжелыми волнами — предвестницами шторма. «Я даже не заметил, как ушибся о привязанную веревку и услышал возрастающий гул с берега, свидетельствующий, что мы пересекли линию финиша, — рассказывал спортсмен в мемуарах. — Победа! Я был первым в первом соревновании по плаванию в олимпийской истории».

Он справился. В лодке для судей наследный принц Константин торжественно поднял венгерский флаг, предусмотрительно привезенный из Будапешта Альфредом. Все бы хорошо, но зазвучал австрийский гимн. Поняв оплошность, оркестр смолк. Венгрия все еще входила в состав Австро-Венгрии, но на Играх венгерские спортсмены, спасибо Кубертену, выступали отдельно от австрийцев. На берегу зрители громко поддержали олимпийца Хайоша и независимость его страны, скандируя: «Да здравствует Венгрия!»

Вторую медаль высшей пробы спортсменов завоевал на дистанции 1200 м. Победил с отрывом почти в три минуты, поставив второй олимпийский рекорд — 18 минут 22,2 секунды. В своем дневнике он рассказал, как трудно доставалась эта победа. «На дистанции в 1200 метров стартовало девять участников. На трех маленьких суденышках нас доставили в открытое море, которое было довольно беспокойно. Тело мое было покрыто слоем жира толщиной в палец; наученный опытом предыдущего заплыва, с помощью жира я пытался защитить себя от ледяной воды... Отчаянными гребками я рассекал воду и успокоился только тогда, когда суденышки повернули к нам и начали вылавливать из воды окоченевших пловцов. Соперников я победил с большим преимуществом, однако самую большую борьбу пришлось вести не с ними, а с морскими волнами и ужасно холодной водой. Если честно, меня не покидала мысль: что будет, если в этой ледяной воде у меня случится

судорога? Можно сказать, что мое стремление выжить пересилило мое желание победить». Пловец так продрог и ослаб, что сам не смог выбраться на берег. На торжественной церемонии король Греции Георг I, вручая медаль победителю, спросил у Альфреда, где тот научился так хорошо плавать. Спортсмен был находчив: «В воде, Ваше Величество!»

«Венгерский дельфин» — так журналисты окрестили Хайоша. Наверное, он мог бы дальше выступать и одерживать новые победы. Но в 19 лет «Дельфин» вдруг ушел из спортивного плавания и занялся легкой атлетикой и футболом. Он оказался на удивление разносторонним спортсменом и тренером. Альфред выиграл чемпионат Венгрии в абсолютно непохожих дисциплинах: в беге на 100 м и 400 м с барьерами и в метании диска. Играл в футбол в национальной сборной с 1901 по 1903 год и даже стал ее капитаном, а потом работал футбольным арбитром. С 1906 года занимал пост тренера сборной Венгрии по футболу.

И даже наставлял младшего брата Хенриха Хайоша, ставшего победителем в эстафете 4 x 250 м вольным стилем на Внеочередных Олимпийских играх 1906 года в Афинах.

Хайош прославился и на журналистском поприще. Олимпийский чемпион был ведущим спортивной рубрики в авторитетной газете «Pesti Naplo» и возглавил редакцию первого спортивного еженедельника в Венгрии — «Sport Vilag» («Мир спорта»).

В 46 лет он снова вернулся на Олимпийские игры. Но уже как участник Конкурса искусств, проходившего на Играх в 1924 году в Париже. Альфред Хайош и его соавтор бывший теннисист Дежё Лаубер были награждены серебряной медалью за проект «идеального» стадиона. К сожалению, проект не был реализован.

Конкурсы искусств начали проводиться по инициативе Пьера де Кубертена на Играх V Олимпиады в 1912 году и продолжались до 1948 года. Золотая медаль в номинации «архитектура» в 1924 году не присуждалась.

В карьере Хайоша гармонично сочетались два направления — спорт и архитектура. Окончив университет, Альфред продолжал работать и учиться у известных архитекторов, а потом и сам добился успеха в модных тогда стилях эклектики и модерна. В Венгрии его ценили: около 100 архитектурных идей Хайоша воплощены в замки, дома, школы... Он спроектировал в Дебрецене знаменитый отель «Золотой бык», в Мишкольце — концертный зал, банк и дворец. Альфред Хайош, в душе спортсмен, помнил невероятно тяжелые заплывы на первых Олимпийских играх. По его проекту в 1930 году на острове Маргит в Будапеште был построен Национальный плавательный бассейн — первый в Европе крытый бассейн с трибунами на 2500 зрителей. Профессиональный пловец досконально учитывал все детали, начиная от

раздевалки до поддержания оптимальной температуры воды. Карьера Хайоша была на взлете, когда пришла война.

В годы Второй мировой войны в Венгрии были приняты так называемые еврейские законы, которые урезали гражданские права еврейского населения, устанавливали жесткие квоты для работы и предпринимательства. Но Хайоша, как известного архитектора и олимпийца, поначалу не трогали. Некоторое время ему удавалось получать документы, освобождавшие от соблюдения нацистского закона. Казалось, всемирной знаменитости дали индульгенцию. Но очень скоро Альфред почувствовал, что фашисты его не пощадят. И он спрятался, чтобы не попасть в концентрационный лагерь смерти.

В 1944 году в Венгрии начались акции по уничтожению сотен тысяч евреев, дома которых нацисты отмечали желтыми звездами. Их депортировали в Германию. Массовые убийства евреев в Венгрии считаются одним из тяжелейших эпизодов холокоста. Знаменитого венгерского фехтовальщика-еврея, чемпиона Олимпийских игр 1928 и 1932 годов Аттилу Печауэра депортировали в концлагерь Давыдовка на Украине, где он был замучен по приказу другого участника Олимпиады 1928 года, подполковника Кальмана Чех фон Сент-Катольны. Серебряный медалист чемпионата Европы по боксу Имре Манди умер в трудовом лагере. Неоднократный чемпион Венгрии, мира и Олимпийских игр по сабле Янош Гараи погиб в Маутхаузене. Под Харьковом был расстрелян лучший футболист Венгрии 1919 года, чемпион страны и участник Олимпийских игр 1924 года Йозеф Браун.

После войны архитектор Хайош занялся любимым делом. Восстанавливал жемчужины Будапешта: замок Вайдахуняд и Биржу на площади Свободы — все то, что разрушили фашисты.

Он покинул этот мир в ноябре 1955 года.

И только посмертно Альфреду Хайошу были присуждены высшие государственные награды: премия Венгерского наследия за выдающиеся достижения в спорте и премия имени Миклоша Ибла в области архитектуры. В 1967-м в его квартире на улице Батори в Будапеште открыли Музей физической культуры и спорта, в его честь назвали улицы и школы.

Дворец водного спорта на острове Маргит носит его имя. В холле бассейна стоит бюст первого олимпийского чемпиона по плаванию и строителя этого комплекса. Именно здесь проходили чемпионаты Европы по водным видам спорта в 1958-м, 2006-м и 2010-м годах и чемпионат мира 2017 года.

Память о достижениях Альфреда Хайоша сохранена в Международном зале славы водных видов спорта в Форт-Лодердейле (США) и Международном еврейском спортивном зале славы в Нетании (Израиль).

МАРАФОН ДЛИНОЙ В 40 КИЛОМЕТРОВ

Каждый любитель спорта знает, что марафонская дистанция — это 42 км 195 м. Но так было не всегда. Два километра и 195 метров добавили в 1908 году на Играх IV Олимпиады. Эту дистанцию марафона МОК официально утвердил в 1924 году.

Включение марафона в программу Олимпийских игр 1896 года стало выдающимся событием. Идея принадлежала профессору Парижского университета — филологу и историку Мишелю Бреалю, взявшему за основу новых соревнований маршрут древнегреческого гонца в Афины после Марафонской битвы.

В сентябре 490 года до н. э. у греческого селения Марафон произошло сражение между войсками Афин и армией персидского царя Дария. Эта битва известна как Марафонское сражение. Грекам удалось остановить продвижение персидской армии. Согласно легенде, после битвы греческий гонец Фидиппид пробежал от Марафона до Афин 40 километров, чтобы возвестить о победе. Добежав до Афин без остановок, он успел крикнуть: «Радуйтесь, афиняне, мы победили!» И умер.

В письме к Пьеру де Кубертену месье Бреаль пообещал: «Если бы организационный комитет афинской Олимпиады согласился повторить знаменитый бег греческого воина, я вручил бы победителю этого состязания серебряный кубок». Идея пришлась по душе де Кубертену. Хотя у членов МОК были серьезные опасения. Сможет ли человек преодолеть без отдыха столь длинную дистанцию и не навредить своему здоровью?

Профессор Бреаль свое обещание выполнил. В январе 1896 года в субботнем выпуске греческой газеты «Estia» сообщалось: «Вчера в помещении Комитета Олимпийских игр директор Французской школы господин Омоль передал кубок, присланный ему ученым Бреалем для вручения победителю марафона. Кубок изготовлен из серебра и обрамлен водными растениями и парящими птицами. В его верхней части размещена надпись “Олимпийские игры 1896. Приз за победу в марафоне, дар от Мишеля Бреаля”».

На Играх в Афинах соревновались только мужчины. И это было несправедливо. Гречанка со знаковым именем Мельпомена тоже мечтала бежать марафон. Но ее заявку отклонили. По правилам первой Олимпиады женщины не выступали ни в одном виде спорта.

В Олимпийских играх Древней Греции женщины не участвовали. Для них проводились соревнования, посвященные покровительнице семьи — богине Гере. В программу современных Игр женский марафон включен в 1984 году.

Двадцать четыре бегуна собрались на ночлег в селении Марафон, чтобы утром выйти на старт. Конечный пункт забега — Мраморный стадион, трибуна королевского семейства.

Шестерым иностранцам и восемнадцати грекам предстояло пробежать дорогой легендарного воина Фидиппида. Накануне представитель Оргкомитета сообщил спортсменам неприятную новость: «Ожидается сильная жара». Несколько марафонцев, опасаясь за свое здоровье, сразу же отказались от участия.

На мостике в Марафонской долине дали старт 18 храбрецам. Сначала марафонцы бежали плотной группой в сопровождении конных солдат и велосипедистов. Экипировка спортсменов по сегодняшним временам выглядела пестровато. Каждый облачился на свой вкус и цвет. На всех были защищающие от солнца широкие с длинными рукавами рубахи и свободное трико. Дорога неровная, для бега неудобная. Пробежать такое огромное расстояние даже натренированному человеку, как в 1896 году, так и сейчас, невероятно тяжело. Местные крестьяне, заведя странно одетых мужчин, куда-то бегущих по пыльной дороге, испуганно осеняли себя, а заодно и бегунов, крестом.

На первом контрольном пункте в деревне Пекерми марафонцам предложили освежиться прямо на ходу: выпить воды и даже пропустить стаканчик прохладного вина.

Десять километров бодро преодолели все. А потом началось. Два греческих марафонца первыми упали в обморок. Лидировали иностранцы. Но и они не смогли выдержать. С дистанции сошел американец Артур Блейк. Вперед вырвался француз Альбин Лермюзо. Но, пробежав 30 километров, марафонец замер на обочине. Сопровождавший его велосипедист из родной Франции мгновенно оценил ситуацию и втер в забитые мышцы соотечественника специально привезенную мазь. На какое-то время Альбину полегчало. Француз пробежал еще два километра и рухнул на землю. Очевидец события, генерал Бутовский отметил: «Большую часть пути впереди других бежал француз Лермюзье, очень сильный бегун. Казалось, он обладал большим еще запасом сил, но когда увидел, что Луис решительно его обгоняет, то это так на него подействовало, что он почувствовал себя дурно, обессилил и совсем отказался от продолжения бега».

Бег повел австралиец Эдвин Флэк. Осилив 37 км, он тоже сошел с дистанции. Организаторы предвидели возможные осложнения. Расставленные по пути медицинские экипажи с врачами и фельдшерами подбирали и спасали измученных людей.

Греческий марафонец Спиридон (Спирос) Луис поначалу здорово отставал. Помогла короткая остановка у деревушки Халандри. Любимая девушка по имени Елена угостила нареченного половинкой апельсина, а будущий

тесть стаканом коньяка. Допинг любви сыграл немаловажную роль. Недаром Луис тут же пообещал будущим родственникам, что всех обгонит. Слово сдержал. За несколько километров до финиша Луис лидировал.

Финиша ждали с нетерпением. Если у входа на стадион начиналось какое-нибудь движение, все, как по команде, смотрели в одну сторону и даже вскакивали с мест.

Залп из пушки возвестил о приближении греческого марафонца. В запыленном трико с голубыми разводами спортсмен вбежал на стадион. Трибуны встали. Многие плакали от счастья. Ведь в этом самом тяжелом, труднейшем виде состязаний победил их соотечественник. «Неудержимые крики восторга волной расплываются по всему амфитеатру и в окрестностях: маханье шапками, зонтиками, флагами, платками, все это растет crescendo и вдруг, точно что-нибудь прорвалось, точно были закрыты какие-то двери, за которыми слышался только гул, а тут внезапно их открыли настежь. По арене бежит небыстрым бегом сухощавый человек — причина этого невероятного восторга. Он, очевидно, ничего не слышит; для него есть один только предмет в мире — это конец его бега. От усталости или от пыли смуглое лицо его кажется совсем черным», — так описал этот эпизод генерал Бутовский.

К Луису бросились судьи. В знак солидарности они бежали рядом с марафонцем последние метры до финиша. Болельщики хлынули на поле и стали качать героя. Под овации король Греции обнял крестьянина.

«C'est un spectacle que la vie moderne n'a pas encore vu» («Это спектакль, еще невиданный в современности»), — так оценил это зрелище член Международного олимпийского комитета для Швеции и «отец шведского спорта» Виктор Бальк.

А вот оценка Пьера де Кубертена: «Его победа была великолепна по своей силе и простоте. Он достиг входа на стадион, где находилось более 60 тысяч зрителей без следа усталости, и когда принцы Константин и Георгий подняли победителя на руки и понесли к мраморному трону короля, поднявшегося им навстречу, казалось, что вместе с атлетом на стадион вступила вдруг вся ожившая греческая античность. Разразилась невиданная овация. Это было одно из удивительнейших зрелищ, врезавшихся мне в память».

Телеграфировали о победе греческого марафонца в Александрию меценату Аверову. Его ответ был мудр: «Меня радует успешный исход Олимпийских игр. Желаю моему отечеству таких же успехов в политике и на поле брани».

24-летний Спиридон Луис пробежал марафон за 2 часа 58 минут 50 секунд. Через 7 минут 13 секунд финиш пересек другой грек, Харилаос Васиلاكос. Из 18 стартовавших лишь 9 достигли финиша.

Греки заняли 1, 2, 4, 5, 6-е места. Претендент на 3-е место греческий бегун нарушил правила. Хорошо зная местность, марафонец срезал поворот на

коляске, запряженной лошастью, и обошел венгра Дьюлу Коллнера. Но хитреца дисквалифицировали, а Коллнер стал третьим.

Как неизвестный грек Спирос Луис меньше чем за три часа превратился в великого спортсмена? Физически выносливому молодому человеку, наверно, помогла его тяжелая работа почтальона и водовоза. Уже перед Олимпиадой он проявил себя в армейских соревнованиях. За подготовку к марафону отвечал полковник с непростой фамилией Пападиамантопулос. Командир настоял, чтобы служивший уже второй год Луис прошел квалификационный забег. И хотя его подопечный финишировал только пятым, дальновидный командир все же предпочел послать на Игры именно Луиса.

У героя Греции была серьезная мотивация. Он мечтал вырваться из нищеты и жениться на Елене — самой красивой девушке из его деревни. Для свадьбы нужны драхмы. А он был настолько беден, что не мог купить даже обувь для бега. Деньги собирали односельчане.

Если верить легендам, за три дня до старта Луис бросил тренировки, не ел и только молился.

3 апреля на закрытии Игр награждали победителей. Повторяя античный церемониал, офицер, исполнявший роль герольда, громко выкрикнул: «Спирос Луис — победитель марафона». Сам король вручил серебряную медаль, диплом и оливковую ветвь, как это было в древности, из священной олимпийской рощи. И, конечно, великолепный серебряный кубок Мишеля Бреала. На флагштоке взвился флаг Греции.

Традиция награждения олимпийцев золотыми медалями появилась лишь в 1904 году на Играх III Олимпиады в Сент-Луисе.

Перед публикой, которая его боготворила и возвела в ранг великого героя, Спиридон Луис вел себя сдержанно. В книге А. Д. Бутовского это отмечено. «В течение всех следующих дней он был предметом внимания и попечения патриотически настроенных афинских жителей. Его одевали в греческий национальный костюм (фустанелла), катали, возили в театр, устраивали ему обеды, завтраки. И надо отдать ему справедливость, это нисколько (по крайней мере, в следующие дни Игр) не выбило его из колеи. Нигде и ничем он не старался выделиться. Не знаящим его в лицо, его надо было показывать и, не будь он в фустанелле, многие не признали бы в нем марафонского победителя».

Луис был скромным человеком. На его плечи легла слава и посыпались дары как из рога изобилия. Даже современному олимпийцу, получающему призовые и награды, этот «рог» покажется солидным.

Дары для марафонца живописно описала одна из греческих газет: «Победитель получил золотую цепь от ювелира господина Кипариссиса сразу же

после прибытия на стадион. Далее перечислены другие подарки, которые ему предстояло принять. Костюм фустанелла от господина Валсамидиса; снабжение продуктами в течение года от господина Скотидаса; поставка самосского вина в течение года от господина Пападимитриу; еще один костюм фустанелла от братьев Антониадис; один ящик коньяка и ликеров и торт от Алексиу; бесплатный кофе в течение года в кафе господина Д. Бавиаса; поставки молока в течение года из молочной лавки господина Зотиадиса; пожизненно бесплатное обслуживание в парикмахерской Велиссариу; один баррель вина от Теофилатоса; бумага из магазина бумажных товаров Разиса; доставка бесплатных газет в течение года от господ Мариана и Влассопулоса; и, наконец, пожизненно бесплатные услуги стоматолога, доктора Е. Костанидиса». Эксцентричная американка предложила марафонцу также своеобразный приз — свое сердце и свое состояние.

Фустанелла — традиционная мужская одежда у албанцев и греков: белая рубаха с длинными рукавами, белая короткая и широкая до ста клиньев юбка, яркая короткая куртка с ложными рукавами, отделанная золотым галуном.

И это далеко не все. Добавим починку обуви в течение года. Ювелирные украшения, часы и последнюю модель швейной машины «Зингер», «пожизненный билет для бесплатного проезда по железной дороге компании «Железные дороги Аттики»».

Некоторые почитатели выделили Луису приличные денежные суммы. Одна из греческих газет объявила сбор денег для покупки земли марафонцу. Греческая община в Англии купили ему поле с условием, что оно будет названо «Поле марафона». Кое-что из даров были, по сегодняшним меркам, рекламной акцией. Другие шли от чистого сердца. Ведь Луис стал единственным греческим олимпийским чемпионом в легкой атлетике.

Трудно сказать, дошли ли все эти перечисленные и нам еще неизвестные дары до бедного, но уже всемирно известного человека. Но у его правнуков сохранились преподнесенные часы и кое-что из драгоценностей. И еще два кубка. Первый от Бреалы, а второй, и тоже очень изысканный, из металлического сплава с гальваническим покрытием, ножка которого в виде кариатиды, от английской компании «Sidney Noel» («Сидни Ноэль»). Кубок украшен цветами и надписью, которую привожу, как это было в оригинале: «Олимпийский победитель марафона Спиридон Луис 776—1896».

Первые достоверные исторические сведения о проведении Олимпийских игр в Древней Греции относятся к 776 году до н. э.

В день торжественного закрытия Игр олимпийские чемпионы совершили круг почета по Мраморному стадиону под музыку нового марша Кайсариса «Мы победили». Возглавлял шествие герой марафона в греческом национальном костюме.

После этой Олимпиады он никогда не выступал в соревнованиях. Вполне логично возникает вопрос: а почему? Ведь Луис был еще молод и полон сил. Он стал символом Греции. До конца дней на каждом торжественном открытии Игр Олимпиад возглавлял команду своей страны.

Может быть, хотел уйти непобежденным? Или уже не было стимула? Появилась земля, деньги и любимая жена. Его рекорд в марафоне продержался 12 лет до лондонской Олимпиады 1908 года.

Но у меня другая версия. По правилам Олимпийской хартии, принятой в 1894 году, в Играх могли участвовать только любители. Спортсмены это табу старались соблюдать. МОК проводил своеобразную чистку любительских рядов и исключал непослушных. Вряд ли герой первой Олимпиады прошел бы это чистилище. В афинской газете «Asty» безымянный автор довольно резко высказался о дорогостоящих дарах, принятых великим марафонцем: «Что касается сбора денежных средств и предложений принять в дар акции, земельные участки и дома, то все это с точки зрения спортивной этики рассматривается как неподобающее поведение. Тоже необходимо отметить и в отношении наград, вручаемых победителям. В древности олимпийским чемпионам вручались лишь почетные награды, обладающие моральной ценностью. Так делалось для того, чтобы спортсмен мог дорожить престижем победы».

Победитель стал героем, и его имя навечно внесено в олимпийскую историю. Каждый високосный год он становился посланником Греции на Играх Олимпиад. В последний раз это случилось в 1936 году в Берлине. Почетный гость Спиридон Луис даже встретился с Гитлером и вручил ему символ мира — оливковую ветвь. Увы, не помогло.

Умер легендарный марафонец 26 марта 1940 года, за неделю до вторжения фашистов в его страну.

В честь бегуна в Греции названы Олимпийский стадион в Афинах, бульвар, по которому бежали марафонцы, и даже марка спортивной обуви.

Накануне Олимпийских игр 2012 года, 18 апреля в Лондоне прошел аукцион «Christies's». Потомки великого марафонца выставили серебряный кубок Мишеля Бреала, врученный Спиридону Луису в 1896 году. Внук великого спортсмена, названный в честь деда Спиридоном, принял трудное решение о продаже реликвии: «Мои дети и я выросли с ним. Я, однако, не мог поступить иначе».

Кубок был продан за 541 тысячу 250 фунтов стерлингов, или 860 тысяч долларов США. Лот приобрела благотворительная организация «Stavros Niarchos Foundation», которая выделяет гранты на образование, науку и искусство. Сейчас кубок находится в музее Акрополя.

КУБЕРТЕНА КАК БУДТО ЗАБЫЛИ

Возрождение Олимпийских игр стало делом свершенным. Идея барона Пьера де Кубертена с успехом была реализована в Афинах. Игры I Олимпиады прошли с триумфом. Летописец первых Игр член МОК для России генерал А. Д. Бутовский детально рассказал о завершающем празднике на земле Эллады.

«Король Греции на заключительном приеме засвидетельствовал блестящий успех Игр. “Позвольте мне, господа, — сказал он по-французски, — высказать вам все то удовольствие, какое все мы испытали, видя вас в Греции участниками в Олимпийских играх. По тому приему, какой сделало вам население, вы сами могли убедиться, как рад был эллинский народ, принимая вас как своих гостей. Пользуюсь также этим случаем, чтобы выразить победителям мои самые горячие поздравления”».

И, конечно, Георг I выразил «горячие поздравления» не только спортсменам, но и поблагодарил «королевича за его труды в комитете Игр, принцев Георга и Николая за их содействие успеху этого предприятия; тепло поблагодарил секретаря комитета Филимона и всех греческих и иностранных атлетов, возвысивших блеск Игр своим присутствием.

Потом, к всеобщему восторгу, он нашел еще приветственное слово для атлетов почти каждой национальности на их родном языке».

Не забыли и нашего генерала. Король удостоил Алексея Дмитриевича Бутовского высшей государственной награды — Командорского Креста греческого Ордена Спасителя.

Да, король эллинов хвалил и благодарил всех. Только барон де Кубертен не удостоился теплого словечка. Правда, отмечу, с почестями при жизни де Кубертену всегда не везло. Единственная его награда — золотая медаль — была вручена в 1912 году на Конкурсе искусств за поэму «Ода Спорту».

В 1936 году Пьер де Кубертен был выдвинут на присвоение Нобелевской премии мира за многолетнюю миротворческую деятельность, использование Олимпийских игр для укрепления мира и взаимопонимания между народами. Его кандидатуру не поддержали.

Создавалось впечатление, что в Афинах семеро членов Международного олимпийского комитета были всего лишь почетными гостями на своем же празднике. Однако это не так. Международный комитет работал ежедневно. Представители МОК, как пишет А. Д. Бутовский, обсуждали, «в какой степени эти Игры отвечают намерениям и предложениям Международного конгресса, а также для определения программы своих будущих действий, в особенности по образованию международного союза атлетических

обществ, наконец, для определения тех центров, в которых должны иметь место предстоящие Олимпийские игры». То есть будущее олимпийского движения определялось на Играх I Олимпиады в Афинах.

Небезынтересно, что Греческий комитет Игр без всяких к тому поводов ревниво относился ко всему, что делали посланники МОК. Пребывание де Кубертена с коллегами, их регулярные заседания греческий истеблишмент почему-то встречал в штыки. Та преувеличенная мнительность вносила даже в общее настроение некоторый хотя и не резкий, но все-таки нежелательный диссонанс.

А барона Кубертена, присутствовавшего на Играх, будто не замечали. Даже пресса обратила на это внимание: «Одно обстоятельство удивило нас в этой стране, где нет недостатка в памяти сердца, это то, — говорилось в газете “*Messenger d’Athenes*”, — что по поводу успеха Олимпийских игр благодарности и поздравления высказывались всем, кроме того, кто был их провозвестником.

Воздание должного г. Кубертену, как начинателю дела, нисколько не умаляло бы заслуг ни г. Филимона, бывшего правой рукой наследного принца, ни других сотрудников Его Королевского Высочества».

В наши дни сохраняется память о человеке, возродившем современное Олимпийское движение. В 1964 году была учреждена медаль Пьера де Кубертена (*La médaille Pierre de Coubertin*), известная как Медаль истинного духа спорта (*True Spirit of Sportsmanship medal*). Это особая награда Фэйр Плей вручается за выдающиеся проявления спортивного олимпийского духа и благородства. Этой редкой наградой в 1993 году была удостоена российская спортсменка, выигравшая четыре золотые олимпийские медали, многократная чемпионка СССР Раиса Петровна Сметанина.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К I ОЛИМПИЙСКИМ ИГРАМ

Закончились Игры I Олимпиады. Так кто же они, эти первые участники Игр? Самую точную имиджевую характеристику спортсменам дал член МОК для России генерал А. Д. Бутовский. «Трудно передать то впечатление, какое испытываешь среди этой оригинальной и очень симпатичной молодежи. Я сказал уже, что в большинстве случаев это люди, привыкшие к обществу. В этой среде даже более скромные по общественному положению, как Луис (который в таких случаях всегда был в национальном костюме), чувствуют себя как бы среди своих людей и не ощущают никакой неловкости. Потом, еще раз повторяю, ничто так не сближает людей, как известные физические упражне-

ния. В этом отношении международные игры — воспитательное учреждение. Тут сглаживаются все племенные, национальные и партийные различия, тут все обращаются друг к другу с открытой и благорасположенной душой.

Видеть этих молодых людей, которые за несколько часов перед тем на арене всенародно проявляли чудеса энергии, ловкости и силы, которые, почти что перед самым отправлением на бал, в своих спортсменских костюмах железными руками охватывали друг друга в борьбе и до ссадин катались в обоюдном сопротивлении по крупному гравию арены, видеть их теперь в роскошных покоех, где совмещено все, что только могла дать древняя и новая культура для удобства и изящества жизни, видеть их развязными светскими молодыми людьми, изысканно одетыми по-бальному, ловко танцующими и любезными в самом избранном и утонченном женском обществе, это такое новое, такое неожиданное впечатление, которое надолго не изглаживается из памяти. Невольно приходит мысль, что, может быть, здесь-то именно, в этих чуждых нашему времени, но когда-то обычных и поэтических переходах от актов высокой энергии к умиротворяющим и облагораживающим явлениям культурной общественной жизни, и лежит разгадка той полноты жизненного содержания, к которой так страшно стремится современный человек и которой не находит, что в этих условиях более, чем где-нибудь, надо искать залога того духовного и физического равновесия, которого так должны желать в наше время родители своим детям. Я убежден, что высказываю здесь не одни только свои личные впечатления и мысли; так думали и чувствовали все бывшие в то время в Афинах».

А ТЕПЕРЬ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Россия пропустила Игры в 1896, 1900 и 1904 годах. И только в 1908-м состоялся дебют на Играх IV Олимпиады в Лондоне.

На 6-й сессии МОК в июне 1904 года избирали олимпийскую столицу. На проведение Игр претендовали три города: Берлин, Милан и Рим. Выбрали столицу Италии. Это решение поддержали Римский папа Пий X, король Виктор Эммануил III и мэр Рима. Против Игр выступил премьер-министр, сославшись на необходимость потратить бюджет страны на более важные дела. К тому же в 1906 году Неаполь пострадал от извержения Везувия. И это тяжелое событие стало окончательной точкой невозврата.

Сложившаяся ситуация требовала скорейшего разрешения. Необходимо найти город, который согласился и смог бы в кратчайшие сроки построить спортивные объекты, а затем принять многотысячную публику.

Проблему удалось решить в 1906 году во время проведения неофициальных Олимпийских игр в Афинах. Члены МОК встретились с королем Эдуардом VII и председателем Британской олимпийской ассоциации Вильямом Гренфеллом. В результате переговоров было получено согласие на проведение Олимпийских игр в Лондоне.

Внеочередные Олимпийские игры 1906 года проводились в Афинах с 22 апреля по 2 мая 1906 года на Мраморном стадионе. Участвовали 883 спортсмена и 20 спортсменов из 21 страны. Игры не были признаны МОК и поэтому не получили порядкового номера.

На подготовку к Играм оставалось меньше двух лет. Чтобы привлечь зрителей, организаторы решили провести соревнования совместно с Франко-британской выставкой. Комитет Игр пошел на беспрецедентный шаг: предложил дирекции выставки заняться строительством спортивных объектов в обмен на 75 процентов дохода от билетов. И все равно в июне, за несколько недель до официального открытия, организаторам не хватало 10 000 фунтов стерлингов! Правда, олимпийские состязания велись уже с 27 апреля и были разыграны 25 комплектов медалей.

Обратились к меценатам. На помощь пришли принц Георг Уэльский, владельцы газеты «Daily Mail», семья американского железнодорожного магната Вандербильта и даже французское правительство. В итоге собрали намного больше — 16 000 фунтов стерлингов.

Итак, олимпийское движение спасено. Официальная церемония открытия состоялась на стадионе Уайт-Сити на 66 000 мест, специально построенном к этим Играм. Здесь же располагались дворцы и выставочные здания, где принимали гостей франко-британского выставочного центра и зрителей соревнований. Весь комплекс поражал своим белоснежным интерьером. Белые дворцы, белые набережные создавали иллюзию снежного царства.

И это были самые продолжительные в олимпийской истории Игры: с 27 апреля по 31 октября 1908 года. В соревнованиях участвовало 2008 человек из 22 стран. Было разыграно 110 комплектов медалей в 22 видах спорта. Впервые количество участников в отдельных видах было ограничено, введены и квалификационные отборы. И впервые в сугубо летние соревнования был включен зимний вид спорта — фигурное катание.

На этих Играх исключили соревнования по рапире и поднятию тяжестей. Член МОК для России граф Георгий Рибопьер критически отнесся к составленной программе: «Рапира, которая является основой фехтования, в нее не включена. Я не нашел в программе и соревнований по поднятию тяжестей. Могу смело утверждать, что каждый спортсмен занимался этим видом в большей или меньшей степени. Классическая борьба попала в программу только благодаря моим усилиям. Зато мы находим в ней полный набор любимых

английских видов спорта! Действительно, у англичан нет шансов на победу ни в классической борьбе, ни в поднятии тяжестей, возможно, в рапире».

Команда России была немногочисленной, в ее состав входили фигурист Николай Панин-Коломенкин (золотая медаль) и четверо борцов: Александр Петров (серебряная медаль в тяжелом весе), Николай Орлов (серебряная медаль в легком весе), Евгений Замотин, Григорий Дёмин и легкоатлет Джордж Линд (имя при рождении — Георгий Липин). Линд участвовал в самой престижной дисциплине — марафоне и выступил достойно, заняв 19-е место и финишировав в середине списка.

БОРЕЦ — ОН ЖЕ ДОКТОР

Только благодаря настойчивости члена МОК Григория Ивановича Рибопьера для России борьба была включена в программу Игр IV Олимпиады. Граф Г. И. Рибопьер, меценат и организатор российского спорта, спонсировал команду российских борцов.

В 1908 году на Игры в Лондон приехало всего 6 спортсменов из России, и трое вернулись с наградами. Среди них серебряный призер, борец-супертяжеловес Александр Петров.

Уже практикующий доктор Александр Петрович Петров готовился к Олимпийским играм чрезвычайно тщательно. Он понимал роль питания для спортсмена, поэтому разработал свою диету и задолго до Игр строжил себя во всем. Вел сугубо праведный образ жизни, отрешившись от всех соблазнов. Летом перед поездкой в Лондон отказался даже от свежих огурцов. И все из-за лишней влаги, которая, как считал сам доктор, вредит его подготовке.

Схватка борцов-супертяжеловесов (свыше 93 кг) англичанина Фредерика Хемфриса и русского Александра Петрова на олимпийском помосте была одной из самых интригующих. Хемфрис быстро ощутил мощь русского и всеми увертками уклонялся от боя. Пока у него были силы «бегал» так минут 20. А потом сник. Наш Петров легко победил.

Вторую схватку провел с венгром Гуго Пайпером. На 15-й минуте сильный противник был сломлен эффектным приемом Петрова. Он был счастлив этой победой: значит, не даром до мелочей изучал приемы и правила французской борьбы.

В финале за звание олимпийского чемпиона предстояла встреча с главным соперником, венгром Рихардом Вейсом, который обладал внушительным преимуществом — оказался значительно мощнее, был гораздо тяжелее Петрова.

В день финала тяжеловесов, как отмечал член российской команды Григорий Дёмин, в Лондоне стояла смертельная жара, воздух казался раскаленным. Да и поединок на этот раз тоже был не из легких, длился долго — 50 минут. Русский работал активно, сделал несколько попыток бросить в партер могучего Вейса. Судьи по результатам двух финальных схваток предпочли спортсмена из Австро-Венгрии. Представители русской делегации были немало этим удивлены. Однако, по тогдашним правилам в случае ничьей арбитры по своему разумению выбирали победителя. Судейский произвол на борцовских турнирах — явление привычное. Проанализировав поединки по минутам, Петров отчетливо понял, что его просто засудили. Тем более среди судейской коллегии не было ни одного представителя России.

Граф Григорий Иванович Рибопьер как член МОК для России отправил письмо Пьеру де Кубертену, где прокомментировал поведение арбитров. «Перед поездкой своих борцов я был уверен, что они хорошо себя проявят. Теперь, когда все позади, можно сказать со всей серьезностью: каждый из них мог бы занять первое место в своей категории! Но что произошло?

1) Замотин упал в результате удара по ноге, который остался незамеченным судьей. Имея одно поражение, он был дисквалифицирован.

2) Дёмин победил своего противника. Был поднят флаг в знак его победы. Публика аплодирует. Дёмин идет переодеваться, а когда возвращается, видит флаг противника. Он спрашивает: почему? Ему отвечают, что его противник пожаловался, будто бы Дёмин его укусил. Дёмина дисквалифицировали.

3) Орлов поборол нескольких противников, однако ему выставляли неверные оценки, и он не стал победителем. (Николай Орлов стал серебряным призером в легчайшем весе. — *Примеч. авт.*)

4) Петров не только поборол нескольких противников, но и продемонстрировал свое превосходство в физической силе и ловкости. После чего ему не дали победы и заявили: «Ваш противник получил 1-й приз потому, что у него больше мускулатура и рост!» Вот это перл! В течение 30 лет я держу лошадей и участвую в бегах круглый год. Никогда не оспаривал решение судей. Не собираюсь делать это и сейчас. Но как спортсмен имею полное право заявить, что жюри, обслуживавшее соревнования по борьбе в Лондоне, было плохо составлено. Все четверо русских, каждый в своей категории, были лучшими. Но так как Россия не была представлена в жюри, они потерпели поражение, несмотря на явное превосходство во всем! Я говорю — явное превосходство потому, что господин Петров, например, — он военный врач, — равен лучшему профессиональному борцу Франции и неоднократно побеждал в Петербурге знаменитого японца А. Оно».

Но с вынесенным решением не поспоришь. И уроженец города Ельца Александр Петров, так мечтавший о золоте, получил серебряную медаль из рук королевы Александры.

Петрову на соревнованиях в Лондоне уже 32 года. По современным меркам староват для действующего спортсмена, но для того периода возраст вполне приемлемый.

Сам Александр Петрович Петров — из купеческого знатного сословия, много сделавшего для развития города Ельца. Родители дали ему имя в честь знаменитого деда — почетного гражданина, построившего Вознесенский собор, который и поныне символ и украшение Ельца. А привилегия деда — почетного гражданина — открывала в детстве и юности Саше дорогу к серьезному образованию. Его определили во Вторую московскую гимназию, затем он поступил на естественно-научное отделение Московского университета. На пятом курсе студента наградили золотой медалью за исследование «Об изменении нервных клеток при употреблении алкоголя и сивушных масел».

Извечная российская проблема совершенно не касалась его жизни. Саша не пил. Совсем. Занимался коньками, плаванием, фехтованием, лыжами, греблей, танцами, гимнастикой, легкой атлетикой, а посему имел к горячительному русскому напитку чисто научный интерес. Сокурсники пытались склонить его к застолью и часто подшучивали. Однажды притащили в подарок картину, в центре которой выпивоха пирует за роскошным столом. Внизу картины написали: «Отдалился от мира». Ну, конечно, Александр посмеялся, но сломить его волю было невозможно.

Новой ступенькой в изучении науки стала Военно-медицинская академия в Петербурге, где он был отмечен «первым с занесением имени на мраморную доску и премией». Успешно прошел стажировку в Гейдельбергском университете, старейшем в Германии, и даже вступил в местное гимнастическое общество.

Дальше началась медицинская карьера. В 1901 году — он младший врач 7-го запасного пехотного полка. С 1902 года — ассистент кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии. В 1905 году — прозектор на кафедре судебной медицины и токсикологии.

Петрову многое удавалось в спорте. Из него мог бы получиться отличный боксер. Но случилось так, что Александр отказался от бокса навсегда. Этому табу предшествовало драматическое событие. На тренировке его спарринг-партнер работал в стойке, прикрыв лицо боксерскими перчатками. Но то ли он устал, то ли расслабился... Мощный нокаутирующий удар Петрова — и челюсть у партнера выбита. Хруст и раздирающий душу стон. Дальше Петров действовал как врач. Сбросил боксерские перчатки, умелым движением вправил челюсть. Две недели травмированный человек не мог

жевать. Александр чувствовал себя виновником несчастья и посчитал, что больше не вправе заниматься боксом.

Теперь — только борьба. Он тренируется в знаменитом «Санкт-Петербургском атлетическом обществе», учрежденном графом Г. И. Рибопьером. Его наставник — прославленный дядя Ваня. Так уважительно-ласково величали редактора журнала «Геркулес» Ивана Владимировича Лебедева за характер и богатырскую силу.

До революции в тяжелую атлетику входили бокс, борьба (классическая, вольная), и поднятие тяжестей — упражнения с тяжелой штангой. В 1896 году граф Григорий Иванович Рибопьер учредил «Санкт-Петербургское атлетическое общество», где занимались борьбой, гиревым спортом, боксом, стрельбой и фехтованием. В манеже, принадлежавшем Рибопьеру, в 1897 году состоялся первый чемпионат России по тяжелой атлетике, и в дальнейшем чемпионаты проводились регулярно до 1913 года. В книге «Тяжелая атлетика» И. В. Лебедев пишет: «Если врач В. Ф. Краевский был “отцом русской атлетики”, то граф Г. И. Рибопьер был ее “кормильцем”. Этот энтузиаст атлетического спорта отдал из своего кармана больше 100 тысяч рублей. Благодаря меценатству графа Георгия Ивановича Рибопьера российский атлетический спорт миновал тяжелое время, окреп и вырос теперь в нечто ставшее на свои ноги, большое и сильное».

В 1906 году Александр Петров занял второе место на Всероссийском чемпионате любителей французской борьбы. В 1907 году победил знаменитого голландца Маринуса ван Рилья, гастролировавшего в Петербурге, и получил медаль Атлетического кабинета И. В. Лебедева «За участие в борьбе. Вне конкурса».

Любимец публики Маринус ван Риль гордился своим торсом, «сотканным из мышц». Им восторгался поэт Александр Блок, а певец Леонид Утёсов, в юности участвовавший в чемпионате Одессы по борьбе, даже избрал для себя на какое-то время псевдоним Ван Риль.

Выступая в Атлетическом кабинете Ивана Лебедева, ван Риль самоуверенно заявил, что нашим борцам не под силу бороться с европейцами: «Слабоваты эти русские».

Петрова, хорошо знавшего немецкий, оценка, данная ван Рилем, лишь подзадорила. Наш богатырь не только успешно защищался, но и «придавил иностранца к коврику». Тогда-то Петрова метко окрестили елецким Поддубным. Его природные данные — вес и рост были идеальны для борца. Добавим доскональное знание приемов в сочетании с силой и умом. Все это предопределило его поездку на первые для России Олимпийские игры в 1908 году.

Современников может удивить профессиональная деятельность доктора — настолько она многообразна. С 1909 по 1915 год вел курс лечебной гимнастики в Психоневрологическом институте, созданном В. М. Бехтеревым. Работал в Гимнастическом институте, учрежденном обществом телес-

ного воспитания «Богатырь». Здесь обучались только мужчины — будущие преподаватели физического воспитания, и Петров читал им курс анатомии. При институте позднее открыли женские курсы, где доктор вел так называемую тогда педагогическую гимнастику.

Александр Петрович был разносторонним спортсменом. В автобиографии отметил: «Имею призы за гимнастику, плавание, коньки, лыжи, легкую атлетику, фехтование, борьбу, велосипед и другие виды». Он даже записался в английский гребной клуб на Крестовском острове. В 39 лет получил свидетельство Шуваловской школы плавания. Российское общество спасания на водах удостоверило, что А. П. Петров «обучался в школе в продолжении летнего сезона 1915 г. и успешно сдал экзамены на звание кандидата плавания». Доктор хорошо нырял, прыгал в воду и, что немаловажно для спасения утопающих, научился плавать в одежде и с камнем.

Когда в 1917 году наступил разлом страны, доктор Петров сделал выбор — поддержал революцию. Свое отношение к новой власти доказал: обучал красноармейцев основам борьбы и приемам джиу-джитсу. Благодаря ему джиу-джитсу овладели охранники Ленина и его ближайших соратников.

Послужной список Александра Петровича значителен. В 1919 году он сотрудничал с Лабораторией труда, организованной Институтом мозга на Точном машиностроительном заводе. Трудился в Ортопедическом институте. Разработал две программы физического воспитания. Одну для школьников, другую для слушателей Ленинградской военно-медицинской академии. За вклад в развитие науки академия присвоила Петрову звание профессора. Он преподавал и в Институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. В Педагогическом институте имени А. И. Герцена профессор не только читал теоретические курсы, но и вел кружок «гимнастических танцев».

Его ученица Ольга Чкалова вспоминала: «Профессор Петров читал у нас в Герценовском институте лекции по физическому воспитанию. Тогда посещение было свободным. Александр Петрович выглядел внушительно: высокий, широкоплечий, плотный. Он всегда собирал полную аудиторию. А кроме того, я ходила к нему на кружок “гимнастических танцев”. Он шел от пластики, но не от балетной. Это были танцы, поставленные гимнастом и анатомом. Наши показательные выступления неизменно проходили с большим успехом. Мы танцевали чардаш, гопак, вальс, тирольский танец. Но никто из нас даже не догадывался, что наш профессор был таким славным спортсменом».

В 1918 году Александр Петрович получил приглашение преподавать в Институте сценического искусства, созданном знаменитым режиссером Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом. Из трех кандидатур Мейерхольд выбрал именно Петрова, оценив его гимнастическую систему и «Программу-минимум по физическому воспитанию» для школьников.

Весной 1919 года были утверждены «Положения о Курсах мастерства сценических постановок», в этом документе впервые появилась новая дисциплина биомеханика: гимнастика для актеров, которую преподавал доктор Петров.

Итак, в созданном Институте возникло новое направление — театральная биомеханика. Она включала систему упражнений, направленных на развитие физической подготовки тела актера для немедленного выполнения режиссерского задания.

Применение законов механики к строению и функционированию организма появилось в медицине в 1890-х годах. В Россию термин «биомеханика» пришел благодаря П. Ф. Лесгафту в начале XX века. Пётр Францевич читал лекции по теоретической анатомии и теории движений в учебных заведениях Петербурга.

Слушатели курса ставили «массовые действия» на улицах и площадях Ленинграда. Передвижные уличные представления разыгрывались прямо на трамвайных площадках и даже на грузовиках. Поэтому от актеров требовалась особая подготовка. В мастерской Мейерхольда актеры ставили специальные этюды, впоследствии названными «биомеханическими». Итак, благодаря и доктору Петрову возникла театральная биомеханика, связанная с новой для Мейерхольда эстетикой конструктивизма.

Александр Петрович прославился и как медик. В 1924 году стал ведущим экспертом-биологом в городском бюро судебно-медицинской экспертизы.

Наш доктор был универсальным спортсменом, становился призером по многим видам спорта. В 1928 году в возрасте 52 лет Петров еще выступал на конькобежных соревнованиях для ветеранов спорта. Но шли годы. Стало подводить здоровье. Как врач, он все понимал. Огромный вес и диабет убивали сосуды. В те годы это заболевание трудно поддавалось лечению. И случилась трагедия. В 1938 году болезнь обострилась, и, чтобы сохранить жизнь, Александр Петрович с тяжелым сердцем согласился на ампутацию правой ноги. Для него, такого деятельного и неутомимого, это стало приговором. Он переживал и угасал. В феврале 1941 года доктор А. П. Петров покинул этот мир.

Вдова Серафима Зверева в тяжелые годы блокады Ленинграда была вынуждена обменивать награды своего заслуженного супруга на еду.

В родном городе его помнят. Правда, власти много лет назад приняли решение об увековечении памяти серебряного призера Олимпийских игр. Но только в 2018 году установили мемориальную доску на стадионе «Труд».

Директор Института физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина Артем Шахов отыскал могилу Александра Петрова в 2018 году. «Будучи в Санкт-Петербурге, я узнал, что в северной столице есть архив по кладбищам. Его сотрудники, услышав мою просьбу, отнеслись к ней скептически, сказав, вряд ли удастся найти могилу. На всякий случай посоветовали

обратиться к одной из сотрудниц. Я поднялся к ней на третий этаж архива, обозначил просьбу, и случилось сначала первое чудо — сотрудница архива оказалась уроженкой Ельца! Потом совместно с ней мы перевернули ворох журналов, нашли акт о смерти Петрова, данные о захоронении на Большеохтинском кладбище и старую карту-схему с расположением могил, в том числе и с местом могилы Петрова! Но и тут сотрудники архива выразили скептицизм, мол, сколько лет прошло, разве можно найти могилу 1941 года? Но мы ее нашли! Это тоже было чудом. Конечно, могила в запустении, может быть, никого из родственников Петрова и его жены, Серафимы Зверевой, которая была захоронена в его могилу после смерти в 1985 году, не осталось. Мы прибрались на могиле, насколько могли, но теперь стоит задача установки нового надгробия и памятника первому российскому серебряному призеру Олимпиады в Петровском парке».

Петровский парк не случайно носит фамилию семьи Петровых. Он был создан дедом олимпийского призера — Александром Александровичем Петровым.

НАШ САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Все начинается с детства

У Коленьки Коломенкина, так звучала его фамилия по отцу Александру Николаевичу, крупному предпринимателю и директору завода сельскохозяйственных машин, увлечение коньками началось с семи лет в родном Воронеже.

Александр Николаевич Коломенкин — потомственный почетный гражданин, купец 2-й гильдии, землевладелец, совладелец конного завода, один из учредителей воронежского товарищества «В. Г. Столь и К», член учетного комитета Воронежского отделения Госбанка, активный земской деятель и мировой судья Бобровского уезда. Увлекался цветоводством и историей Воронежа.

Спасибо маме, Вере Владимировне, которая привезла из Москвы чудесный подарок — пару коньков с медной подошвой и никелированным полозом. Коленька перед сном даже прятал свои драгоценные конечки под подушку. Но с любимой старшей сестрой Леной все же поделился: отдал правый конек, а сам целый год катался на левом. В будущем этот левый конек даст о себе знать: самые сложные фигуры спортсменов предпочитал выполнять на левой ноге.

Но случилось так, что родители развелись, и мама, забрав троих детей, уехала в Петербург. Уныние от разлуки с отцом постепенно уходило. Тем более столица открывала для детей новые возможности.

Одиннадцатилетний мальчик уже в гимназии проявлял характер, стремясь во всем быть первым. В мечтах воображал себя великим полководцем, ученым, известным путешественником и, конечно, героем и победителем. Читал в подлиннике Гомера, его идеалом стал сильный и смелый Лаэртид, легендарный стрелок из лука и кулачный боец.

В шестом классе гимназии, накопив 8 рублей, приобрел в ломбарде подержанные «яхтклубские» коньки с ботинками. А чтобы научиться красиво с правильным наклоном рисовать круги и застраховать себя от ушибов, без всякого стеснения выходил на лед в нелепом виде, обвязав бедра свертками из сложенных в несколько рядов полотенец.

Столичное окружение было особенным. Появился новый друг Серёжа Палехов, который преподавал Коле уроки скольжения на школьном катке. Мальчики были, как говорится, не разлей вода. Учеба, спорт, первая любовь. Не раз гимназисты останавливались у чугунной ограды на Садовой. С восхищением смотрели, как за деревьями Юсупов сада в ярко-голубом электрическом свете под музыку духового оркестра парами, тройками, а то и целыми шеренгами мелькали фигуристы, взявшись за руки «корзинкой».

Как хотелось Николаю попасть в этот мир!

Но для этого необходимо рекомендательное письмо от члена Санкт-Петербургского общества любителей бега на коньках. Такое строгое правило было обязательным для всех спортивных союзов дореволюционной России. К счастью, мамин родственник П. В. Смирновский, известный профессор русской словесности и автор учебников русского языка, был хорошо знаком с приват-доцентом Императорского университета и председателем Общества любителей бега на коньках В. И. Срезневским. Тот согласился написать необходимую бумагу двум закадычным друзьям, Николаю Коломенкину и Сергею Палехову. Итак, в 1891 году были куплены дорогие абонементные билеты на каток, и 19-летнему юноше открылась первая дверь в большой спорт.

*Люблю зимой сад серебристый
Среди деревьев пышный снег,
Застывших вод высокий берег,
И по льду звучной стали бег,
И след ее безгрешно чистый,
Движений смелых мах пластичный,
Прыжков вращательных полет,
Замысловатый переплет
Коньков, и весь в узорах лед,
И пируэты звук ритмичный!*

Такое посвящение Юсупову саду написал восторженный Коломенкин. Друг Серёжа одобрил стихи и даже выучил наизусть. Немало лет пройдет, когда пути их разойдутся. Роковую роль сыграла эта дружба в личной жизни Николая. Любимая жена, тоже фигуристка, Лидия Кузякина после двадцати лет брака предпочла мужу Сергея Палехова. Они разведутся сразу после революции в 1918 году.

Юсупов сад

Экскурс в историю. Пётр I в 1724 году подарил большой участок земли генерал-аншефу Григорию Дмитриевичу Юсупову. Его сын разбил здесь сад с двумя прудами, каналами и цветниками. В 1790 году по решению семьи дворец и сад были перестроены великим зодчим Джакомо Кваренги. Появился пруд с четырьмя островами, насыпали холмы. Самый большой холм называли поэтично — Парнасом. Территорию облагородили: поставили мраморные скульптуры, беседки, разбили клумбы. В водоемы запустили рыбок, да не простых, а золотых, на плавники некоторых надели настоящие золотые колечки с бриллиантами! Представляю, как они сказочно сверкали в солнечной прозрачной воде.

Прежде красивейшее место Петербурга горожане называли Юсупов сад. Сейчас более привычное название — Юсуповский сад.

В определенные дни гостеприимные хозяева открывали сад для посещения. К сожалению, не все гости вели себя достойно. Некоторые охотились за рыбками, ломали деревья, рвали прекрасные цветы и портили скамейки. Посему сад для публики закрыли. В 1810 году особняк и сад Юсуповых были проданы казне в связи с разводом хозяев. А потом сад передали Институту инженеров путей сообщения и на значительной его территории построили учебные корпуса. Весной 1863 года император Александр II распорядился открыть сад для публики. Южную и северную части парка разделили. В южной располагались два пруда с островами, которые соединялись цепными мостами, а с берегом — деревянным. В каждой части установили по фонтану. Для увеселения гостей запускали воздушные шары, работали тир и аттракционы.

Но зимой сад закрывали. И только в 1865 году его арендатор Петербургский речной яхт-клуб стал устраивать здесь катки и ледяные горки. Молодежь лепила снежные городки и крепости, на Рождество шумно гуляли с катанием на санях и фейерверками.

В 1877 году каток в Юсуповском саду перешел из владения яхт-клуба в собственность кружка конькобежного искусства. Так появилось «Санкт-Петербургское общество любителей бега на коньках». Именно здесь была открыта первая школа фигурного катания, и уже 5 марта 1878 года прошли состязания фигуристов.

Но и спустя четыре года фигуристов было немного — человек тридцать. Однако постепенно мода на этот спорт охватила петербуржцев. Сыграли свою роль и статьи в журналах с красивыми фотографиями спортсменов, катающихся на коньках. Общество утверждалось как лучшее в России и даже за рубежом. Много для этого сделал его бессменный председатель Вячеслав Измайлович Срезневский.

В. И. Срезневский внес большой вклад в науку и спортивную жизнь России. В 1874 году за историко-этнографическое исследование «Северный резной календарь» удостоен Уваровской премии. С 1878 по 1881 год — приват-доцент Петербургского университета, читал лекции по истории русского языка, по истории научного языкознания и по грамматике церковно-славянского языка. В 1875 году создал портативную походную аппарат-лабораторию; в 1882 году для экспедиции Н. И. Пржевальского изобрел специальный фотоаппарат, устойчивый против внешних воздействий; в 1886 году сконструировал первый аэрофотоаппарат и разработал специальные фотопластинки для аэрофотографии. В этом же году построил водонепроницаемую камеру для морских съемок. В 1887 году им была создана особая камера для регистрации фаз солнечного затмения. Срезневский — один из основателей и профессор с 1918 года Высшего института фотографии и фототехники в Петрограде, редактор журнала «Фотограф»; с 1881 по 1884 год издавал первый русский справочник по фотографии «Справочная книжка фотографа», выдержавший несколько изданий.

В 1911 по 1918 год возглавлял Российский олимпийский комитет. Руководитель российской делегации на VI Олимпийском конгрессе 1914 года, проходившем в Париже. Благодаря высокому авторитету В. И. Срезневского дважды в Санкт-Петербурге проводились чемпионаты мира по фигурному катанию и скоростному бегу на коньках (1896, 1903) и чемпионат Европы по конькобежному спорту (1913). Общество стало одним из учредителей Международного союза конькобежцев (1892) и организатором чемпионатов Европы и мира. В. И. Срезневский являлся членом Оргкомитета Первой Российской Олимпиады 1913 года в Киеве и Второй Российской Олимпиады 1914 года в Риге.

Его участие в соревновании «Серебряный конек» описано в журнале «Всемирная иллюстрация» от 5 марта 1878 года: «На прудах Юсупова сада при большом стечении избранной публики происходило первое большое состязание любителей-конькобежцев. Раздались три сигнала трубача, при звуке третьего сигнала выступили на круг г. Срезневский с сестрою. Они под звуки вальса начали грациозно бег трудным голландским шагом. Им присужден приз — серебряный портмоне, который был уступлен г. Срезневским г-же Срезневской, разделившей с ним труд и славу этого бега. В завершение к немалому удовольствию зрителей г. Срезневским был исполнен бег в виде фигуры буквы Е (прописью) и S и бег спиралью». В 1881 году В. И. Срезневский участвовал в состязаниях фигуристов в Гельсингфорсе (Хель-

синки) в паре с финской фигуристкой Менандр и получил приз за парное катание, а в 1883 году входил в состав судейской коллегии Международных соревнований.

После Русской революции принимал участие в работе Всевобуча. Скончался в 1937 году в Ленинграде, похоронен на Смоленском кладбище (могила не сохранилась).

Первое международное соревнование по фигурному катанию было приурочено к 25-летию катка и состоялось в 1890 году. В прессе эти состязания поначалу окрестили чемпионатом мира. Позже они получили статус «неофициального чемпионата мира». Впервые сильнейшие фигуристы США, Германии, Англии, Голландии, Норвегии, Швеции, Австрии, Финляндии и России показывали свое мастерство в Юсуповском саду.

Уже настоящий, первый официальный чемпионат мира «Международное состязание конькобежцев-любителей в искусстве и скорости бега на коньках» прошел в 1896 году по инициативе В. И. Срезневского, и конечно, в Юсуповском саду.

Газета «Петербургский листок» подчеркнула официальность этого мероприятия: «Петербургское Общество любителей бега на коньках на прудах Юсуповского сада открывает в будущее воскресенье свой зимний сезон, обещающий быть очень оживленным. В наступающем 1896 году оно устраивает Международное состязание конькобежцев-любителей всех стран. Это состязание будет устроено на точном основании правил Общества, постановлений Берлинской конференции 23 января 1893 г. и копенгагенского конгресса 1895 г.».

В первом чемпионате мира участвовало 4 фигуриста из трех стран. Победил Гилберт Фукс из Германии, второе место занял австриец Густав Хюгель. Русский фигурист Георгий Фёдорович Сандерс стал бронзовым призером.

Запомним это имя. Через 12 лет Сандерс придумает и начертит на бумаге необыкновенную фигуру для Панина, сделавшую того недосягаемым на IV Олимпиаде в Лондоне.

Спортивная история Юсуповского сада продолжилась и после революции. Для детей рабочих в саду открыли школу фигуристов. В 1924 году провели первый чемпионат СССР по фигурному катанию. Правда, сад получил новое название — Детский парк. Но в 1990 году ему вернут историческое имя — Юсуповский сад.

Великие учителя — успешный ученик

Прежде чем перейти к учителям будущего олимпийского чемпиона, следует вспомнить о Джеконе Хейнсе, который стал эталоном мирового фигурного катания.

В конце XIX века американский фигурист и балетный танцор Джексон Хейнс продемонстрировал необычное артистичное катание на коньках. Впервые он использовал для своей программы музыкальное сопровождение. Хейнса называют основателем современного фигурного катания. Не признанный в Америке, он за 11 лет стал европейской знаменитостью. «Влияние его искусства было колоссально, — отмечал Н. Панин. — Оно послужило тем толчком, который вызвал огромный качественный скачок вперед и привел впоследствии к образованию новой формы проявления искусства — к международному стилю».

Великий фигурист умер в 1875 году в возрасте 35 лет от туберкулеза. Это случилось в Финляндии во время турне, начавшегося в Петербурге, конечной точкой которого должен был стать Стокгольм. Надпись на финском памятнике гласит: «The American Skating King».

Только в 1976 году Америка воздала должное Хейнсу. Имя «Американского Короля Катания» было внесено в зал Славы мирового фигурного катания в Колорадо — Спрингсе.

Известные русские фигуристы А. П. Лебедев и А. Н. Паншин, конечно, учились у великого американца, но их школа катания отличалась самобытностью.

За изумительную пластичность и динамику движения на льду Алексея Павловича Лебедева называют родоначальником русской школы фигурного катания. Свое артистичное катание создавал, обсуждая все нюансы с друзьями — В. Срезневским и российским художником Р. Бюхтгером, кстати, победителем первенства по фигурному катанию в Баварии в 1887 году.

Лебедев выделялся высокой, худощавой фигурой. Бородка клином и орлиный нос делали его похожим на мэтра. Быть может, поэтому он и получил прозвище «дедушка фигуристов». На неофициальном чемпионате мира 1890 года в Юсуповом саду победа досталась Алексею Лебедеву.

В своих воспоминаниях Н. Панин отметил: «Победа Лебедева объясняется именно тем, что катание его по характеру своему было ближе других к международному стилю, несомненно, наиболее привлекательному из всех когда-либо существовавших. Это стиль соединил в себе наилучшие черты всех предшествовавших школ, оставив в стороне их недостатки, и представляет для зрителя завлекательное зрелище и немалое эстетическое наслаждение. Из английского стиля к нему перешли широкий ход, чистота переходов и точная скатанность в парном катании; из скандинавской школы — лихость и бесстрашие в произвольном катании вообще и в частности в прыжках; от американцев — чистота, геометрическая правильность рисунка и покрытие следа в школьном катании и тонкий баланс в произвольном (пируэты); от венской школы — грация, свобода, легкость, уверенность и музыкальность».

Странный характер Лебедева, работавшего юрисконсультom в правлении Владикавказской железной дороги, особенно сказался после его победы в 1890 году. Он прекратил свои выступления, но продолжал тренировки, и всегда только утром. Если замечал зевак, то сразу уходил. С 1896 года занимался педагогической работой и стал тренировать Николая. Тренировки проходили со строгой педантичностью в одно и то же время — с 8 до 10 вечера два раза в неделю по вторникам и пятницам. Лебедев славился и как библиофил. Его книги впоследствии помогли Н. А. Панину написать историю фигурного катания.

В 1895 году Алексей Павлович разработал испытания для фигуристов по трем разрядам. Были напечатаны краткие правила с перечнем упражнений. Но их не утвердили. Через восемь лет Панин модернизировал правила разрядных испытаний, которые и были приняты комитетом «Общества любителей бега на коньках». Разрядов было четыре. Выдержавшие испытания награждались бронзовыми, серебряными и золотыми значками.

О втором наставнике — Паншине слагали легенды. В 1898 году Александр Никитич стал первым чемпионом России по конькобежному спорту, выиграл дистанцию на 3 версты, а также установил мировой рекорд на 1500 м. В следующем году он — чемпион мира по конькобежному спорту в классическом многоборье: победил на трех дистанциях.

Все поступки характеризовали его как очень твердого и решительного человека. Приведу один эпизод. В день соревнований в Вене на первенстве Австрии русский спортсмен заболел гриппом. Но даже с температурой 39 вышел на старт. Борьба на дистанции 1609 м была для него как никогда тяжелой. К последнему кругу отстал на 15 м. Специалисты решили, что русский проиграл. Но на последнем круге, по воспоминаниям Панина, Панин поразил. «Выпустил из-за спины руки и бледный, со стиснутыми зубами, почти мгновенно развил такой ход, что промчался, как ветер, мимо ошеломленного соперника и был первым на финише».

Паншин предвосхитил будущие «норвежки», модернизовав коньки для скоростного бега. Увеличив высоту конька, длину лезвия, изменил форму носка и сделал конек кованым. По его заказу такие коньки изготовил оружейный завод в Сестрорецке.

Первый русский рекордсмен мира по конькобежному спорту в зрелом возрасте, 39 лет (!), начал карьеру фигуриста.

Именно Паншин поставил вопрос об организации в зимнем сезоне 1896/97 года соревнования на звание «Лучший конькобежец России по искусству». И четырежды становился победителем этих турниров.

На маскараде 11 февраля 1903 года в знаменитом Юсуповском саду всегда жизнерадостный Паншин отплясывал на коньках русского трепака

с балалайкой. Костюм был особенный. Поверх ботинок с коньками фигурист напялил сапожные голенища «гармошкой», что укорачивало и портило его мощную фигуру. Нельзя забывать, что первые наши спортсмены были чистыми любителями. Александр Никитич служил счетоводом в правлении Николаевской железной дороги. Потому и коньки и костюмы — все приобреталось на свои кровно заработанные.

Об этом залихватском выступлении восторженно сообщила петербургская пресса. Через год в этих же изданиях был опубликован некролог о знаменитом спортсмене. Александр Никитич Паншин в возрасте 41 года трагически ушел по своей воле.

Николай Коломенкин набирался опыта, подмечал, заносил в заветную тетрадь тонкости катания великих. И превзошел своих учителей уже в 1901 году на Всероссийском первенстве по «искусству катания на коньках», получив большую золотую медаль и титул лучшего фигуриста России. Потом еще пять раз становился чемпионом страны.

Новый шаг к олимпийскому пьедесталу был сделан в 1903 году. На катке Юсупова сада прошел чемпионат мира, приуроченный к 200-летию Петербурга. Здесь наш герой стал призером: завоевал серебряную медаль по «скорости и фигурам».

Как Коломенкин стал Паниным

Мы знаем полное имя и фамилию первого российского олимпийника — Николай Александрович Панин-Коломенкин.

В первые годы спортивной карьеры Николай выступал только под своей родной фамилией — Коломенкин. Появление псевдонима Панин связано со студентом математического факультета Сергеем Крупским.

В 1893 году Николай поступил в Петербургский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета. По моде того времени занялся велоспортом и через два года стал членом «Царскосельского кружка велосипедистов». Правда, врачи запретили ему участвовать в велогонках из-за проблем с сердцем. Тогда Николай решил тренировать велосипедистов.

Первый его подопечный — Серёжа Крупский, с которым были общие интересы и учеба в университете. Николай, который не знал никаких методик, завел дневник и аккуратно записывал время, нагрузки, самочувствие друга Сергея, «лучшего ездока II класса». Разрабатывал тактику его гонок на шоссе и треке, режим и даже массировал забитые мышцы. «В чем заключалась моя тренерская работа? Я был студентом университета, и мое “тренерство” составляло для меня такое же любительское увлечение или развлечение, как

участие в гонках моих товарищей. Никакой литературы о методике тренировки в моем распоряжении не было, и мы вместе с Крупским создавали начало ее на основе собственного опыта езды на велосипеде, наблюдений за самочувствием, сном и общим состоянием здоровья в связи с результатом прохождения тех или иных дистанций на тренировке».

Скоро к Сергею присоединились еще два велогонщика — М. Репинский и довольно известный в спортивном мире М. Дьяков. В 1896 году команда Коломенкина завоевала большинство призов в велосипедных гонках, что и отметил журнал «Петербургская жизнь», поместившей снимок всей четверки с подписью: «Лучшие ездоки Петербурга и их тренер».

Спортсмены, которых тренировал Николай, побеждали. Но вспомним, что в тот период спорт только набирал популярность и для многих казался странным, несерьезным увлечением. К этой категории относился и отец Крупского — профессор химии Технологического института. Он оказался противником велоспорта и требовал, чтобы сын посвящал свободное время только учебе. А тот, чтобы не расстраивать отца, выступал под псевдонимом Панин. В те времена спортсмены нередко брали псевдонимы.

И все было замечательно до весны 1896 года. В тот день Серёжа тренировался один на Каменноостровском велодроме. Финишировал против сильного ветра, низко склонившись над рулем. И не заметил, что спиной к нему измерял велодорожку представитель гоночной комиссии. Велосипедист с ходу врезался в его спину и вылетел из седла головой вперед. У Крупского был изуродован подбородок, не считая других травм. (Наверняка серьезные травмы были и у несчастного представителя комиссии.) Дома разыгрался грандиозный скандал. Сергею пришлось дать клятву отцу навсегда забыть о велоспорте.

Николай переживал и корил себя. Он чего-то не предусмотрел. Почему так случилось? Почему Сергей не увидел нагнувшегося человека? Почему? Только потом, проанализировав работы физиолога спорта профессора А. Н. Крестовникова, понял причину «слепоты». Доведенная до крайности быстрота движений ног гонщика резко тормозила работу зрительного анализатора.

Ну, а Серёжа Крупский сам великодушно предложил другу Николаю унаследовать его счастливый псевдоним, с которым он не проиграл ни одной гонки. «Кроме того, псевдоним имел отношение и ко мне как тренеру Сергея. Я согласился», — вспоминал Коломенкин.

Итак, теперь Николай Коломенкин начал выступать на соревнованиях по фигурному катанию под псевдонимом Панин и с ним вошел в олимпийскую историю.

В 1897 году состоялось соревнование на льду Юсуповского сада для новичков. На афише появился никому не известный «Панин, СПб КЛС»

(Санкт-Петербургский кружок любителей спорта). К этому старту Николай готовился упорно. Почему-то не удавалась одна из школьных фигур — восьмерка с одной двукратной тройкой. Не хватало хода. Буквально перед стартом нашлось решение. Пригодились университетские знания. Изучив траекторию фигуры на льду, выпускник технического вуза использовал естественный уклон катка. И это спасло его восьмерку. Даже судья, восхищенный катанием, воскликнул одобрительно: «Вот это так!»

Второй турнир сезона 1897 года, прошедший в начале марта на звание чемпиона «Кружка любителей спорта», Панин тоже выиграл. Единственным соперником стал Серёжа Палехов, которому досталось второе место.

А псевдоним получил известность и остался на всю жизнь. Николай Александрович любил его и подписывался всегда Панин. Позже, уже в советский период, к псевдониму была присоединена его настоящая фамилия.

С псевдонимом он чувствовал себя комфортно и просил обращаться к нему без прибавления фамилии Коломенкин. Из письма к журналисту Б. К. Миротворцеву: «Прежде всего, я попрошу Вас не называть меня двойной фамилией. На обложке “Страниц из прошлого” она попала без моего ведома по недоразумению. После того, как начиная с гимназии, мою фамилию, искажали на все лады... и заставляя ставить ударение на втором “о”, я был в конечном счете очень доволен случайным изменением своего имени, и уже очень давно и здесь и за границей меня знают как Панина».

Чтобы костюмчик сидел

Если заглянуть в старинные журналы, то первое, что бросается в глаза на иллюстрациях, — это экипировка спортсмена. Наши фигуристы выглядели неплохо. Особенно девушки в длинных юбках. У мужчин чисто выбритые по европейской моде лица украшали усы, а на голове — меховая шапочка. Теплый просторный пиджак надевался на толстый свитер и дополнялся широкими брюками, заправленными чуть ниже колен в чулки. На фотографиях эти чулки больше похожи на современные гетры. Такой покрой костюма не сковывал движений. Но пируэты смотрелись отнюдь не изысканно.

В 1903 году, в год 200-летия Петербурга, Международный союз конькобежцев предложил Петербургскому обществу любителей бега на коньках провести чемпионат мира «по конькобежному искусству». Для подготовки к этим важным соревнованиям Николая Александровича командировали в Гельсингфорс (Хельсинки) для ознакомления с «методами катания зарубежных чемпионов». И здесь Панин был сражен элегантной одеждой иностранных спортсменов. Костюмы европейцев подчеркивали пластику движения и состояли из облегающего верха и гладких черных трико.

«Однако же мы-то чем виноваты, — писал он, — что раньше не знали о такой спортивной форме зарубежных фигуристов? Как бы там ни было, но надо срочно создавать и себе такие костюмы, и чтобы покрой их заимствовал что-нибудь из традиционной сугубо русской одежды».

Вернувшись, он занялся моделированием нового костюма. В итоге появилась приталенная черная куртка на манер венгерки с каракулевым стоячим воротником и такими же обшлагами. Венгерка была обшита шелковыми галунами как на стрелецких кафтанах. Наряд дополняло черное вязанное гладкое трико. Чтобы чувствовать себя комфортно на будущих соревнованиях, спортсмены выходили на тренировку в новой экипировке.

К чемпионату готовились основательно. В январе на льду работали ежедневно с 9 и до 16 часов. Разослали приглашения, заказали призы: две серебряные копии памятника Петру Великому работы скульптура Фальконе. Медали тоже были символичными. На одной стороне запечатлен основатель Петербурга, а на другой эмблема Общества: крылатый конек с лавровой веточкой.

Российским спортсменам предстояло соревноваться со звездами фигурного катания. Непобедимый Ульрих Сальхов снова выиграл и стал в четвертый раз чемпионом мира. Второе место завоевал пока еще малоизвестный Николай Панин, и это было главной сенсацией для зарубежной прессы. И, конечно, на этом первенстве наши фигуристы дебютировали в красивой новой форме.

А вот в годы наступившей советской власти костюмы фигуристов выглядели непривлекательно: парни в теплых шароварах, девчонки в юбчонках. Время было непростое и бедное. Это уже потом, когда наша страна вышла на мировую арену, снова стали шить красивые наряды для будущих олимпийцев.

Панин против Сальхова

В память об Александре Никитиче Паншине были учреждены международные соревнования. В 1908 году на катке Юсупова сада планировались очередные состязания на Кубок А. Н. Паншина. Среди фигуристов они считались малым чемпионатом мира. Панин на этот раз не собирался выступать и не тренировался. Но его стал упрашивать сам В. И. Срезневский. Аргументировал напористо: «Только вы, Николай Александрович, не посрамите российский спорт». Уговорил.

До начала состязаний оставались считанные дни. Вместе с другом Сандерсом придумали специальные фигуры. Панин даже успел восстановить форму. Помогло то, что он никогда не бросал спорт: летом «играл в теннис, хорошо развивающий гибкость позвоночника на скручивание (что очень

важно для фигуристов), осенью бегал по Царскосельскому парку, а зимой тренировался на катке». Так описывал свою подготовку сам фигурист.

Соревнование проходили по двум разделам: школьные фигуры и произвольное катание в течение пяти минут. «Школьная программа была трудная: крюки, выкрутки, параграф с петлями назад, восьмерка с двукратными тройками назад, восьмерка со скобками и т. д.».

Школа (школьные фигуры) — вид фигурного катания. Школа входила в обязательную программу соревнований по одиночному катанию. Спортсмен на льду точно и красиво вычерчивал определенные фигуры: восьмерку, скобку, параграф, двукратную тройку... С 1896 по 1948 год обязательных фигур было 12. Оценка за школу составляла большую долю итогового результата турнира. Однако под давлением телевидения, считавшего эту программу скучной для показа, школа постепенно теряла свои позиции. Школьные фигуры были отменены летом 1990 года.

В Петербург приехали спортсмены из Мюнхена, Берлина и Стокгольма. Среди них был и швед Ульрих Сальхов, только что в седьмой раз выигравший первенство мира.

Ульрих, который по тогдашним меркам считался непревзойденным фигуристом, использовал своеобразную тактику. Нередко, заканчивая свое выступление, он нарочито громко, да так, чтобы слышали зрители и судьи, восклицал: «Вот так надо кататься!»

Карл Эмиль Юлиус Ульрих Сальхов — шведский фигурист, девятикратный чемпион Европы, десятикратный чемпион мира. По количеству выигранных чемпионатов мира он делит первое место с норвежской фигуристкой, знаменитой Соней Хени, и нашей Ириной Родниной. На Играх IV Олимпиады 1908 года в мужском произвольном катании он завоевал олимпийский титул в индивидуальной программе.

Швед был богат. «Сальхов имел в Стокгольме крупную торговлю, не стеснялся в средствах и все время занимался спортом. Тренировался с ноября по апрель на известных курортах в горах Швейцарии — Санкт-Морице и Давосе, отличающихся ровным и благоприятным климатом», — отмечал Панин. В 1909 году впервые выполнил прыжок спиной вперед и оборотом в воздухе на 180 градусов. Этот элемент стал одним из основных в фигурном катании и был назван в его честь «прыжок Сальхов».

Заход на прыжок происходит с дуги назад внутрь, одновременно с этим свободная нога делает мах вокруг тела, приземление выполняется на наружное ребро на ход назад на маховую ногу. В зависимости от количества вращений в воздухе различают одинарный, двойной, тройной или четверной Сальхов.

Ульрих Сальхов вошел в историю и как первый спортсмен, у которого появился свой фан-клуб. Состоятельные болельщики ездили за кумиром

и поддерживали его практически на всех соревнованиях. Судьи благоволили к богатому, самоуверенному и талантливому шведу. При необходимости Ульрих мог на них и надавить. Сам он высокомерно относился к соперникам, не стеснялся оскорблять публично, прямо на соревнованиях. Его кредо: «Спорт — это настоящая война. И здесь, как на поле брани, все средства хороши! Выбирай любое».

После окончания спортивной карьеры с 1925 по 1937 год Сальхов возглавлял Международный союз конькобежцев. Руководил шведским Спортивным клубом АИК, велосипедной лигой Швеции, Шведской ассоциацией конькобежцев и даже был одним из управляющих Федерации бокса Швеции и Шведского национального спортивного совета. Как журналист сотрудничал с «Daily News» и «Associated Press», работал на радио.

На этом первенстве ему не повезло. Он нервничал и взорвался, когда увидел, что российские фигуристы Николай Панин и новичок Карл Олло катают программу лучше. После неудачного выступления швед подкатил к главному судье Алексею Лебедеву и дерзко выразил недовольствие катком. Указал на белую бумажку, которая помешала ему нормально выполнить фигуру: «Вы могли бы позаботиться, чтобы лед был чистым!» Лебедев подошел к так называемой бумажке и наколол ее на карандаш, от чего комочек снега сразу же распался. Эти события подробно описал журнал «Спорт»: «Сальхов сдал в том самом, что до сих пор составляло его главную силу, именно в школе, и сдал так основательно, что потерянного уже не мог наверстать произвольным катанием. На более трудных фигурах шведу не хватило мастерства: в восьмерках с двукратными тройками первые и вторые половины вышли не одинаковой величины, ось и покрытие следа хромали. Вторая восьмерка с петлями была совсем без оси. Чемпион обвинил попавшую под конек бумажку, но при тщательном рассмотрении она оказалась комком чистого снега».

Николай Панин стал победителем, набрав 344,4 балла, Ульрих Сальхов с 328,2 баллами — вторым.

Сальхов проиграл. И затаил обиду. До лондонской Олимпиады оставались считанные недели.

Панин — олимпионик!

Игры IV Олимпиады начали свой отсчет 27 апреля 1908 года. На этих самых продолжительных Играх (188 дней!) фигурное катание впервые вошло в программу. Соревнования проходили в четырех дисциплинах: в мужском и женском одиночном катании, в специальных фигурах и парном катании. Приняли участие двадцать один фигурист: из Аргентины, России и США

по одному участнику, Германия выставила трех спортсменов, Швеция — четырех, хозяйка Игр Великобритании — одиннадцать.

Николай Панин после тренировочного сбора на искусственном катке в Германии приехал в Лондоне и обустроился в частном пансионе, который заблаговременно нашел Георгий Сандерс. «Мы питались за общим столом под председательством хозяйки, вместе с членами ее семьи. Вместо печи — камин, который топили только по требованию и очень экономно. Температура в комнате, по английскому обычаю, держалась всегда плюс 8.

Для соревнований на первенство IV мировой Олимпиады и тренировок был предоставлен искусственный приготовленный лед в почти сплошь стеклянном здании “Принцесс-холл” на улице Найтсбридж. Площадь катка составляла 62 x 16 м и была несколько узковата для произвольного катания».

Чудо XX века — первый в мире каток с искусственным льдом «Prince Skating Club Rink» — был открыт 7 января 1876 года.

Стартовали в три часа дня 28 октября 1908 года. Кроме Панина в мужском катании участвовали шведы У. Сальхов, П. Турен и Р. Иогансон, американец И. Брокау, фигурист из Германии Г. Бургер, аргентинец Х. Торомэ. Хозяев представляли Х. Иглезиас, Д. Кейлер Грейг и Х. Марч.

Конечно, зрители с нетерпением ждали фаворита — семикратного чемпиона мира в произвольном катании Ульриха Сальхова. И он оправдал их ожидания, опередив восьмерых соперников. Но, как оказалось, не без помощи судей.

Неприятность ждала нашего фигуриста при исполнении обязательных школьных фигур. Вот как об этом вспоминает сам автор: «Перед стартом Сальхов смотрел на меня с нескрываемой злобой, и я случайно узнал, что он сказал чемпиону Германии Бургеру: “Я выведу его из себя”. Это относилось, конечно, ко мне; он трусил и, видимо, решился на какую-то подлость. И действительно, во время исполнения мною второй обязательной фигуры — восьмерки на одной ноге назад — вдруг раздался громкий выкрик Сальхова: “Разве это фигура? Она совсем кривая!” Фигура не была кривая, и я не обратил на его выкрик никакого внимания». На следующей фигуре Сальхов повторил свою «психическую атаку», а главный судья англичанин Фоулер продолжал молчать и только по протесту Панина сделал ему замечание.

«Я помнил, что представляю здесь свою страну, русский национальный спорт, и хладнокровно отстранил задетое личное самолюбие в сторону». По результатам школьного катания у двух судей россиянин был на первом месте, швед Х. Гренандер присудил ему второе, а друзья Сальхова поставили Панина на последнее место. В итоге Панин стал вторым.

В знак протеста против несправедливого судейства Панин решил отказаться от дальнейших выступлений. Но верный помощник Георгий Сандерс уговорил Николая участвовать в соревнованиях по специальным фигурам.

Сальхов, безусловно, рассчитывал в соревнованиях по специальным фигурам стать олимпийским чемпионом. Этот вид программы заключался в выполнении четырех рисунков на льду и считался очень сложным. Рисунок (фигура) вычерчивался на одном коньке без отталкивания другой ногой. За счет перемещения центра тяжести тела происходило движение спортсмена. Фигуристы, как правило, рисовали коньком цветы — тюльпан, розу — или вензель. Главное — чисто выполнить задуманную фигуру.

Перед прокатом Панин, как и все спортсмены, представил арбитрам чертежи своей программы с четырьмя фигурами и пояснениями. Последнюю фигуру, очень эффектную, придумал друг Сандерс. Она походила на орла, широко распластавшего крылья.

Правда, на тренировке Панин долго не мог выполнить эту четвертую орлиную фигуру. Спотыкался на одном и том же месте. Дойдя до острого угла «орлиного клюва», у него никак не получалось дальнейшее скольжение, чтобы нарисовать коньком левое крыло. Не хватало ускорения. Сандерс советовал максимально скрутить корпус и на сильно согнутом колене пройти эту ловушку, переменив направление хода и ребра конька. И, наконец, после долгих неудач орел получился!

Поначалу судьи отвергли чертежи русского фигуриста. Они сочли рисунок орлиной фигуры невыполнимым. Даже посчитали, что вкралась ошибка и необходимо исправление. Но Nicholas Panin (так официально значилось его имя в олимпийском протоколе) был убедителен. Ему поверили и чертежи приняли к рассмотрению.

Заявка произвела фурор. Спортсмены и тренеры заходили в судейскую, изучали, а потом заявляли: это не-воз-мож-но! Конечно, пришел и Сальхов. Все понял. И снялся с соревнований. Отказался от соперничества и чемпион Северной Америки Ирвин Брокау.

В три часа дня 30 октября 1908 года — за два дня до окончания Олимпийских игр, на завершающей фигуре орла 36-летний русский взлетел на свой Олимп!

Судьи поставили 219 баллов из 240 возможных. В официальном отчете организаторов турнира есть следующая оценка: «Панин (Россия) был далеко впереди соперников, как в трудности фигур, так и красоте и легкости их выполнения. Он вырезал на льду серию наиболее совершенных рисунков с почти математической точностью».

В 1912 году общее собрание СПб ОЛБК постановило учредить наградную медаль с изображением Н. А. Панина для победителей соревнований на первенство России по искусству катания на коньках.

Они извинились дважды

Некрасивая получилась история. Публика заметила неджентльменские выкрики шведа во время обязательных упражнений (школы) Панина. От России было сделано представление судейской коллегии о недостойном поведении господина Сальхова. Но защищать нашего фигуриста не спешили.

Однако после победы Панина в специальных фигурах ситуация резко сменилась. К сильным, как показывает практика, отношение особое. В день прощального банкета Николаю Александровичу вручили диплом и золотую медаль.

На Играх в 1908 и 1912 годах олимпийские золотые медали в индивидуальных победах были сделаны из настоящего драгоценного металла.

Перед ужином подошли все шведские участники соревнований, за исключением Сальхова. Судья Эдвард Херле от имени команды принес извинения за поведение соотечественника. Панин был великодушен и дипломатичен, объяснив поступок соперника нервозностью перед стартом. Как умный человек, он понимал ситуацию и роль победителя исполнял достойно.

На следующее утро вежливые шведы передали письмо — вторичное, уже письменное извинение.

«Господину Н. Панину. Лондон.

Я позволю себе возвратиться к нашему вчерашнему краткому разговору по поводу дела Сальхова. Все шведы, принимающие участие в соревнованиях, живейшим образом сожалеют о недостойном поведении Сальхова. Я, как секретарь Стокгольмского Всеобщего клуба конькобежцев, от имени клуба и шведских конькобежцев чувствую себя обязанным и правомочным просить у Вас извинения по поводу этого невоспитанного выступления Сальхова.

С отменным высокоуважением
Эдв. Херле

Также и мы глубоко сожалеем о случившемся.

Эльна Монтгомери,
Пер Турен, Р. Юханссон»

После Олимпиады в Юсуповом саду был получен из Лондона «Официальный отчет об Олимпийских играх в Лондоне 1908 г.». В этом довольно пухлом фолианте давалась оценка многим олимпийцам и, конечно, нашему российскому спортсмену. «Постановка и движения у Панина были изящнее, в то время как у Сальхова фигура выходила большего размера. Самыми трудными фигурами в школьном катанье были восьмерки с петлями и со скобками. Панин исполнил восьмерку с большой легкостью, точностью

и грацией. Сальхов был аккуратен и силен. Восьмерки со скобками были последней фигурой. Сальхов исполнил их большого размера и с большей уверенностью, чем Панин, Турен и другие».

Из этих строк ясно, что Панин превосходил своего соперника грацией движений, что не давало Сальхову преимущества по правилам соревнований того периода. Конечно, если бы эти правила соблюдались.

О, Париж, Париж!

Сразу после Олимпиады в начале ноября 1908 года Панин, окрыленный победой, отправился не домой, а в осенний и всегда прекрасный Париж. Не случайно в большом чемодане, неизменно путешествовавшим со своим хозяином, лежали не только стальные коньки, но и ящик из красного дерева, где на синем бархате красовался пистолет «Девима» № 1711. Судя по содержанию багажа, Панин распланировал эту поездку задолго до Игр. У него была заветная мечта обязательно попасть в «Гастинг-Ренетт» — мировой центр стрелково-пистолетного спорта.

Об этом месте в Париже рядом с Елисейскими полями слагали легенды. Роскошное стрельбище с оружейными магазинами, мастерскими. Поражало строение тира — большой просторный зал, одна из стен была сделана из стекла с выдвижными дверями. Для стрелков — длинный ряд просторных кабинок. Желаящие пострелять более мощными зарядами спускались в подземное сооружение.

В специальных витринах красовались 4 мишени великих. Среди них мишень русского стрелка М. В. Семичова (пишут также Семичев. — *Примеч. авт.*), чемпиона России 1904—1905 годов.

Наш олимпиец решил снова испытать судьбу и побороться за приз — большую золотую медаль. Условия знакомы. Тем более в 1907 году состоялся стрелковый турнир памяти рано ушедшего чемпиона России Михаила Семичова, проходивший точно по правилам «Гастинг-Ренетт».

«“Санкт-Петербургское атлетическое общество” проводило ежегодные чемпионаты России из малокалиберных пистолетов и винтовок, а также из револьверов крупного калибра. Одним из первых чемпионов общества в 1904 и 1905 гг. был известный борец и гиревик М. В. Семичев».

Главный приз — медаль червонного золота с портретом Семичова — тогда завоевал Николай Панин. С 16 м он 12 раз подряд попал в международную 13-сантиметровую мишень. И не нарушил окружность четвертого пояса, то есть круга в 35 мм. Но тогда Панин стрелял на Семёновском стрельбище, где гулял сильный ветер. А здесь, в Париже, просто удовольствие даже стоять в кабинке.

Первая, вторая и следующие пять пуль легли рядом. Шаржер (служащий тира) воскликнул: «Месье, у вас дело идет на золотую медаль!» После этих комплиментов Николай Александрович занервничал. Говорят, чем удачнее первые выстрелы, тем больше волнуется стрелок. Но Панин, олимпийский чемпион, испытывал драйв от своих метких выстрелов. Сделал глубокий вдох, один другой, третий... Сердце успокоилось, рука как мрамор. Спокойно берет мишень на мушку. И снова выстрелы.

Собравшиеся зрители поздравили русского аплодисментами. Ведь Николай Александрович стал пятым обладателем золотой медали в истории знаменитого французского клуба.

Ему предложили побиться за новый приз — серебряную медаль. С 16 м нужно точно и без остановки попасть в 25 гипсовых колпачков. Они, размером с куриное яйцо, надеты на железные крюки. Это задача наипростейшая. И Панину преподнесли очередную серебряную награду.

Теперь надо взять последний рубеж и завоевать художественную бронзовую плакетку с барельефным изображением пистолета и стрелка. Предстояло разбить 50 колпачков. Эффектно, когда колпачки с грохотом салютуют стрелку, рассыпаясь мелкими белоснежными осколками.

И плакетка достается Панину.

Французы ахают, задают, на первый взгляд, наивный вопрос — много ли в России таких метких стрелков?

Ответ вырвался сразу: у нас почти все так стреляют. Какой-то франт предложил купить у Панина пистолет «Девима» за безумную сумму 6000 франков золотом.

«Конечно, нет, месье, — отказал Панин. — Но разве я мог продать оружие, с помощью которого удалось на весь Париж прославить меткость русских стрелков?!»

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день

Все Общество любителей бега на коньках встретило олимпийского чемпиона как героя. Наша и в основном зарубежная пресса с восторгом писала о знаменитом русском. Все бы хорошо. Только на работе началась черная полоса.

По окончании университета Николай получил место помощника, а затем и должность податного инспектора в финансовом ведомстве по департаменту окладных сборов Царскосельского уезда. Отмечу — уезд особенный, богатый. Там жила царская семья и ее приближенные. Совмещать службу с занятиями спортом нелегко. Тем более начальство финансового ведомства с нежеланием отпускало своих служащих на соревнования. Глава ведомства

Н. Н. Мамонтов, сын сенатора, «был человеком недалеким и чиновником до мозга костей».

Николаю Александровичу приходилось выдержать тяжелую борьбу за право заниматься любительским спортом. Как человек семейный, он дорожил своей должностью и заработком. Для поездок брал отпуск. Став знаменитым фигуристом, пятикратным чемпионом России (1901—1903, 1905, 1907); призером первенств мира (1903) и Европы (1904, 1908), он постоянно переживал, а как начальство отреагирует? Многие сослуживцы подчас и не подозревали, что за соседним столом работает выдающийся спортсмен. Но после триумфа на Олимпийских играх истинную фамилию чемпиона раскрыли газетчики.

Реакция последовала незамедлительно. Руководство департамента налогов и сборов в резкой форме выразило негативное отношение к спортивным выступлениям своего подчиненного, пусть даже олимпийского чемпиона. Возникла угроза перевода в провинцию. И Николай Александрович поставил окончательную точку в своей карьере фигуриста.

Но быть тренером-любителем не возбранялось. Панин с наслаждением занимался на катке с 8 вечера до 11. К радости завсегдаев катка, по воскресеньям и четвергам играла музыка, и фигуристы использовали эти музыкальные часы для произвольного катания.

Его подопечные — начинающие и те, которым в будущем суждено стать звездами. Талантливая, очень пластичная Ксения Цезарь победила в первом российском первенстве среди женщин в 1911 году, была пятикратной чемпионкой России с 1911 по 1915 год. Карл Олло, его Панин ласково называл Олечкой, стал бронзовым призером чемпионата России в 1905 году, серебряным призером чемпионата Европы в 1911-м и являлся трехкратным чемпионом России с 1910 по 1912 год. Пётр Орлов добился в 1938 году бронзовой награды на чемпионате СССР в парном катании. В одиночном — он трехкратный чемпион СССР (1946, 1947, 1951). Именно Орлов стал тренером Станислава и Нины Жук, наших первых серебряных призеров чемпионата Европы в парном катании.

Панин наблюдает. После катка записывает и чертит схемы. Вникает в спортивную психологию. Его кредо: поддерживать ученика даже с неважными результатами. Нужно воспитывать «уверенность в его способностях, в близком достижении поставленной цели при условии, что он будет непрерывно и упорно работать над собой. Кроме того, я всегда внушал своим ученикам, готовившимся к соревнованиям, что они должны показать максимум своих достижений, приложить все свои силы, использовать все возможности к выигрышу первого места, но не унывать в случае неудачи и добиваться победы, если не в этот, то в следующий раз». Когда его никто

не видит (так кажется ему), Панин неожиданно делает рывком повороты корпусом то вправо, то влево. Эти движения повторяет несколько раз, а потом резко останавливается и продолжает писать. Скорее всего, это просто способ релаксации.

Уже давно им собраны материалы для книги по истории фигурного катания и методике подготовки фигуристов. В 1910 году его монография «Фигурное катание на коньках (международный стиль)» в красном художественном переплете с тиснением золотом, оформленная рисунками и фотографиями, была издана С.-Петербургским обществом любителей бега на коньках. «С целью пропаганды фигурного катания Общество приняло на себя расходы по изданию книги с тем, чтобы цена ее не превышала себестоимость; это позволило поручить техническую часть книги лучшим полиграфическим предприятиям. В результате получилось прекрасное по внешности издание с отличными иллюстрациями». Книга стала первым в мире серьезным руководством для подготовки фигуристов. На царскосельской юбилейной выставке 1911 года в память 200-летия города и на Всероссийской гигиенической выставке 1913 года Николая Александровича наградили двумя большими золотыми медалями «За выдающееся в области спорта научное сочинение по фигурному катанию на коньках». Кстати, за эту книгу олимпийский чемпион не получил ни копейки. На современном книжном рынке эта раритетное издание продавалось в 2020 году за 77 500 рублей.

Вторая Олимпиада Панина

Николаю Александровичу Панину было уже сорок, когда в 1912 году его пригласили на Олимпиаду в Стокгольм. Но выступал уже как стрелок. К сожалению, Игры V Олимпиады для России стали спортивной Цусимой: 15-е место в неофициальном командном зачете.

За полтора года до старта ни российские организаторы, ни спортсмены толком не смогли подготовиться к Играм. Причин было немало. Приведу лишь некоторые, связанные со стрелковым спортом.

Первое и очень важное. Организационный комитет России не выяснил точную программу по стрельбе, а это было необходимо для тренировок. Новшества, введенные в программу шведами, стали для русских полной неожиданностью.

Удивительно, что лучшие стрелки России обращались в прессу как за последним спасением с письмами-протестами о произволе генералов, комплектовавших команду только из военных. За стрелковые сборные отвечал генерал А. М. Зайончковский, представитель закрытой военной касты. Это его рукой были внесены ограничения для лучших «штатских» стрелков.

Сильные «штатские» стрелки — чемпионы России по стрельбе из винтовки Е. Тевяшов, В. Лучинский, О. Шмунк остались за бортом сборной. Исключение — Николай Александрович Панин, единственный гражданский, соревновавшийся в стрельбе из пистолета.

Еще одна неувязка. Почему-то закрыли удобное для тренировок Семёновское стрельбище. Пришлось всей командой ездить на целый день в Оранienбаум, в Высшую стрелковую школу. Уставали нещадно, вторая половина дня была уже совершенно неэффективна для тренировок.

Теперь о порядках. Комендант «Бирмы» полковник П. А. Москов оказался слишком мягким для введения необходимого порядка. На пароходе, где жили российские спортсмены, допускались грубые нарушения дисциплины. Танцы до упаду, точнее до утра со шведскими девушками, вино, лившееся рекой... Тяжелый перестук сабо и звуки неутихающего оркестра не давали выспаться перед стартом. Те, у кого были средства, бежали с веселого корабля и снимали жилье поближе к стадиону. Панин собрал вещи и снял квартиру в Стокгольме. Тем более скоро должна приехать жена Лидочка.

Конечно, русские хотели в Стокгольме нормально тренироваться и достойно выступить. Шведы поступили не по-джентльменски. Разрешили нашей команде, прибывшей в четверг, потренироваться на стрельбище только один раз — в пятницу. А на субботу и воскресенье стрельбище закрыли, объяснив, что у работников тира выходные.

В понедельник открылись олимпийские соревнования по стрельбе. В этот день проходили командные соревнования по стрельбе из пистолета на дистанцию 50 м. Небо над Балтией изменчиво. Российские стрелки вышли на открытое стрельбище во второй половине дня. Еще светило солнце. Организаторы объявили, что мишени будут меняться через каждые шесть выстрелов, и время на каждую серию — четыре минуты.

Н. А. Панин отнесся к этому поначалу спокойно. К несчастью, задул ветер и пошел сильный дождь. Но соревнований не отменили. Ведь под ливнем без спасительного навеса стреляли серьезные противники шведов — русские.

«Результат получился плачевный: вместо обычных 540 очков я смог выбить только 457. Наши главные соперники — американцы — стреляли в другой смене при великолепной погоде. В командном соревновании мы оказались на четвертом месте».

В индивидуальном соревновании по стрельбе из пистолета на 50 м Н. А. Панин занял восьмое место.

Нежданное шведское новшество ввели в дуэльной стрельбе, где наша команда в составе А. Каша, Н. Мельницкого, П. Войлошникова и Г. Пантелеймонова заняла второе место. «Мишени из древесного картона представляли собой силуэт человека и были разделены на десять поясов. Каждая

мишень помещалась на ящике с часовым механизмом. После команды «Огонь!» запускали часовой механизм в ящиках; ровно через 3 секунды все мишени поворачивались на 90 градусов и становились к стрелкам ребром». В правилах соревнования значилось, что пули, попавшие в мишень в момент ее вращения, считаются промахами. А признаком такого попадания признавалась продолговатая форма пробоины. По жестким канонам этой Олимпиады, пробоина должна быть только идеально ровной формы.

«Это давало шведским судьям полную возможность снижать результаты представителей других стран. Правило, по существу, было совершенно излишним, потому что древесный картон настолько вязок, что даже при совершенном попадании пули в мишень даже точный выстрел может иметь продолговатый след. Правило продолговатого пулевого следа — это когда пуля не всегда летит строго горизонтально, нередко бывает отклонение продольной оси пули от траектории полета, и тогда «неправильная» пробоина просто неизбежна».

Это сугубо шведское правило давало все тому же шведскому жюри возможность занижать результаты соперников. Судьи пошли еще дальше — к мишеням своей команды никого не допустили, всех держали от линии огня не ближе 50 м. Понятно, чего боялись шведские судьи!

Тогда Николай Александрович обратился к капитану команды — полковнику Шестерикову, чтобы тот потребовал осмотра мишеней шведских стрелков. Увы, полковник под неловким предлогом, что «Воейкову это может не понравиться», отклонился от разбора ситуации.

Владимир Николаевич Воейков являлся официальным представителем России на Играх V Олимпиады. В последние годы правления императора Николая II был комендантом царского дворца.

Стрелки из России получили две медали. Серебряным призером стала команда по стрельбе из дуэльного пистолета на дистанции 30 м. Третье место в стрельбе по подбрасываемым голубям занял Гарри Блау. О них я еще расскажу.

Всё феноменально успевал

Николай Александрович феноменально всё успевал и добивался значительных успехов. Я бы назвала его энциклопедистом в спорте. «Мое увлечение спортом все углублялось и находило свое проявление в различных его видах, как например, фигурное катание на коньках, легкая атлетика, лаун-теннис, фехтование, футбол, стрельба, велосипедный и парусный спорт. Все это сильно содействовало разносторонности моего физического развития, что, как мы теперь знаем, является непременным условием высоких достижений».

В «Кружке любителей спорта» с удовольствием бегал и прыгал. Хотя легкая атлетика никогда не была его коньком в прямом и переносном смысле. Но однажды он даже победил известного спортсмена П. П. Москвина в беге на 100 м.

Пётр Павлович Москвин, как пишет Панин в своей книге «Страницы из прошлого», считается основоположником легкой атлетики и хоккея с мячом в России.

В этом же кружке Панин играл в футбол левым полузащитником. Врачи рекомендовали не перенапрягаться из-за нездорового сердца. Но, как ни странно, сердце постепенно натренировалось и справлялось с нагрузками.

Уже после первой победы на льду в 1897 году стал опекать фигуристов. Николай Александрович писал: «...Четкой теории нельзя было найти ни в одной русской или иностранной книге. Никакого научного представления о механике движений не было. Катаясь и наблюдая за другими, я точно записывал дома все приемы, оказавшиеся на льду наилучшими, чтобы потом разобраться в них...».

В Юсуповом саду к нему приходили гимназисты и спортсмены. Ему нравилось помогать и учить. И делал это, как подчеркивал всегда в своих мемуарах, совершенно бескорыстно.

Летом, когда коньки зачехлены, он становился участником гребных и парусных гонок. Однажды на каникулах организовал «Донской кружок любителей спорта», где впервые греб с настоящими моряками. Был рулевым и у девушек. И, спасая их от жары, черпал кружкой воду за бортом и плескал спортсменкам в лицо. Сам Николай, рассказывая об этом эпизоде, всегда задорно смеялся.

А воспоминание о событиях 22 июля 1899 года делало его серьезным. Предстояли соревнования яхт на «Невский кубок». Победителям доставался роскошный императорский приз — дубовый ящик со столовым серебром. Их судно «Ленора» довольно большое — 36 фунтов по ватерлинии. Соперники соревновались на яхте «Призрак». В тот день дул крепкий норд-ост. Поднявшиеся волны не сулили ничего хорошего. Все же судьи дали старт. На полпути ветер превратился в ураган. Огромные волны залили каюту. Попадали тарелки, в воде плавали свитера, книги, пальто... Стали выкачивать помпой, а вода только прибывала. Крышка люка, как заколдованная, исчезла. Намучившись, решили сойти с дистанции.

Но ура! Сорванная крышка каким-то чудом нашлась. Люк быстро задраили, и гонка продолжилась. В итоге императорский приз достался команде Панина.

Но больше всего Николай преуспел в стрелковом спорте. Виновником этого увлечения стал Сильвио из пушкинской повести «Выстрел»: «Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить

грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы». Забегая вперед, скажу, что Николай Александрович превзошел своего героя. Его меткость отмечал тренер по фигурному катанию только недавно ушедший долгожитель Игорь Москвин, хорошо знавший Николая Александровича: «В свои 70 он мог с 10 метров выстрелом погасить спичку!»

Практика показала: для точной стрельбы надо совершенствовать пистолет. С лупой и миниатюрным напильником из кусочка стали он «колдовал» над прицелом для верного попадания в «семерку». С таким модернизированным оружием Николай каждый день в одно и то же время посылал по 35 пуль в домашнем тире. Для этого открывали двери трех комнат и в конце образовавшегося коридора крепили мишень к чугунной доске. Соседи не роптали и даже свыклись с ежедневными сухими щелчками пистолета.

Первое «золото» по стрельбе он завоевал в 1899 году на чемпионате России, организованном «Петербургским атлетическим обществом». В 1906 году пришла вторая победа на чемпионате России: две большие золотые медали «Атлетического общества» и переходящий кубок за всероссийский рекорд.

В стрелковом спорте Николай Александрович добился выдающихся успехов, став 12-кратным чемпионом России по стрельбе из пистолета и 11-кратным чемпионом России по стрельбе из боевого револьвера (1907—1917).

После революции стало не до спорта, и фигурное катание тоже было не в почете. Как, впрочем, теннис и бокс, считавшиеся буржуазными видами для удовольствия избранных.

Панин вернулся к спорту только в октябре 1919 года. Он сам пришел в организацию Всевобуча (Всеобщее военное обучение), и там с радостью приняли человека, умеющего фехтовать на рапирах. И сразу определили инструктором в две средние школы, а потом и в Детскосельский (дореволюционное название Царскосельский) агрономический институт, где он преподавал фехтование, лыжи и теннис. Этими же видами спорта обучал и в Детскосельском спортивном клубе.

В 1922 году по предложению командования 16-й стрелковой дивизии имени В. И. Гиквидзе Николай Александрович работал с красноармейцами. «Я принял на себя в общественном порядке задачу обучения лыжному бегу всего комсостава 46-й стрелковой бригады (3 полка), которую и успешно разрешил, так как на заключительном соревновании с другими командами мои выступили во главе с комбатом тов. Королевым, забрали все 5 назначенных на соревнование призов, а я распоряжением комиссара бригады был награжден комплектом обмундирования».

Не знаю, ходил ли денди Панин в этом военном комплекте, во всяком случае, на фото он запечатлен в котелке и элегантном длинном пальто, опи-

рающимся на трость. Или в широкой волчьей шубе с огромным воротником и валенках с галошами, чтобы не замерзнуть на катке.

Его перу принадлежит и такое признание: «Обучение красноармейцев лыжному спорту лучше всего проводится при помощи... матерщины!» Правда, цензор за сие высказывание обругал и удалил столь яркое воспоминание.

Николай Александрович числился беспартийным. В коммунисты его по классовому происхождению не допустили бы. Он, как потомок купца, это хорошо понимал. Но специалистом для новой державы был архиважным. Финансовый инспектор по налогам без работы не оставался. Его ценили и бросали на трудные участки. В Гатчине занимал должность старшего финансового инспектора, потом стал ревизором, инструктором по налогам. Там же при гатчинском Доме физической культуры организовал стрелковый кружок, безвозмездно предоставив ученикам собственные пистолеты. Выступал на соревновании по стендовой стрельбе из дробного ружья и занял первое место.

Особых возможностей для спортивных занятий в тот период советской жизни не было. Поэтому свободное время посвящал охоте и дрессировке своих собак. Его пойнтер Блав-Лаго, «начиная с 1926 года, получила ценные призы за полевую работу и на выставках Союза охотников, в том числе 14 “золотых медалей” — точнее дипломов на их получение».

Панина повышают в должности. В Луге он уже окружной ревизор. Здесь же находит себе отдушину — организует стрелковый кружок. Под его руководством способная молодежь выиграла командное первенство города. За это Николая Александровича патриотично отблагодарили — вручили тематический приз — скульптуру В. И. Ленина с ружьем.

В сентябре 1933 года директор Института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта профессор Е. Ю. Зеликсон пригласил олимпийского чемпиона организовать школу мастеров фигурного катания. Наконец-то он вернулся к любимому делу. Читал курс теории и методики фигурного катания и тренировал. Под его наставничеством команда института выигрывала первенства не только города, но и СССР. В сезоне 1934/35 года были восстановлены командные соревнования на первенство Ленинграда и учрежден переходящий приз имени Н. А. Панина в виде скульптурного бронзового изображения олимпийского чемпиона на коньках.

В 1935 году сбылась еще одна мечта Николая Александровича. При институте физической культуры открылась Высшая спортивная школа с секцией фигурного катания, причем исключительно женская, а с 1936 по 1938 год руководил Высшей тренерской школой фигурного катания, где, конечно, обучались мастерству не только девушки.

Николай Александрович понимает, что его накопленный опыт необходим для будущих фигуристов. И в 1938 году в свет выходит новая книга, по сути, это полноценный учебник «Искусство катания на коньках: история, теория, методика и техника фигурного катания». Эта работа была высоко оценена Ученым советом ГИФК имени П. Ф. Лесгафта — присвоением Н. А. Панину-Коломенкину ученой степени кандидата педагогических наук и звания доцента. В 1940 году великий фигурист и ученый был удостоен звания «Заслуженный мастер спорта».

Первый в СССР

Первая Всесоюзная спартакиада 1928 года стала в стране главным международным соревнованием. Отборочные состязания проходили поэтапно, начиная с маленьких физкультурных ячеек и заканчивая городскими и областными. Подготовке уделяли огромное внимание не только физкультурные организации, но и партия с комсомолом. Причина такого заботливого отношения заключалась в долгой изоляции СССР и желанием как можно быстрее догнать и перегнать капиталистические страны. Как сейчас говорят, надо было поднять престиж страны благодаря спорту. Напомню, советские спортсмены не участвовали в международном олимпийском движении вплоть до окончания Второй мировой войны.

Летом 1928 года Николай Александрович Панин получил приглашение от Воениздата приехать в Москву и заключить договор на переиздание новой книги «Фигурное катание на коньках». Но его начальник, заведующий налоговым отделением и, как отмечал Панин, «ярый противник спорта», эту поездку запретил. Напомню, до революции точно так же поступали и прежние руководители Панина.

В это время шли отборочные соревнования в Луге, где тогда работал Николай Александрович. Он не мог пропустить состязания по стрельбе из пистолета, и за неимением конкурентов был направлен в Ленинград на областную спартакиаду, где с легкостью занял первое место. Как лучшего его командируют в Москву на Всесоюзную спартакиаду. Тут уж начальству пришлось, скрипя зубами, отпустить своего очень спортивного подчиненного.

В Москве он подписал договор с издательством. Потом заболел и с температурой отправился на мытищинский полигон. Когда немолодой спортсмен с глубокими залысинами и замысловатой линией усов, подчеркивающей непролетарское происхождение, появился среди молодых, загорелых и мускулистых, зрители встретили «новичка» смехом: дедушка пожаловал.

Должна отметить, что Панин и в немолодом возрасте старался выглядеть спортивно: ходил, расправляя плечи, голову держал всегда прямо. Тряхнуть

старинной и дать показательный урок Николай Александрович решил неспроста. Он был честолюбив. Еще раз хотелось доказать всем, и в первую очередь себе, что по-прежнему готов побеждать.

Панин отстрелялся, но подумал, что стрелял плохо из-за недомогания. Потому не стал дожидаться объявления результатов. Вечером поезд мчал захворавшего в Ленинград.

Через несколько дней его вызвали в Смольный. Секретарь ЛОСФК (Ленинградского областного совета физической культуры) вручил «прелестный серебряный портсигар с надписью “1 приз за стрельбу из револьвера” и моей фамилией. Почему “из револьвера” — так и осталось для меня тайной».

Олимпиадник становится воином

Николай Александрович жил в Ленинграде, когда началась война. Ему уже под семьдесят. Несмотря на возраст, он работал, как и все, приближая День Победы.

В 1941 году в блокадном городе выходят его брошюры: «Каждый самокатчик — связист и разведчик», «Подготовка военных самокатчиков. Краткое пособие». Под словом «самокатчик» современникам следует понимать «велосипедист». По размеру это были карманные книжечки в несколько страничек, напечатанные на шершавой дешевой серой бумаге и с черно-белыми графическими рисунками. Ну, а содержание вполне ясно из названий.

Блокада уносила лучших. От голода погибла любимая ученица — многократная чемпионка России по фигурному катанию, преподаватель Ленинградского института физкультуры Ксения Цезарь.

Николай Александрович с каждым днем сдает, опухают ноги, кружится голова, а во сне приходят дивные видения вкусной и недоступной еды. Он хорошо понимает, отчего это происходит. Видит страдальческие глаза умирающей собаки Ляльки. Но накормить ее нечем. Его сердце сжимается от боли. Отвернувшись, выстрелил. В самый трудный час Лялька помогла выжить.

Паек блокадников беспощадно мал — 200 граммов тяжелого хлеба с опилками и целлюлозой. С 20 ноября по 25 декабря 1941 года пайку урезали до 125 грамм.

Панин ослаб совершенно. Закутавшись в одеяло, лежал, чтобы сохранить последние силы. Он осознавал, что уже совсем скоро не поднимется с кровати. Но судьба распорядилась по-другому. Неожиданно в дверь постучали. Нарочный принес письмо с приглашением в Смольный к самому главному человеку Ленинграда — первому секретарю горкома партии А. А. Жданову.

Слабыми шагами, держась за трость, Панин вошел в просторный кабинет. Андрей Александрович Жданов встал из-за стола.

— Вам нельзя здесь оставаться. Мы решили отправить вас ближайшим эшелоном.

Николай Александрович не ожидал таких слов. «Кому я был нужен в это страшное время, старый, сдающий с каждым днем человек?

Жданов улыбнулся мне поддерживающе. И добавил: “Мне многое о вас рассказывали. Вы очень много сделали для нашей Родины. И я верю, что еще очень многое сумеете сделать”. Я чуть не заплакал. И сказал в ответ: “Спасибо, огромное спасибо, товарищ Жданов. Чем я могу отблагодарить за такую заботу вас?” И услышал в ответ: “Меня благодарить не за что”.

У меня закружилась голова. Ноги стали ватными. Как сквозь туман увидел, что Андрей Александрович нажимает кнопку звонка и при этом что-то говорит мне. Я отвечаю — дыхание перехватывает, собственных слов не слышу: “Ничего, это сейчас пройдет. Просто слегка голова закружилась. Извините меня”. Тут вошел адъютант, и я услышал, как Жданов приказал ему тут же отвести меня в столовую и накормить. А затем отвезти домой на его машине. Вот и все. Больше мы не виделись».

На следующий день, когда вещи для отъезда уже собраны, Панин достал ящик, где лежали два пистолета с инкрустацией. В Париже с этим оружием он в 1908 году завоевал золотую медаль. Написал короткое письмо, где благодарил А. А. Жданова. И отнес свой подарок в Смольный.

А дальше его путь лежал через Москву в Свердловск, где в эвакуации жил и работал московский Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры имени И. В. Сталина (ГЦОЛИФК).

В архивах ГЦОЛИФК хранятся интересующие меня документы. Я подробно останавливаюсь на них не случайно. Во-первых, практически во многих очерках и статьях деятельность Н. Панина во время войны не освещается, авторы обходятся общими словами. Во-вторых, очень много неточностей в указании городов, где находился в эти тяжелые времена Николай Александрович. Отмечу, в годы войны Панин работал в Свердловске, куда был эвакуирован московский институт.

«Приказ по Государственному Центральному Ордена Ленина
Институту физической культуры имени т. Сталина.

гор. Свердловск

№ 78

“27” августа 1942 года

параграф 3

тов. Панина-Коломенкина Николая Александровича, заслуженного мастера спорта СССР зачислить старшим лаборантом по кафедре лечебной физкультуры с окладом 400 рублей в месяц с 27/VII с. г.

Основание: заявление Панина-Коломенкина».

Конечно, было бы наивно думать, что великий Панин, который имел звание доцента, а в 1940 году стал заслуженным мастером спорта СССР, работал лаборантом. Так обычно зачисляли на свободную ставку нужного сотрудника.

24 октября 1942 года вышел новый приказ, № 97.

«Тов. Панина Н. А. освободить с 1/X-42 г. от должности лаборанта кафедры лечебной физкультуры, использовать его на научно-методической работе в качестве научного сотрудника на договорных условиях».

Он обучал всему, что знал как стрелок, лыжник и фехтовальщик. Именно в этом году из-под его пера вышла брошюра «Привал лыжников и ночевка в ненаселенных пунктах», изданная в Свердловске. Книжка карманного размера предназначалась для партизанских отрядов.

Следующий приказ датируется 15 сентября 1943 года, издан уже в Москве (институт был реэвакуирован в 1943 году).

«Тов. Панина-Коломенкина Н. А. зачислить преподавателем кафедры рукопашного боя с 1/VII-43 г. с окладом в размере 600 рб. (0,5 ставки).

Основание: Согласно резолюции зам. директора по УВЧ»

В архиве сохранился документ директора ГЦОЛИФК Ивана Николаевича Петухова от 25 февраля 1943 года, направленный в отдел социального обеспечения Московского городского совета депутатов трудящихся. В письме содержалась просьба об оказании содействия заслуженному мастеру спорта СССР, старшему научному сотруднику Н. А. Панину-Коломенкину в приобретении пальто, костюма, сапог или ботинок в связи с пропажей его вещей во время реэвакуации из Свердловска в Москву.

Новая запись дает основание считать, что Николай Александрович работал в ГЦОЛИФКе до окончания войны.

В своих воспоминаниях он отметил: «Я так усвоил технику боя, что в 1943—1944 гг. исполнял обязанности старшего преподавателя кафедры рукопашного боя в Центральном институте физической культуры имени Сталина (ГЦОЛИФК)».

Вот еще одна важная отметка в биографии Николая Александровича, работавшего в Москве.

«Командировки

В г. Горький с 6/II по 19 /III-45.»

В Горьком (ныне Нижнем Новгороде) во время войны (!) проходил чемпионат СССР по фигурному катанию. Николай Александрович был командирован туда на довольно долгий срок. Цель поездки — работа с фигуристами и в судейской коллегии.

Непродолжительное время, с июня по сентябрь 1944 года, Николай Александрович по совместительству работал инспектором во Всесоюзном

комитете по делам физкультуры и спорта. В Ленинград он возвратился в сентябре 1945 года и стал преподавать в Научно-исследовательском институте физической культуры.

«Судьбы фигурного катания остаются для меня далеко не безразличными»

Послевоенное время тяжелое. Даже хлебом досыта не наестся — отпускают лишь по карточкам. (Хлебные карточки отменили только в 1947 году.) И надо восстанавливать все, что разрушили немцы. Не хватало тренеров и учителей физкультуры, инвентаря, литературы, спортивных школ...

Панин, понимая свою ответственность за любимое фигурное катание, пишет письмо заместителю председателя Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту И. И. Никифорову.

«15 декабря 1946 года

Уважаемый Иван Исаевич!

Судьбы фигурного катания остаются для меня далеко не безразличными. На первом месте стоит здесь отсутствие хорошего фигурного катка и специальной обуви, несмотря на наличие среди нашей молодежи огромного интереса к фигурному катанию и желанию заниматься им: только через мои руки прошло еще летом более сотни заявок на этот спорт — инвентарь к председателю Всесоюзной секции М. Томашевскому, с указанием размеров; но заявки посылали и другие. Об этом знает и товарищ Капитонов. Однако реальных результатов все еще нет. (Капитонов Виктор Семёнович работал во Всесоюзной секции конькобежного спорта. — *Примеч. авт.*)

Второе препятствие — отсутствие хороших площадок для фигуристов, изолированных от прочих посетителей катков.

Третье — отсутствие твердо установленных правил соревнований, по которым имеющие уже семилетнюю давность, по слухам, наконец, остаются с получением официальных международных правил.

Четвертое — отсутствие специальной литературы. Составленное мною по указанию тов. Романова учебное пособие для начинающих сдано в “Ф. и С.” (издательство “Физкультура и спорт”. — *Примеч. авт.*) в апреле с. г., но, как говорят, выпущено в этом сезоне не будет из-за отсутствия у издательства типографии средств. Есть еще и другие преграды, но о них можно пока не говорить.

Я убежден, что Всесоюзный комитет может без труда устранить все перечисленные помехи».

В 1951 году состоялся судьбоносный разговор с руководством Спорткомитета. Николая Александровича пригласили на очень важное засе-

дание. Как самому опытному спортсмену и олимпийцу задали трудный вопрос:

— Есть ли шанс у наших фигуристов завоевать медали на Олимпийских зимних играх в 1952 году? Учтите, советские люди всегда готовы на подвиг. Можно форсировать подготовку.

Панин думает, а скорее держит мхатовскую паузу. Он понимает, что это невозможно, что это авантюризм и... полный провал фигуристов СССР.

Надо ответить дипломатично, выверенно. Николай Александрович начинает с того, что лучшие спортсмены погибли во время войны, а оставшиеся давно не тренировались и потеряли форму. И если подсчитать ресурсы, то напрашивается нехороший вывод: советские фигуристы проиграют.

— Когда же, по-вашему, можно гарантировать высокие результаты?

— Рассчитывать на медали можно лишь с 1964 года и только при условии, если начать серьезную подготовку мальчиков и девочек уже сейчас. Его услышали. В СССР началась большая работа. И в 1964 году на Олимпийских зимних играх в Инсбруке пришел успех. Впервые золотые медали достались советским спортсменам Людмиле Белоусовой и Олегу Протопопову в соревнованиях спортивных пар.

Какой был Панин после войны? Обратимся к воспоминаниям заслуженного тренера Игоря Москвина: «Из всех ныне живущих специалистов фигурного катания я, пожалуй, ближе всех был к Николаю Панину-Коломенкину. Сперва мы с ним общались, так сказать, через бортик ледовой площадки — в 1947 году я был молодым фигуристом, а он судил наши соревнования. Он приходил на каток в широкой волчьей шубе, в валенках и садился в плетеное кресло, которое для него специально вытаскивали. Панин-Коломенкин комментировал каждое выступление и выставленные оценки. Для нас, молодых, все это было настоящим праздником.

Помню, как Николай Панин-Коломенкин помог мне получить зачет по фехтованию, который принимал у меня зав. кафедрой фехтования Константин Булочко, интеллигентнейший человек, но весьма строгий преподаватель. А я не посетил ни одного его занятия — фехтование изучалось зимой, в самое горячее время для фигуристов. Пошел я к Николаю Александровичу: “Покажите мне, пожалуйста, хотя бы то, о чем Булочко спросит непременно”.

Панин продемонстрировал основные позиции, стойку, уколы, защиты. “А теперь один прием покажу, — сказал он. — Нанеси мне укол”. Я присел и сделал выпад. А он сделал захват моей рапиры, какое-то круговое движение рукой, вжик — и мой клинок стукнул меня самого по затылку...

Вот этот-то прием я применил против Булочко. У наставника даже очки свалились. “Игорь, кто вас этому научил? — изумился Константин Трофимович. — Вы же не были ни на одном занятии”. — “Николай Александрович

Панин”, — с гордостью ответил я. “Больше у меня вопросов нет. Давайте зачетку”, — сказал Булочко. Позже я узнал, что он был учеником Панина, занимался у него до войны на семинаре в институте».

А Панин пока все успевает. Он почетный арбитр, известный консультант и тренер. Пока еще незаменимый. И он влюблен. Да, ему уже за 70, а она молода и красива. Панин умеет ухаживать, с ним невероятно интересно. Только линзы, которые он носит с молодости в круглой, как пенсне, оправе, еще мощнее. И горбинка носа все приметнее.

А может, эта любовь подарила силы?

Очень личное

Лидочка, Наташенька, Оленька.

Желанная дочь Наташенька появилась на свет в 1899 году, когда счастливому отцу семейства Николаю Александровичу было 27 лет, а его жене Лидии Петровне Кузякиной — 25.

Скорее всего, они познакомились на катке Юсупов сада, Лидочка увлекалась фигурным катанием. На фотографии девушка с красивым благородным лицом и меланхоличным взглядом из-под мягкой линии бровей. Благодаря прическе со сложной челкой у Лидочки довольно современный вид. «Скромные» бриллианты довершают совершенство образа. Из скудных источников известно, что между молодыми возникло большое чувство. В своих воспоминаниях Панин пишет только о первой жене.

«30 апреля 1911 года было одним из замечательнейших по удаче стрелковых дней на всем моем долгом спортивном пути. Накануне этого дня по случаю семейного праздника у меня собралось довольно большое общество. В шестом часу утра мы с женой, вместо сна, отправились провожать гостей на первый поезд в Петербург, потом прошлись по пустынному в этот ранний час парку и вернулись домой. После завтрака жена все же легла спать, а я, чувствуя себя в отличном состоянии, взял ящик с одним пистолетом и футляр с револьвером и отправился в город на стрельбище.

Результат был невероятный — 45 очков. Новый всероссийский рекорд! Я не мог не позвонить по телефону в Царское Село жене и не рассказать ей о своей удаче.

“Знаешь что, — сказала она, — поставь сейчас же пистолетную (так в оригинале. — *Примеч. авт.*) и стреляй”». Он принял ее совет и выбил из пистолета 46 очков. Это был еще один всероссийский рекорд, причем все 7 пуль слились в одну общую точку. И все это после такой бессонной ночи!

Лидочке он звонил и телеграфировал о своих победах. Она приехала к мужу на Олимпийские игры 1912 года в Стокгольм, где они сняли квартиру. «Желая

хоть немного отвлечься от невеселых дум, мы с женой предприняли несколько прогулок в окрестности Стокгольма и однажды поехали на пароходике в Сальчобаден — купально-курортный парк в шхерах недалеко от города».

Я ласково называю первую супругу Панина-Коломенкина Лидочкой. Быть может, Николай Александрович называл ее нежно иначе. Наверное. А Лидочка была хороша, вкус у денди Панина безупречен.

Но в 1918 году семейная лодка разбилась. Самый близкий товарищ Сергей Палехов влюбился в Лидочку. И она, как уже упоминалось, ушла к «верному другу».

Николай Александрович и Лидия Петровна официально развелись 30 мая 1918 года. Лидочка до конца своей жизни будет носить фамилию Коломенкина.

В документальном фильме «Золотая школа» пожилая дама — родственница Сергея Палехова — Наталья очень убедительно рассказывает о великолепных отношениях между своим дедом и Паниным, об их совместных поездках на охоту, о том, как Панин прислушивался к советам ее родственника...

Я отношусь к этим комментариям родственницы бывшего друга с большим сомнением. Потому что судьба Лидочки сложилась грустно.

В архиве сохранилось письмо, датированное 19 декабря 1941 года. Оно дает представление о Лидии Петровне. В самое тяжелое время блокады именно к ней обращается ленинградская знакомая Надя с просьбой помочь достать рыбьего жира или гематоген, без которых она через месяц, по прогнозу врачей, умрет от истощения: «Умоляю Вас, Лидия Петровна, простить меня за беспокойство, знаю, что и Вам тяжело. Если выживу, как-нибудь отблагодарю Вас. [Здесь и дальше на бумаге растекаются буквы. Верно, это слезы.]

Крепко, крепко целую Вас. Если не увидимся — тогда... поклонитесь от меня моим могилкам в Гатчине и помолитесь за них».

Они не увиделись.

Членская книжка Всероссийского совета кооперации инвалидов «Всекоопинсвет» свидетельствует, что из-за болезни Лидия Петровна Коломенкина с 1939 года работала в артели «Красный партизан» резчицей, потом сторожем и так до эвакуации, т. е. до февраля 1942 года. Через 5 месяцев она скончалась в Башкирской областной нервно-психиатрической больнице.

В фильмах и статьях говорится, что Панин не оставил потомства. Да и сам Николай Александрович в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился о Наташеньке. А судьба единственной дочери трагична.

В письме-прощании от той же подруги Нади есть следующие строки:

«Еще раз целую крепко. Спасибо за все, что вы для меня сделали. Сердечный привет Наталье Николаевне и горячие пожелания бодрости и сил».

К этому времени Наталья Николаевна была разведена, оставив фамилию мужа — Здровская. В эвакуации после смерти матери она, видимо, жила

с отцом в Свердловске. Сохранилась справка, свидетельствующая о большом несчастье, случившемся с ней в этом городе.

Осужденная Судебной коллегией по Уголовным делам Свердловского Горсуда 28 февраля 1944 года по от. ст. 7/8 32 статьи УК РСФСР Н. Н. Здравская была приговорена к лишению свободы.

Десять лет Наталья Николаевна отбывала наказание в местах заключения. И только 23 апреля 1953 г. по указу от 27/III 53 г. она вышла на свободу. Сильно постаревшая 55-летняя женщина отправилась в родной Ленинград. В чем ее вина, можно только предполагать. Тогда даже за безбилетный проезд в трамвае давали три года лагерей.

В архиве я нашла письма Николая Александровича в послевоенные годы. Они о вспыхнувших чувствах к молоденькой Оле. И о том, как непросто складывались отношения между двумя любимыми им женщинами — женой и дочерью.

Оля стала третьей женой Николая Александровича. Панин ее оберегал и старался не показывать молодой женщине свои возрастные болячки.

В августе 1949 года его командировали в Ригу. Прямо на улице стало плохо — инфаркт. Николая Александровича отправили в хорошую обкомовскую больницу, где он пролежал два месяца. В письме к своему другу жаловался: «Врачи говорят — лежать в лучшем случае до конца сентября и лежать почти без движения, даже с позволения... на “трон” нельзя встать. Я раз попытался 26 авг., и чуть не отправился в дальнюю дорогу, пошатнулся мучительной ночью и доставил дежурному врачу много хлопот. Однако главный врач говорит, что вторая электрокардиограмма указывает на улучшение. Уход, питание тут образцовые, не оставляют желать лучшего. Единственный минус — радиопередатчики, а репродукторы у каждой койки, правда, слабые, но все же нарушающие покой — не всегда удобно просить соседей выключить звук, когда они хотят слушать.

Олю я бессовестно обманываю — до сих пор скрываю истину и пишу, будто я в санатории и чувствую себя прекрасно. А от скуки читаю беллетристику и пишу свою тему помаленьку.

Жалею, что не смогу принять участие в работе Секции, и без меня там опять заберут силу проклятые Захаров, Орлов и др. В твор. Климова я не верю, да и Саша Г. отошел. Ужасно жалею, что так и не хочет взять в руки вожжи и спасти наш прекрасный спорт от изуродования».

Письмо от 15 июня 1946 года адресовано дочери. Это мольба о спасении его брака.

«Наташенька!

15 июня 1946 г.

Мне очень тяжело писать тебе это письмо, но это необходимо, чтобы предупредить возможные дальнейшие осложнения. Очень нехорошо получилось с Олей. Я вернулся в Ленинград в воскресенье 9/VI, она меня встретила

на вокзале очень тепло и приветливо, была веселая и довольная с виду, но очень похудела и не выглядела здоровой, хотя писала мне, что поправилась. Три дня прошло у нас великолепно, как вдруг в среду 12/VI мне прислали из Кисловодска пришедшую после моего отъезда открытку твою от 20/V, в которой ты пишешь очень резко об Оле, что это свинство, что она мне не пишет и что у тебя о ней какие-то дурные мысли. Я спал, и эту открытку прочла Оля. Когда я пришел к ней в другую комнату, застал ее страшно расстроенной, в слезах, которые вскоре перешли в истерические рыдания. У нее начался озноб и жар, к вечеру т. (температура) поднялась до 38, дальше хуже, заснуть не могла, к 2 часам ночи температура была 41,4, не могу передать в каком ужасном состоянии она была — я хотел впрыснуть камфару, она не позволила и стала со мной прощаться, чувствуя, что приближается конец. Я не мог ничем помочь ей, т. к. ночью доктора негде взять, и был в полном отчаянии, дал ей кофеину: пульс доходил до 110, она была почти без сознания. К счастью под утро т. стала спадать и часов в 6 она уснула. Утром я вызвал Александру Георгиевну и узнал следующее. Оля переехала на ул. Рубинштейна 19 числа, устраивала наше жилье, была весела, энергична, вполне здорова, пополнела, все вообще было прекрасно; как вдруг она получает какое-то письмо, прочтя которое пришла в страшное волнение. Дня три плакала днем и ночью; что за письмо — никому не сказала, уничтожила его, пошла к управдому и перевела всю жилплощадь на меня; Александре Георг. сказала, что уедет навсегда к Коле, что мне без нее будет лучше, что она мне в тягость и проч. вздор. Насилу уговорили ее не делать этого до моего приезда, правильно указывая, что меня это убьет. У нее и тогда была температура, бессонница, и она опять исхудала — какую я и нашел ее по приезде. Она ни слова не сказала обо всем этом, и я теперь ее не могу спросить в виду ее тяжелого состояния. Ее волнение по поводу твоей открытки она объяснила душевной болью от удара, полученного от той, которую она любила больше всего на свете. И действительно, ведь она о тебе всегда и мечтала, чтобы увидеть тебя, чтобы добиваться освобождения, жить с тобой и для тебя, хотела переселиться в Свердловск на работу, чтобы быть ближе к тебе, она тебя идеализировала, считала своим самым близким другом. Да и я тебя считал таковым, судя по твоим словам и письмам во время ее ужасной болезни в конце прошлого года.

Теперь, сопоставляя все изложенное с тем, что ты написала мне о ней, я прихожу к предположению, что полученное ею письмо могло быть только от тебя. Оля в настоящее время остается очень в тяжелом состоянии, у нее температура, правда близка к нормальной 37,2—37,5, но сердечные припадки с удушьем, я никак не могу ее успокоить, она все убеждает меня, что мне и тебе без нее будет лучше и что ей надо уехать. **Но я без нее не могу и не буду жить, довольно с меня полного одиночества под конец жизни** (выделено. — *Примеч. авт.*).

Я не уверен, что она теперь поправится, т. к. врачи не могут определить ее болезнь, кроме как “на нервной почве” и существенной помощи ей до сих пор не оказали; завтра вызываю еще одного специалиста по сердечным болезням; но если удастся на этот раз спасти ее, то необходимо ее успокоить. Поэтому, Наташенька, я тебя прошу и даже требую, чтоб ты немедленно сейчас же написала мне всю правду (памятуя, что ложь притворство и мщение, да еще с больными людьми, эта самая последняя мерзость и подлость): писала ли ты ей в мое отсутствие такое письмо, которое могло ее так взволновать и обидеть, и если да, то 1) повтори мне дословно его содержание и 2) постарайся написать Оле другое письмо, которое объяснило бы и извинило твою ужасную ошибку. Ведь в неполучении мною писем виновата только почта. Оля все время и очень часто писала мне, телеграфировала не только мне, а даже директору санатория с оплаченным ответом... Посылаю тебе меньше денег, чем прежде, не из-за Оли, а потому, что прекратилась возможность выручать деньги, отказываясь от водки. Жизнь в Ленинграде чуть не вдвое дороже московской. Оля все силы приложила, чтобы добыть ордера на посылки тебе, ящики и содержимое, без слез не может говорить о твоём несчастье... И вдруг увидеть от тебя такое отношение! Если ты написала ей что-то нехорошее, ведь ты убила своего лучшего и единственного друга, потому что она к тебе лучше относилась, чем я, и для нее этот удар получился совсем такой же, как я перенес когда-то в Уфе и в Свердловске. Ты меня извини, если тебе это письмо неприятно, но я и сам в очень плохом состоянии, уже 2 ночи не спал около больной, а третью спал очень мало, избегался по докторам — я ведь оглох в Кисловодске на правое ухо. Чувствую себя физически хуже, чем до поездки в Кисловодск, а морально и совсем нестерпимо. Прошу немедленно заказными исполнить мою просьбу — мне по адресу Вере Сергеевне Силкиной, Б. Московская 13, кв. 20, а Оле на ул. Рубинштейна.

С твоей открыткой от 20 мая еще и то получилось прескверно, что ты послала ее в Санаторий, где все меня знают (это спец. Ленинградский санаторий Лен. Гор. Исполкома); неужели ты не догадалась, что не следует писать в ОТКРЫТКЕ такие вещи о моей жене, да еще с таким обратным адресом — ведь каждому ясно, что он означает. Теперь здесь на нас все соседи злятся, зачем у нас 2 комнаты, и не только открытки, но и письма остаются и часто пропадают, поэтому сюда пиши, пожалуйста, с каким-нибудь другим обратным адресом на конверте, чтобы кто-нибудь из них не нагадил — это очень легко сделать.

Однако уже половина третьего ночи и надо ложиться. Будь здорова и отвечай немедленно. На мое деловое письмо из Москвы я от тебя пока еще не получил ответа. Целую. Папа.

Оля в конце мая без меня выслала тебе 160 р.

О получении сообщи».

А вот еще одно письмо, датируемое 15 февраля 1953 года. Оно адресовано воронежскому журналисту и писателю Б. К. Миротворцеву, активно участвовавшему в развитии местного фигурного катания.

«Уважаемый Борис Клавдиевич!

Глубоко виноват перед Вами в том, что не пишу: но Вы меня, конечно, простите, узнав, что моя любимая жена Ольга Георгиевна, серьезно болевшая уже с нового года, в феврале должна была лечь в больницу и 13 февраля подверглась серьезной операции. В данное время находится в тяжелом состоянии, и мне совершенно нет времени даже для самой нужной переписки».

Что было дальше с любимой Оленькой, я не смогла выяснить. Но предполагаю, что случилась трагедия.

Уходил Николай Александрович в мир иной, когда его любимой Оленьки уже не было рядом. Это ясно из письма хорошо знающей его Аллы и адресованное Анне Лаврентьевне.

«Дорогая Анна Лаврентьевна!

Пишу с дороги, скоро будет Киров, едем очень хорошо, но тоска и грусть, все-таки родное насиженное место оставила, а также беспокоюсь о Леве и особенно о Николае Александровиче, как он себя чувствует, наверно нервы расходились. Но вы дайте ему покой, не сердитесь, ведь он такой уже беспомощный, промолчите лишний раз, он вам будет за это признателен и оценит ваше благородство».

Великий Панин ушел в январе 1956 года.

Где медали и призы?

Начну с письма, которое за два года до своей кончины написал Николай Александрович председателю Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР тов. Н. Н. Романову.

«Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

К Вам обращается старший научный сотрудник Ленинградского Научно-Исследовательского института физической культуры, заслуженный мастер спорта СССР Панин-Коломенкин Николай Александрович.

Я первый из русских спортсменов завоевал олимпийскую золотую медаль, выйдя победителем IV-й мировой олимпиады 1908 г. в Лондоне по фигурному катанию на коньках. Кроме того, имею большую золотую медаль Санкт-Петербургского Атлетического общества, полученную мною в 1915 г. за десятикратный подряд выигрыш первенства страны с 1906 по 1915 гг. по стрельбе из пистолета.

В данное время мне уже 82 года и я очень болен. Я тренировался и ездил на состязания за границу на общественные, т. е. народные средства и счи-

таю, как и лучшие из моих товарищей и учеников по спорту, что эти медали представляют некоторую историческую ценность для нашего физкультурного движения и должны после моей смерти сохраниться как народная собственность в каком-нибудь музее или ином хранилище, доступном для обозрения физкультурной массы.

К сожалению, у нас еще не существует музей физической культуры и спорта; я не знаю, куда и кому нужно будет в свое время направить эти вещи.

Прошу Вас, Глубокоуважаемый Николай Николаевич, не отказать в соответствующих указаниях и распоряжениях.

31 марта 1954».

К сожалению, желание Николая Александровича оказалось не выполненным. Ничто не предвещало беду. На очередной юбилей знаменитому олимпийцу предложили сфотографироваться в полном параде со всеми наградами. Но лучше всего об этом рассказала его ученица Майя Беленькая: «Вообще Панин — личность удивительная. Он и выглядел-то по-особому, такой интеллигентный, в хорошем пальто, в шляпе “пирожком”, в очках. Очки с толстыми стеклами, потому что много работал над книгами, читал много.

Помню, отмечался какой-то его юбилей. Мы с подружкой написали открыточку и пошли его поздравлять. А он жил на улице Рубинштейна, вход под арку. За несколько дней до этого в журнале “Огонек” поместили его портрет. Он там сфотографировался со всеми своими медалями, а их у него было море — и по парусному спорту, и по стрельбе, и по плаванию... Журнал вышел где-то в конце недели, а через день его ограбили. Он на первом этаже жил. И вот мы пришли поздравлять, стучим, стучим — никто не открывает. Вдруг такой голосок: “Кто там?” — “Николай Александрович! Это Майя Беленькая и Наталья Шевелева, откройте, пожалуйста!” Дверь только слегка приоткрывается, он в щелочку нас рассматривает, потом впускает. Видимо, он плохо себя чувствовал, потому что до нашего прихода лежал. И вот он рассказал, что его ограбили, а потом достал из-под подушки пистолет — красивый такой, инкрустированный. “Это, — говорит, — если ночью полезут!”».

Итак, медали были украдены. За исключением золотой олимпийской. Каким-то чудом она сохранилась у родственников. Только в 1979 году олимпийская награда попала в Эрмитаж.

«Нам принесла ее пожилая женщина, которая назвалась дальней родственницей Николая Панина-Коломенкина, — рассказала главный научный сотрудник, хранитель отдела нумизматики Эрмитажа Евгения Щукина. — Естественно, мы знали, кто такой Панин-Коломенкин и об истории этой медали, поэтому купили ее».

Медаль была изготовлена из настоящего золота в Бирмингеме по эскизу знаменитого австралийского скульптора Эдгара Бертрама Маккеннала, прославившегося конной статуей короля Эдуарда VII в Мельбурне и статуей королевы Виктории в Балларате (Австралия). Он также автор коронационной медали короля Георга V.

На лицевой стороне олимпийской медали две девушки в античных одеждах держат лавровый венок над головой атлета-победителя. На обороте — покровитель Великобритании святой Георгий, поражающий дракона.

Медаль из золота 33 мм в диаметре была приобретена музеем всего за 700 рублей. Сумма небольшая даже для тех лет. Сегодня стоимость возросла в сотни раз. Но увидеть ее невозможно, так как экспонат никогда не покидал стен запасника Эрмитажа.

В 1988 году Олимпийский музей МОК обратился с предложением выставить медаль Н. А. Панина во временную экспозицию, посвященную 80-летию проведения Игр IV Олимпиады в Лондоне. Однако тогдашний председатель Спорткомитета СССР и президент Олимпийского комитета СССР Марат Грамов, с именем которого связаны не лучшие страницы олимпийского движения нашей страны, запретил вывоз медали.

Кроме золотых медалей на Играх в Лондоне всем олимпийцам вручали еще и медали памятные. Они тоже выполнены по эскизу Эдгара Бертрама Маккеннала. Эрмитаж приобрел эту награду у той же родственницы за 30 рублей.

Ну, а великолепные и очень дорогие призы, которыми награждали Николай Александровича еще до революции 1917 года за победы в соревнованиях по стрельбе, фигурному катанию и другим видам спорта, где же они?

В одном из писем, датированных 29 декабря 1951 года, наталкиваюсь на высказывание Панина о судьбе призов и о его мечте — возобновить соревнования по специальным фигурам:

«Могу Вам сообщить, что они (речь идет о специальных фигурах. — *Примеч. авт.*) действительно у нас совсем заглохли по причине то ли большой трудности и связанной с этим трудоемкости их изучения, то ли слишком большой эффективности зрелища катания на этих фигурах. За рубежом ими кое-кто занимается, хотя они и не входят в программу международных первенств мира и Европы. О специальных фигурах могу Вам сообщить, я пытался несколько раз сагитировать наших чемпионов заняться этим разделом катания... Единственно средством раскачать их на это дело было бы хорошее поощрение, например, в виде специального переходящего кубка и дорогих призов, как это было в 1906—1917 гг. с кубком в память А. Н. Паншина. Я бы охотно пожертвовал на это один из моих великолепных кубков; но, к сожалению, все они достались белогвардейцам в Ейске, куда были эвакуированы вместе с государственными ценностями в 1918 г.»

Так вот где ограбили нашего олимпийца. Потому не получается создать достойный музей великого спортсмена. Сохранились лишь грамоты советского периода, книги, его стихи и немногочисленные фотографии.

Однако мне посчастливилось увидеть и даже держать в руках один из призов Николая Александровича.

По волне моей памяти

Бывает и так, когда совершенно неожиданно в твою жизнь ураганом врывается событие из очень далекого прошлого. Так случилось со мной. Я листала журнал, каким-то чудом оказавшийся у меня дома, и вот дохожу до страницы, где среди фотографий произведений искусств, выставленных на Третьем аукционе антиквариата в 2011 году, нахожу необычный снимок. Внимательно читаю описание и понимаю, что вижу бесценную вещь — подарок Н. А. Панину-Коломенкину от императорской семьи!

Изящная триумфальная колонна, посередине которой царский герб, увенчана золотым миниатюрным коньком. На маленькой табличке выгравировано: «Их Величества Н. А. Панину-Коломенкину».

Этот приз был создан мастером и владелицей московской фабрики золотых и серебряных изделий (1894—1917 гг.) Матрёной Андреевной Андреевой по заказу императорского дома.

Приведу само описание этого лота под номером 166: «Серебро 84 пробы, золото, литье, чеканка, гравировка, ручная доработка. Постамент дерево. Высота 16 см».

Предмет, как писалось в журнале, «имеет огромную коллекционную и историческую ценность, являясь одновременно уникальной реликвией олимпийского движения в России и личным подарком императорской семьи».

Правда, ни в одной из своих книг Н. А. Панин ни словом не обмолвился об этом царском даре, да и в дореволюционной прессе о нем тоже нет упоминания.

Стартовая цена лота 166 была довольно высокой — 200 тысяч рублей, но все же приемлемой для меценатов. До торгов оставалось мало времени — три дня. Если по правде, я тоже хотела бы видеть этот уникальный приз не на фотографии. Даже улетела в заоблачные мечты, но вовремя была поставлена на землю мужем и сыном. Впервые пожалела, что не владею какой-нибудь захудалой трубой с природным носителем. Мечты мечтой, но приз надо спасать. Звоню в спортивные музеи Москвы. Ответы однотипны:

— Да, конечно, очень бы хотелось иметь в своей экспозиции, но финансов таких нет и не предвидится. Никогда таких сумм музею не выделяли. Тем более сейчас конец года.

Расстроенная, что не нашла спасителя, отправилась на предаукционную выставку, чтобы своими глазами увидеть эту награду. Поднялась по мраморной лестнице Гостиного Двора на второй этаж. В Выставочном зале картины старых мастеров, скульптуры, коллекционный фарфор. Красота и роскошь былых времен. Неуверенно прошу показать нужный лот. Говорю, что, конечно, не куплю, но как историку хотелось бы посмотреть.

Меня понимают с полуслова. Не только разрешили рассмотреть и подержать в руках, но и сделали фотографию, где я нежно прижимаю к сердцу царский дар.

Итак: эстимейт: 7—8 тысяч долларов. Старт: 200 тысяч рублей за наследие олимпийского чемпиона.

Как потом узнала, что жесткая борьба шла именно за этот лот. Вот как описывают происходящее в тот день аукциона: «В минувшую субботу, 16 ноября 2011, в Гостином дворе прошли третьи по счету, но первые в Москве, на новой площадке, торги Российского аукционного дома. В стринге декоративно-прикладного искусства из 30 лотов было продано 11. Украшением этого стринга и аукциона в целом стала напряженная борьба за лот № 166 — памятный подарок в виде триумфальной колонны, увенчанной коньком с надписью “Их величества Н. А. Панину-Коломенкину”. Ведущий традиционно уже 5—10 минут рассказывал историю лота, историю спортсмена, которому он был вручен, и историю соревнований. После чего три “телефона” сошлись не на жизнь, а на смерть. За 34 шага (только вдумайтесь!!!) цена возросла с 200 тысяч до 2 миллионов рублей. С чем от души поздравляем и устроителей, и нового владельца. “Результат торгов — 2 миллиона рублей”».

Ну а кто победил? Как вы сами понимаете, победил сильнейший, а еще точнее богатейший. Я сделала попытку выяснить имя счастливца, но мне, конечно, тайну не раскрыли. Зато обнадежили: это очень известный человек, живущий в нашей стране. Я и впрямь обрадовалась — значит, панинский конечек все-таки останется на родной земле, как о том мечтал сам Николай Александрович. Потом я стала надеяться, а скорее придумала, что царский приз всплывет к Олимпийским зимним играм в Сочи в 2014. Но нет...

И все же верую. Пройдет время, и откроется в спортивном музее зал спортсменов Российской империи — участников Олимпийских игр 1908 и 1912 годов. И главным экспонатом станет подарок императора Николая II знаменитому олимпийцу Николаю Александровичу Панину-Коломенкину. И имя этого мецената навсегда войдет в историю. Так будет. Так обязательно будет.

В память о первом олимпийском чемпионе с 1957 по 1987 год в Ленинграде проводился турнир «Мемориал Н. А. Панина». В 2007 году этот турнир возобновили, и он стал международным. В 2008 году Федерация фигурного

катания в связи со 100-летием завоевания первой олимпийской медали для России учредила памятную медаль, которую вручают выдающимся спортсменам, организаторам и тренерам.

15 февраля 2009 года имя Николая Александровича Панина за его выдающиеся заслуги было внесено в Зал славы мирового фигурного катания (World Figure Skating Hall of Fame) в Колорадо-Спрингс, США.

К новым вершинам

Успешное выступление представителей России на Играх IV Олимпиады получило широкий отклик. Отношение к спорту, к самим Олимпийским играм стало кардинально меняться. Журнал «Русский спорт» отметил: «Спорт занял в России весьма видное положение, так как в общественном мнении произошел большой переворот и на спорт перестали смотреть исключительно как на забаву богатых людей. Ввиду предстоящих в Стокгольме Олимпийских игр во всех спортивных организациях деятельно готовятся к этому событию, причем нельзя не отметить, что на этот раз официальные круги относятся с полным пониманием к предстоящему выступлению русских спортсменов на мировом соревновании и обещают оказать представителям русского спорта в Стокгольме всевозможное содействие».

Анализируя журналы и газеты того предолимпийского периода, могу сказать, что пресса была настоящим организатором и пропагандистом Олимпийских игр.

КАК ПРОВОЖАЛИ «БИРМУ»

Готовились к олимпийским стартам 1912 года недолго, но старательно. Окрыляли победы на предыдущих Играх в Лондоне. Журналист и борец В. А. Пытлянский выступил с предложением провести тщательный отбор участников: «Спортивные клубы, общества по результатам соревнований уже выявили сильнейших. Надо было только из этих спортсменов отобрать самых достойных».

Но созданный в 1911 году Российский олимпийский комитет не сумел выполнить эту задачу, не смог скоординировать и объединить спортивные организации. Помешала «всегдашняя неразбериха» и нелегкие взаимоотношения между московскими и петербургскими руководителями. Особенно это касалось формирования футбольной команды. Известный футболист Василий Житарев отмечал: «Беда заключалась в том, что когда встал вопрос

о формировании футбольной команды на Олимпиаду, между Петербургом и Москвой начались настоящие бои. Деятели, стоявшие во главе футбольных лиг обоих городов, стремились протащить в сборную как можно больше “своих” игроков. Отборочные матчи выявили преимущества Москвы, но и это ни к чему не привело. Спортивные интересы были отброшены, начался настоящий торг».

Сложная ситуация сложилась и с объединением российских и финских спортсменов в единую олимпийскую команду. Функционеры из Финляндии активно боролись за самостоятельное выступление своих олимпийцев на Играх 1912 года. Член МОК для России граф Рибопьер считал это решение неверным и выразил свое недовольство в письме к президенту де Кубертену. Ведь Великое княжество Финляндское в то время было частью Российской империи.

Отметим, что в 1907 году был образован Олимпийский комитет Финляндии, который МОК зарегистрировал 2 декабря того же года. На Играх 1908 года в Лондоне Финляндия впервые выставила отдельную команду из 62 спортсменов и заняла 13-е место в неофициальном командном зачете.

Финны усиленно готовились к Играм V Олимпиады. Спорт использовался в борьбе за независимость.

Россия, конечно, возражала против самостоятельного участия финской команды. Протесты шли по дипломатическим каналам. Писали в Оргкомитет Олимпийских игр и самому де Кубертену. Однако проблема, связанная с объединением российских и финских спортсменов под флагом Российской империи, так и не нашла разрешения.

7 июня секретарь Российского олимпийского комитета Г. И. Дюпперрон доложил: «На конгрессе, состоявшемся в минувшем месяце в Будапеште, по поводу Олимпийских игр 1912 года постановлено допустить финляндцев к участию, помимо России, как самостоятельную нацию. Очевидно финляндские мистификаторы-сепаратисты работают по всей линии, где только можно, утверждая свою выдумку о каком-то особом финляндском государстве».

Финляндия при явной поддержке президента МОК добилась самостоятельного участия на Играх в Стокгольме. Правда, МОК дипломатично сманеврировал. На параде открытия финнам пришлось идти не по алфавиту, как уже было принято, а вслед за российской командой и без флага. Зато с табличкой «Финляндия».

Финские спортсмены успешно выступили в Стокгольме, заняв 4-е место в неофициальном командном зачете.

Отправление российской команды было назначено на 12 июня 1912 года. Пароход «Бирма» с трудом достался олимпийцам. «Сначала мы мечтали

о военном судне. Хотели дать огромный транспорт “Океан”, потом — бывшее госпитальное судно “Монголию”, но какие-то “темные силы” старательно подкапывались под нас в Морском министерстве, а быть может, и действительно, эти суда оказались нужны министерству, так что, в конце концов, мы обратились к частной Вост.-Азиатск. компании, которая в обычное время совершает рейсы из Либавы в Нью-Йорк. Во время переговоров прежние “темные силы” не оставляли нас в покое, и какие-то личности в морской форме, но не морские офицеры, старались перебить у нас “Бирму”, утверждая, что перевозкой частных лиц можно заработать несравненно больше. “Темные силы” предполагали, заполучив “Бирму”, переуступить ее тому же Олимпийскому комитету, но не без процента...».

«Бирма» ходила под этим именем до 1914 года, затем была переименована в «Митаву». В 1921 году была продана Польше и получила имя «Йозеф Пилсудский», затем в Германию, и в конце 1924 года продана на слом.

На пристани собрался весь спортивный Петербург, здесь как никогда много элегантных дам и военных. Петербургское лето выдалось нетеплым, сквозь мрачные тучи еле пробивало солнце. Господа в канотье и с тросточками, а большинство — это военные в фуражках и накинутых поверх кителя шинелях. Бравурные марши оркестра на празднично украшенной пристани заглушают смех и последние напутствия.

«Редкий состав пассажиров приютила у себя на борту “Бирма”. Все здоровые, стройные юноши стекались со всех концов России, чтобы впервые представить свое отечество на пятой олимпиаде. С полудня стали уже прибывать на пароход участники с провожатыми. Целый цветник дам, среди которых ярко выделялись трехцветные национальные ленты на шляпах уезжающих спортсменов.

Московские футболисты и легкие атлеты приехали непосредственно с поезда. К трем часам закончили погрузку на верхнюю палубу скаковых лошадей, здесь же помещены спортивные принадлежности, гимнастические аппараты, гребные суда и автомобили». («Вечернее время», 26.06.1912, статья «Отъезд русских олимпийцев».)

Четырехмачтовое океанское судно «Бирма» по всей корме украшено разноцветными флажками, которые, как яркие косынки, развевались на ветру. Каюты оказались не ахти какими. Правда, были и каюты первого класса. Но большинство из 178 спортсменов разместили в неудобных помещениях. Вот воспоминания участника Игр — одного из лучших наездников России М. М. Плешкова: «Почти целый месяц в Стокгольме я жил с милым Эдей Шведером на пароходе “Бирма”. Мы помещались в маленькой каюте, где койки были расположены одна над другой. В этом маленьком помещении мы должны были с акробатической ловкостью проделывать передевание из

полной кирасирской формы во фрак и обратно. Это было так же трудно, как переодеваться в платяном шкапу, и не одному, а вдвоем. Несмотря на это, мы ни разу не сказали друг другу ни одного неприятного слова и сохраняли самое бодрое настроение. В память об этой совместной жизни мы подарили друг другу по маленькому серебряному кубку с надписью “за долготерпение”».

К услугам спортсменов на «Бирме» имелись читальня, курительная, телефон, почтовое отделение и громадная столовая. Если спортсмен по каким-то причинам, даже уважительным, к примеру, из-за соревнований, опаздывал на обед, то оставался голодным и должен был самостоятельно позаботиться о своем питании.

Заветный час пробил, и ревущий гудок возвестил об отправлении «Бирмы» от набережной Васильевского острова. «На берегу раздается громогласное “Ура”. На пароходе оркестр л.-гв. стрелкового полка отвечает гимном “Боже, Царя храни”. Заработали винты и медленно, рассекая волны, “Бирма” тронулась в путь».

Проходит немного времени, и лицо капитана мрачнеет. На берегу непонятная суеда, машут руками. Пароход, на котором вместе с будущими олимпийцами едет оркестр балалаечников для услады русской княгини Марии, супруги шведского принца, останавливается. Оркестранты тоже в недоумении. Неласково усмехается в усы и первый олимпийский чемпион России фигурист Николай Панин-Коломенкин. В Стокгольме 40-летний спортсмен будет снова защищать честь страны уже в стрелковом спорте. Все взоры устремлены на приближающийся катер. Это опоздавшие. Говорят, перепутали время, у недоброжелателей иная версия — затяжное провожание в буфете с шампанским. Спустили трап, и первым на палубу поднялся председатель Российского олимпийского комитета Вячеслав Измайлович Срезневский, затем его свита. В честь важных персон вновь грянул оркестр.

«Официальный представитель России на олимпийских играх ген.-м. Н. В. Воейков выехал одновременно на яхте морского министерства “Стрела”. Не извещенные о преждевременном отходе и невольно оставшиеся на берегу спортсмены были доставлены на буксире в ковш морского канала и здесь приняты на борт “Бирмы”.

Теперь, наконец, все в сборе. Прошел слух, что император намерен попрощаться с олимпийцами. Все обитатели “Бирмы” высыпали на палубы. Около 9 вечера на пути к Кронштадту показалась яхта “Штандарт” Его Императорского Величества. Николай II с царевичем Алексеем и дочерьми трижды объехали пароход, и государь благословил команду российских спортсменов».

Через две ночи и один день олимпийская сборная прибыла на окраину Стокгольма, довольно далеко от олимпийского стадиона. Пароход «Бирма» бросил якорь и превратился в гостиницу для спортсменов.

По итогам Игр команда российских спортсменов потерпела полное фиаско, поделив в неофициальном зачете 15—16-е место со сборной Австрии. Выступление российских спортсменов назовут «спортивной Цусимой».

Свой рейс «Бирма» завершила в порту Петербурга. В день возвращения не было ни артиллерийского салюта, ни флагов, ни оркестра.

СЕРЕБРО ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Борьба в России всегда была любимым видом спорта. Большинство знаменитых борцов — выходцы из небогатых семей. Став известными, они уходили в профессионалы и неплохо зарабатывали в цирке. На Олимпийские игры по правилам Хартии допускались только любители.

На Игры V Олимпиады отобрали 11 наших борцов. Среди них выделялся статный светло-русый Мартин Клейн. Он родился в 1884 году в уезде Вильяндима, что на юге Эстонии. В большой крестьянской семье Яака и Эп Клейн было восемь детей. Мартин — шестой ребенок. Его родители — люди небогатые, и образование мальчик получил в бесплатной церковно-приходской школе. По совету знакомого садовника Марта Валге пробовал заниматься гимнастикой. Но высокому подростку гимнастика была в тягость.

В 17 лет юноша попытал счастья, устроившись матросом на корабль. Через два года бросил плавание и уехал к старшему брату Йохану в Петербург. Сначала работал вместе с ним на стройке. Потом устроился охранником и рассыльным в общество физического развития «Санитас», что на Невском проспекте, 98. Ему повезло. Руководитель общества, известный тяжелоатлет и журналист Людвиг Чаплинский разглядел в Клейне талантливого спортсмена.

В обществе «Санитас» был установлен строгий распорядок дня: ежедневно утренняя зарядка, бег, душ, теоретические занятия по истории и технике отдельных видов спорта. Во второй половине дня — занятия тяжелой атлетикой и борьбой.

Макс, как все называли Мартина, вытянул счастливый билет. Хотя серьезно тренироваться начал по всем меркам слишком поздно — в 20 лет. Но силач от природы все схватывал на лету и быстро достиг феноменальных результатов. Клейн отличался упрямством и в самых сложных ситуациях сохранял непоколебимое спокойствие.

Практически не участвовавший в международных соревнованиях, Клейн был рекомендован для выступления на Олимпиаде в весовой категории до 75 кг.

На «Бирме» немногословный борец поначалу тушевался, ведь большинство спортсменов из дворян. Но, когда доходило до тренировки, его охватывал азарт.

Правда, на судне отсутствовали элементарные условия для борьбы. «Стелили парус прямо на палубе, — вспоминал спортсмен. — Ну какая тут тренировка, когда думаешь больше, как бы не ушибиться, чем о проведении приема. Сколько бы ни береглись, все равно пообдирали колени и локти. А Саша Северов поломал ухо, которое так болело, что он не мог спать. Взвешивались в трюме на угольных весах. Один раз они покажут на фунт больше, другой — на полфунта меньше!»

Северову здорово не повезло на этих Играх. Он пал первой жертвой судьей. После часовой борьбы со спортсменом из Швеции проиграл. В следующей схватке одержал победу по очкам, но соперник ударил по сломанному уху. Из-за адской боли Александр не мог в этот же день продолжать выступление. За отказ (даже по состоянию здоровья) ему засчитали поражение.

Обстановка на плавучем судне была разудалой. По вечерам на «Бирму» приходили шведские девушки, которым очень нравились русские, так что танцы затягивались до глубокой ночи. Спать спортсменам мешал не только шум, но и духота от раскаленной за день металлической палубы. Макс старался не обращать внимания на эти неудобства. Он производил впечатления сосредоточенного, как говорят, упертого парня.

Еще на пароходе его предупредили: «У вас будут сильные соперники, особенно финны». Спортсмен это принял к сведению. Но ведь он молод, полон сил, хорошо подготовлен. Нет, ему никто не страшен. И все же Клейну выпал трудный жребий. В предварительных соревнованиях по греко-римской борьбе он провел больше всех поединков — 9. В одной из схваток получил травму. Финский спортсмен запрещенным приемом захватил его правую руку и растянул связки. Судьи сделали вид, что не заметили. Также не заметили, когда в партере соперник исподтишка со всей мощи стукнул головой прямо в лицо Макса. Несмотря на боль, он довел битву до победы.

Руководителя российской олимпийской сборной генерала В. Н. Воейкова явно заинтересовал поединок Клейна с соперником из Финляндии Эмилем Вестерлундом. За ходом схватки внимательно следил не только генерал, но и президент шведского Организационного комитета Зигфрид Эдстрём.

Зигфрид Эдстрём в 1910 году вошел в состав Организационного комитета по проведению Игр V Олимпиады 1912 года в Стокгольме. Он был одним из инициаторов создания 17 июля 1912 года Международной ассоциации легкоатлетических федераций. Стал ее первым президентом на долгие годы (1912—1942). В 1942 году в связи с кончиной президента МОК Анри де Байе-Латура он исполнял обязанности президента МОК до окончания Второй мировой войны. В 1946 году Зигфрид Эдстрём официально избран президентом МОК и оставался в этой должности до 1952 года.

Русский генерал поинтересовался результатом. Ему сообщили, что оба борца получают по поражению. Воейков отвечал с такой интонацией возмущения, что мало не покажется: «Ах, так? Благодарю вас».

Господин Эдстрём понял, что генерал, да еще приближенный к императору, недоволен поведением шведских арбитров, и срочно обратился к главному судье. Буквально через несколько минут подбежал секретарь с новым сообщением: «Вам дали неправильный ответ относительно результатов борьбы. На самом деле поражение записано финскому борцу, а русскому победа».

Что было дальше? Приведу воспоминание Л. Чаплинского: «Каково же было мое изумление, когда, просматривая протокол дневных борьб, я вижу у Клейна (как и у Вестерлунда, конечно) поражение. Очевидно, что шведы не отступили даже перед недопустимой в данном случае ложью и, удовлетворив русского представителя, сделали так, как было выгоднее шведским борцам».

Людвиг Адамович Чаплинский работал в Волжско-Камском банке. На свои деньги создал уже упоминавшееся в этой книге общество физического развития «Санитас» в Петербурге и его отделения в других городах страны. Чаплинский три года подряд был чемпионом России по тяжелой атлетике (1913, 1914, 1915).

Всероссийский союз тяжелоатлетов учрежден 31 декабря 1912 года, его председателем стал Л. Чаплинский. Он вел в журнале «К спорту» специальный раздел «Краса и гордость русской тяжелой атлетики». В июле 1914 года представлял Олимпийский комитет России на международном конгрессе в Париже, посвященном 20-летию Олимпийских игр. В полемике по поводу участия женщин в Играх Чаплинский отстаивал права женщин. В 1916 году в возрасте 37 лет ушел добровольцем на фронт. «Ведь если я отсижусь до конца войны в тылу, то потом просто не сумею жить — заест совесть», — писал он. В январе 1917 года Чаплинский пал смертью героя.

Макс Клейн упорно продвигался к финалу. В один из дней он провел несколько схваток. «Судьба Клейна висела на волоске: ему дали трех противников, с которыми, в общей сложности, он боролся около трех часов. Ничья была бы для него роковой».

Он победил и вышел в полуфинал. Предстоял важный поединок и опять с борцом из Финляндии — Асикайненом. По вполне понятным причинам симпатии судей были на стороне шведских и финских спортсменов. Ведь Швеция никак не могла смириться с тем, что столетие назад после русско-шведской войны Финляндия перешла под управление Российской империи. Поэтому разными способами шведы поддерживала финский сепаратизм. V Олимпиада предоставляла отличную возможность для такого демарша.

Российский спортсмен, не имевший такого опыта, как Асикайнен, чувствовал себя неуверенно. «Клейн сказал мне, — вспоминал Л. Чаплинский, — что не надеется положить Асикайнена, но, во всяком случае, и не “сдаст” ему».

Альфред Йóхан Асикайнен — финский борец греко-римского стиля, призер Олимпийских игр, чемпион мира в 1911 и 1912 годах.

И тут руководитель клуба «Санитас» повел себя довольно странно. Людвиг Чаплинский вдруг предложил кинуть тайный жребий и назначить (!) победителя. Зачем?

Вот как сам автор неуклюжей идеи писал об этом: «Предчувствуя ожесточенную борьбу противников, которая могла быть полезна исключительно для шведов, я попытался войти в переговоры с финскими представителями, старым спортсменом И. Линдстом и предложил бросить жребий, кто из наших противников должен уступить. А побежденный, конечно, должен без труда был справиться со шведом. (Швед уже вышел в финал. — *Примеч. авт.*) Но Асикайнен потребовал другого. “Пусть Клейн упадет, тогда он получит второй приз, я же — первый. На жребий я не согласен, так как я лучше Клейна. Я был три раза чемпионом мир, а Клейн — нет”. Такая самонадеянность меня возмутила, и я сказал Клейну, чтобы он боролся до конца».

Теперь познакомимся с воспоминаниями другого главного героя — Клейна. «Наши представители договорились с финнами бросить жребий, кто из нас должен проиграть, чтобы сэкономить силы для решающей схватки с Иогансеном. Асикайнен, узнав об этом, сказал: “Проиграть должен Клейн. Я чемпион мира, а его никто не знает. Если он не согласен, я все равно его положу”. Мне передали его слова. Что мне оставалось? Я ответил: “На сделку я не пойду. Асикайнену дорога Финляндия, а я буду бороться за Россию. Пусть попробует положить меня. Вот мы и сцепились с ним”».

В 10 утра начался полуфинал. Соперник Клейна чемпион мира Альфред Асикайнен оказался в более выгодном положении: накануне провел лишь короткую шестиминутную схватку.

Борцы оставались целый час в стойке, не проведя ни одного заметного приема. Спортивный журналист Иван Ясинский так описывал начало поединка: «Клейн, по-видимому, просто не имел сил, а финн, изучив его за девять предыдущих выступлений, не рисковал взять на себя инициативу. Опытный Асикайнен навязывает свою тактику: вяло тянуть время. Клейн принимает его условия».

В 11 объявили перерыв для молебствия. Борьба была продолжена через 45 минут. Солнце в зените. Нестерпимо жарко от палящих лучей и раскаленного черного ковра. «Раз только Клейн был в опасности, когда Асикайнен поймал его за задний пояс и пошел на суплес. С невероятным трудом удалось Клейну построить мост. Он спасся. Почти все остальное время противники провели в стойке и держались настороже».

До 16.30 боролись с минутными перерывами каждые полчаса. И по 3—5 минут давалась передышка через каждый час. На исходе пятого часа Асикайнену удалось провести бросок через грудь. Клейн ответил достойно: финн дважды побывал в партере. Очки сравнялись. Спортсмены сцепились, но, не имея сил,

только толкались. Их движения напоминали замедленную киносъемку. Уже не сгибались пальцы, от напряжения резко набухли вены на лице, руки устало скользили по потному горячему телу противника. Но оба борца демонстрировали неиссякаемое упорство и стойкость. Трибуны скучали и пустели.

Без заметного перевеса в чью-либо сторону борьба продолжалась до 18 часов. Все это время Асикайнен старался вывести противника из себя болевыми приемами. Он то брал руку в направлении против суставов, то исподтишка ударил соперника головой в нос, да так, что у Клейна пошла кровь. Но российский спортсмен мужественно держался, изнуренный, избитый при 42-градусном зное.

В шесть вечера объявили, что стадион нужен для церемониала награждения, и борцов перевели в манеж. О комфорте не заботились. От лошадиных запахов кружилась голова, а поединок все не кончался. Оставшиеся в манеже немногочисленные зрители все время выходили подышать на свежий воздух.

После 8 вечера уставшие судьи меняют регламент: час борьбы — минута передышки. Еще через некоторое время спортсменов безжалостно лишают и этой спасительной минуты, надеясь, что измотанные вконец борцы закончат этот жестокий марафон.

Чтобы понять суть необычного поединка, сделаю небольшое отступление. Современные правила ограничивают борцовскую схватку 12 минутами. В начале XX века корректного регламента на соревнованиях не было. Схватка обычно продолжалась час. Если не было туше, то победителя определяли по баллам. Финальные встречи продолжались независимо от времени. Атлеты могли бороться весь день до полной победы.

В 1912 году по инициативе Италии, Швеции и Швейцарии был создан Международный комитет по проведению соревнований среди любителей, преобразованный в 1921 году в Международную любительскую федерацию борьбы (ФИЛА).

На ковре по-прежнему идет равный поединок. Спортсмены ведут свой марафон в стойке. Очень медленно передвигаются, иногда застывая словно статуи. По перехватам рук можно предположить, что борьба еще продолжается. На башенных часах уже 21 час 51 минута. Схватка идет больше десяти часов. Сколько можно!

Два с половиной часа без минуты отдыха. Но и это не помогло. Судьи прибегают к такому сомнительному критерию: кто первый столкнет соперника с ковра, тот и победитель. Проходит еще полчаса, и опять нет результата. Что же делать? Измучены зрители. Вымотаны борцы. Созвали экстренное заседание судейской коллегии. «Опекуны» чемпиона мира уже согласны прекратить бой. Но только в пользу своего Альфреда Асикайнена.

Судьи приняли решение: «Даем вам 15 минут, кто добьется преимущества по баллам, тот победитель».

Но и эти пятнадцать минут закончились безрезультатно. Снова совещание. Наконец, судьи уступили финскому спортсмену, предложившему перевести борьбу в партер. Назначили две схватки в партере. Каждый борется по три минуты сверху. Первый по жребию начинает финн. Он обхватывает скользкое от пота тело противника, но Макс замер как скала: стоит на коленях, мощно упираясь руками. Три минуты, наконец, проползли.

Следующие три минуты сверху начинает Клейн. Страдающий от боли в руке, наш спортсмен борется так, словно и не было этого безумного марафона. Изловчившись, захватил из-под плеча шею финна и внезапным рывком повернул его на лопатки. Победа! «Ему удалось заложить финну “полунельсон”, но тот, желая, по-видимому, уходом в стойку заработать очко или задать какую-нибудь видимость превосходства, приподнялся. Клейн бросился на него, повис сзади и, рванув вниз налево, сбил противника обратно в партер».

Они боролись 11 часов 40 минут. Из них 10 часов 15 минут чистого времени. Итак, Макс Клейн (так его имя было записано в олимпийском протоколе) был признан победителем.

Эта рекордная по продолжительности борцовская схватка в классическом стиле в весовой категории 75 кг занесена в Книгу рекордов Гиннесса в 1998 году.

«Когда по окончании рекордной борьбы Клейна, уже в 11 часов ночи я вел его, — вспоминал Чаплинский, — избитого и измученного, но гордого своей победой, по Стадиону, залитому огнями и чествовавшему с помпой спортсменов пришедших наций, — вся немецкая спортивная группа поднялась нам навстречу с приветствиями по адресу Клейна и криками возмущений против некорректности шведских судей».

Клейн боролся с травмированной рукой. Спина и предплечье представляли сплошные синяки.

На следующее утро по регламенту российский спортсмен должен бороться за золото с чемпионом Швеции Класом Юханссоном. Судьи постарались для своего фаворита. Швед попал в финал, проведя лишь три схватки, и два последних дня отдыхал. Просьба официального представителя российской команды генерала Воейкова перенести финальный поединок и дать передышку Клейну всего на один день была отвергнута. Мотивировали тем, что соревнования борцов необходимо закончить до церемонии награждения.

Председатель Российского олимпийского комитета Срезневский заметил: «Раньше всего, я должен указать на то обстоятельство, что другие нации, как, например, американцы, готовились к состязанию в течение двух-трех лет. Русские сравнительно недавно занялись спортом и потому не могли быстро догнать ушедших вперед своих соперников. Но все же нельзя обойти мол-

чанием несколько фактов, говорящих сами за себя. Эта история с русским борцом Клейном. С точки зрения спортсмена, он совершил то, что должно было выделить его среди других борцов, а между тем золотая медаль досталась не ему».

Итак, измученному, с больной рукой, Клейну предлагают бороться со «свежим» шведом. Клейн все-таки вышел на поединок. Изможденный человек понимал, что не сможет даже поднять руку. И сам ложится на ковер!

«Существует предел и человеческим силам», — так написал очевидец этих горьких минут корреспондент журнала «Русский спорт». (Тарасов Н. Пятая Олимпиада // Русский спорт. 1912. № 30. С. 7.)

Без борьбы шведский борец Клас Юханссон получил золотую медаль.

Реакцию журналистов на судейский беспредел прокомментировал Л. Чаплинский: «Шведа Иогансена [имеется ввиду Юханссон], искусственно выведенного на первое место, я, разумеется, в расчет не принимаю. Блестяще подтвердилось на последних состязаниях в Дании, где тот же Иогансен не только не взял никакого приза, но вообще выбыл из чемпионата чуть ли не в первый день, получив несколько поражений. Равным образом в Финляндии Иогансен ни разу не занимает ни первых, ни вторых мест. Впрочем, спортивная печать других наций по заслугам воздала шведам. Вся французская, немецкая и английская пресса в один голос признает чемпионом мира среднего веса Клейна, а отнюдь не Иогансена».

В газетах писали, что «шведские руководители соревнований по борьбе не обращали внимания на другие страны и отклоняли вполне обоснованные протесты». К тому же в Стокгольме нарушался принцип, когда борцы и судьи должны быть представителями разных стран. Ссылка на то, что судей не хватало, а многие иностранцы не имеют достаточной квалификации, не являлась обоснованной.

Интересный комментарий нашла я в книге «Олимпийские игры в Стокгольме», выпущенной в 1913 году Организационным комитетом Швеции. «В соревновании в среднем весе шведский спортсмен обеспечил себе золотую медаль. Это радостное событие, так как в этом весе шведский борец К. Юханссон чувствовал себя хуже всего. И то, что никто не вышел с ним на финальную схватку, не должно восприниматься как фактор снижения значимости его победы. На протяжении соревнований он доказал, что является равным любому из своих соперников».

Вряд ли можно согласиться с написанным. Повторю известную мудрость древних греков: «Он победил, не запыхавшись!»

Дальше в книге воспевается марафонский поединок борцов, где нет ни слова критики в адрес организаторов, которые ничего не сделали, чтобы

облегчить выступления борцов на открытом стадионе в 42-градусную жару. Комментарий был изящен: «Эта схватка стала свидетельством доказательства невиданной энергии, с которой ни один из борцов не мог подавить другого».

В официальном отчете Олимпиады 1912 года также отмечено: «Борьба показала, что некоторые изменения должны быть сделаны в правилах для того, чтобы не было повторения таких длительных поединков, которые слишком утомительны для публики».

Изменения в правилах соревнований по борьбе были рассмотрены и приняты в 1914 году.

Мартин Клейн получил негласный титул «чемпиона выносливости». В 1912 году он участвовал на чемпионате Прибалтики и завоевал второй приз в III классе. На чемпионате мира в Бреслау (Вроцлав) 1913 года прервал поединок из-за так и не залеченной руки. Травма, полученная в Стокгольме, постоянно давала о себе знать. В этом же году Мартин стал победителем на Первой Российской Олимпиаде в Киеве, где выиграл золото в супертяжелом весе.

Как сложилась судьба серебряного призера? Он прославился на весь мир и, как писали, был «самым замечательным из русских борцов». Но алмазы с неба не посыпались, покровителей не нашлось. Клейн принимает решение уйти в профессионалы. Это позволяло бороться только на арене цирка. Зато приносило весьма неплохой заработок.

Формула любительства, выведенная в 1894 году на I Олимпийском конгрессе, не работала. Об этом в статье «Печальные факты» написал журналист Рише.

«Мы, или верней Европа, создали, а за ней и мы приняли рамки для любительства. Рамки с наружной стороны красивые, но детские и наивные. Обладая ими, мы, в сущности, играем в прятки. Можно быть любителем и в то же время заниматься спортом, исключительно спортом, иметь средства на поездки, тренера, массажистов, получая все это в виде услуг “родному спорту” добровольных жертвователей, т. е., иными словами, любителю не воспрещается принимать подачки вплоть до денежных включительно, только с сохранением того условия, чтобы любитель принимал с закрытыми глазами и под благовидными предлогами, но быть любителем и самому своей физической силой и умом в определенной области спорта открыто зарабатывающим насущный кусок хлеба — нельзя, ибо человек, занимающийся спортом с целью извлечения материальной выгоды, считается уже профессионалом. Если не играть в прятки и не строить ширмочек, за которыми мы сами от себя прячемся, то мы должны признаться, что тот, кого мы называем любителем, не кто иной, как замаскированный профессионал, и в действительности между любителем, который в том или ином

виде получает различные пособия, и профессионалом разницы по существу нет, и для того чтобы ее найти, нужна большая натяжка, нужны те рамки, о которых я говорил, нужна та наивная формулировка понятия любительства, которая у нас существует. Но у нас и этого нет, мы и так не делаем!

Мы “помогаем” любителям, но неохотно, мы будем любоваться борьбой профессионала Клейна, который, как говорят, променял карьеру борцалюбителя на карьеру борца-профессионала вследствие крайне незавидного материального положения, будем платить деньги за билеты в тот цирк, где борется Клейн, качать головами, говорить “как только такой молодой... такая блестящая карьера была впереди”... и ни у кого не явится мысль, что виноваты-то в этом мы, прежде всего, мы, русские спортсмены, которые не смогли сохранить Клейна в рядах любителей только потому, что вовремя не спохватились, вовремя не вспомнили наивных требований любительства и не помогли великому спортсмену, которого знает весь мир, потеря которого для нас слишком ощутительна и о котором мы еще не один раз вспомним.

Как часто нам приходится вспоминать нашу же русскую пословицу “Что имеем, не храним; потерявши, плачем”. Стыдно!

Рише».

По некоторым данным, в цирке Клейн проработал недолго. Во время Первой мировой войны служил в русской армии. Затем участвовал в эстонской Освободительной войне в Сакаласком партизанском батальоне. Как своеобразную награду за службу в партизанском отряде ему выделили хутор Аавику в селе Сяга, в родной Вильянди. В 1919 году он тренировал эстонских борцов в спортивном лагере Тонди, готовил их к Играм VII Олимпиады в Антверпене. Его тоже пытались уговорить выступить. Но Клейн вежливо отказался, сославшись на то, что хочет дать шанс молодым.

25 апреля 1920 года он женился на 31-летней Лизе Вангу, которая подарила ему 10 детей. Судя по всему, он был доволен крестьянской жизнью: работал на своей ферме, воспитывал детей и выступал на местных турнирах до 1937 года. То есть до 53-х лет. На своем грузовике возил деревенских парней из Вильянди на борцовские тренировки и соревнования в Пука, Отепя и Рынг.

Великий борец Мартин Клейн умер 11 февраля 1947 года во время лесных работ от ущемления грыжи и похоронен на кладбище Тарвасту.

С 1962 года в Вильянди в его честь проводят соревнования по греко-римской борьбе, а с 1990 года — соревнования по вольной борьбе. В 2002 году на площади перед спортивным центром Вильянди установили скульптуру Клейна, созданную Мати Кармин.

Мощный Клейн застыл в камне. Он готов начать свой победный поединок.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ РОМАНОВ

Позвольте представить великого князя Дмитрия Павловича Романова. Высокого роста, с тонкими, типично романовскими чертами лица и загадочной грустью во взгляде. Про таких обычно говорят — красавец, бонвиван, всеобщий любимец, душа компании. Это внешний образ моего зеленоглазого героя. За душевные качества ответственны родители, воспитатели и, конечно, божественное провидение.

Все началось не так уж хорошо. Дмитрий появился на свет 6 сентября (по старому стилю) 1891 года в усадьбе Ильинское, что сравнительно рядом с подмосковным Одинцово. На шестой день после его рождения умирает мать — греческая принцесса и великая княгиня Александра Георгиевна. Недоношенного младенца по рекомендации врачей купает в целебных настоях сам деверь — хозяин усадьбы и будущий генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович Романов. Именно эта семья, не имевшая наследника, в нужный час примет Дмитрия и его старшую сестру Марию, окружит заботой и оставит наследство — дворец на Невском проспекте, что у самого Аничкова моста.

В 1902 году отец Дмитрия — великий князь Павел Александрович узаконил отношения с разведенной Ольгой Карнович (урожденной Пистолькорс). Император согласия на неравный брак не дал и по существующему порядку наказал близкого родственника, отрешив от всех должностей и лишив права находиться на территории Российской империи. По старинным строгим правилам за морганатический брак представители царской фамилии иногда расплачивались по-крупному. Правда, через несколько лет царь смирится и простит своего дядю — великого князя Павла.

Страшное потрясение ожидало 14-летнего отрока. 18 февраля 1905 года погибает от взрыва бомбы его опекун — великий князь Сергей Александрович. А вот деталь, достойная умиления. Сердобольный эсер увидит в старомодной карете, подъезжающей к Московскому оперному театру, генерал-губернатора вместе с юным Дмитрием и его сестрой Марией. Палач сжалится и не взмахнет платком, чтобы дать условный знак бомбисту Каляеву. Так Борис Савинков отложит на два дня смертоубийство.

Супруга убитого градоначальника — великая княгиня Елизавета Фёдоровна, она же старшая сестра императрицы, через некоторое время уйдет в созданную ею Марфо-Мариинскую обитель милосердия и всю оставшуюся жизнь до расстрела большевиками будет служить Богу и обездоленным.

Марфо-Мариинская обитель милосердия была создана трудами и на средства великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой. В мае 1907 года с благо-

словения митрополита Московского и Коломенского Владимира и с помощью Городской думы княгиня приобрела владение с четырьмя двухэтажными домами и огромным садом в Замоскворечье, на Большой Ордынке. Торжественное открытие состоялось 23 (10) февраля 1909 года. В ансамбле доминируют выстроенные архитектором А. В. Щусевым в неорусском стиле церковь Марфы и Марии в больничном корпусе (1909) и собор Покрова (1908—1912). Монолитную гладь стен оттеняют резные кресты работы С. Т. Коненкова (1910). Мозаичное изображение Спаса Нерукотворного создано по эскизу М. В. Нестерова. Сохранились также росписи, выполненные М. В. Нестеровым совместно с братьями Павлом и Александром Кориными.

18 июля 1918 года Елизавета Фёдоровна вместе с другими мучениками была сброшена в Нижне-Селимскую шахту под Алапаевском, ныне город в Свердловской области. После занятия Алапаевска войсками адмирала А. Колчака останки княгини были доставлены в Иерусалим. В 1981 году великая княгиня Елизавета Фёдоровна была канонизирована Русской православной церковью за рубежом, а 5 апреля 1992 года прославлена Архиерейским Собором Русской православной церкви как преподобномученица.

Возрождение Марфо-Мариинской обители началось в 1992 году, когда архитектурный комплекс обители был передан Московской патриархии. В 2000 году обитель получила статус Патриаршего подворья.

После трагедии Николай II забрал к себе в Александровский дворец Дмитрия с сестрой Марией. Судя по письмам Дмитрия, он опекал, а в сложных ситуациях давал дельные советы начинающему офицеру.

Военная служба — семейная традиция в Доме Романовых. Это было небезопасно для слабых легких Дмитрия, что и подтвердилось в дальнейшем. Молодой князь окончил Офицерскую кавалерийскую школу и начал службу в лейб-гвардии Конном Его Величества полку флигель-адъютантом. Конечно, он мечтал о карьере военного. Его поступки часто отличались душевными порывами. За светской сдержанностью, иногда даже грубоватыми шутками скрывалась совершенно непрактичная, ранимая личность, которая грезилась о подвигах, славе и любви.

В 1911 году он обратился к императору с просьбой разрешить ему отправиться добровольцем в Ливию, где в то время шла итало-турецкая война.

«Дорогой Дядя! Ты, вероятно, совершенно не ожидаешь, по какой причине я взялся за перо, чтобы написать Тебе это письмо. И действительно, дело, из-за которого я решился Тебя беспокоить, такое невероятное, что мне самому страшно про него писать. Дело в том, Дядя, что я умоляю у Тебя разрешения позволить мне поехать на театр войны Италии с Турцией. Давно уже, с самого начала военных действия, я хотел обратиться к Тебе с этой просьбой, — но, думая, что война скоро прекратится и что вообще будет носить характер

скорее военной оккупации — я не решался Тебе написать. Но, по-видимому, война разгорается и слишком скорой развязки ожидать еще нельзя.

Это единственный, может быть, случай, дорогой Дядя, который позволит посмотреть на войну, так сказать, со стороны. Как Ты и сам знаешь, я прошел почти академический курс тактики, стратегии, фортификации и администрации. И было бы удивительно поучительно сравнить теорию с практикой. Со стороны Италии применяются все последние новости по военному делу. Аэропланы, например, сослужили большую службу у нее. Мне страшно хотелось бы, если, конечно, возможно, поехать туда на сторону итальянцев. Ведь были же иностранные принцы на нашей стороне в Русско-японскую войну. Мне хочется больше узнать ближе и действительно практически познакомиться с военным делом, и, повторяю, такой случай вряд ли опять подвернется.

Работа в Манеже, обучение молодых солдат — это интересно, но, понятно, нельзя сравнить это все с такими примерами и уроками, как война.

Я еще в Париже говорил с Папа про то, что я хочу просить у Тебя разрешение отправиться в Италию, и с его стороны препятствий нет. Полковое начальство тоже меня отпустит.

Дядя! Я умоляю Тебя, подумать над моей просьбой, и, может быть, Ты и разрешишь мне исполнить мое желание. Крепко целую Тебя, “мамашу мою” и детей. Твой всем сердцем преданный, Дмитрий».

Император просьбу счел невозможной.

Дмитрий поневоле согласился с этим решением. И, как принято в переписке, отправил новое письмо своему опекуну. В письмах князя видны доверительно близкие отношения между двоюродными братьями. В знак уважения в письмах, адресованных императору, Дмитрий называл Николая II только Дядей.

«С.-Петербург 1911 г.

17-го ноября

Дорогой Дядя,

Страшно благодарю тебя за твое милое письмо и за что ты так хорошо отнесся к моей просьбе. Конечно, мне было бы приятней, если бы я получил утвердительный ответ на мою просьбу, но — суда нет. Буду и здесь стараться работать. Буду всеми силами стараться принести посильную пользу общему делу!

Начинаем теперь получать новобранцев, хотя занятий пока еще с ними не проводят. Они еще присматриваются только и двигаются по казармам еще неуверенно и с большим штатским видом.

Часто в газетах читаю про то, что ты в Ливадии делаешь. И признаюсь, мне каждый раз жалко делается, думая, что меня нет там с вами. Как танцевальные вечера? Это было бы чудный случай для меня схватить Зизишку

за бока и помчаться с ней, или, например, сладострастно прижимать баронессу Фредерикс и танцевать с ней, забывая все кругом! Хи! хи! хи!

В Петербурге вечеров, слава богу, нет и, надеюсь, долго еще не будет. Ненавижу такие модные вечера. Входишь, обалдеваешь, все кажутся незнакомыми. Барышням руку целуешь, на замужних дам не смотришь. Ах! это ужасно, а на следующий день визиты. Черт их возьми!

Погода здесь хорошая, два, три градуса мороза, ясное небо, солнце, но без снега, хотя я лично думаю, что он все-таки явится (снег).

До меня доходят слухи, что мамаша моя (Аликс!) ведет себя плохо. Плохо в смысле здоровья. Это нехорошо. Скажи ей, что я очень этим недоволен. Пускай она меня или бедного чиновника почтового вспомнит, и, может быть, тогда ей лучше станет.

Ну, а засим крепко обнимаю тебя.

Сладострастно ищу губами того же у тети, а детей покрываю сочными, но чистоплотными поцелуями (пускай оботрутся).

Твой Дмитрий».

Как всякий молодой человек его возраста, Дмитрий искал себя. В 1907 году последовал примеру многих сановников и посещал масонскую «Великокняжескую ложу». Но масонство не увлекло. Молодая кровь жаждала бурных ощущений. И он находил их в быстрой, рискованной езде на моторе — так в начале XX века называли безлошадные экипажи.

Автомобилям он будет предан всю жизнь. Европейская пресса отмечала лихость, с которой князь пользовал свои машины и мотоциклы. После жесткой эксплуатации они быстро ломались и приходили в полную негодность.

Николай II благоволил к Дмитрию и смотрел на гонки своего кузена весьма спокойно. Мода на автомобили пришла в Царское Село. Там 16 июня 1910 года 18-летний Дмитрий в числе других почетных гостей дал старт Первому автомобильному пробегу на приз Императора Николая II по маршруту Санкт-Петербург — Киев — Москва — Санкт-Петербург. Позже он уже сам становится автогонщиком и входит в оргкомитеты международных автомобильных выставок. И в 1911 году состоит членом «Первого русского автомобильного клуба в Москве» (ПРАК) на Кузнецком мосту, 15, который учредил Феликс Юсупов.

Юсупов сыграл важную роль в его жизни. Под влиянием старшего друга, имевшего репутацию кутилы и человека, мягко говоря, экстравагантных, скандальных поступков, Дмитрий утолял «души мятежные порывы», посещая не только балы и пикники. Любимым местом стали рестораны с цыганами и артистами. Великий Шаляпин, знаменитая прима-балерина Надежда Павлова осчастливливали друзей, имевших привычку веселиться в отдельном кабинете до утра с шампанским.

В своих мемуарах Феликс Юсупов отмечал: «Дмитрий был необычайно хорош собою: высок, элегантен, породист, с большими задумчивыми глазами. Он походил на старинные портреты предков. За обаяние всеми любим, но слаб характером и подвержен влияниям. Он слышал о моей “скандальной жизни” и видел во мне фигуру интересную и загадочную. Мне он верил и мнению моему очень доверял, поэтому делился со мной и мыслями и наблюдениями. От него я узнал о многом нехорошем и невеселом, что случалось в Александровском дворце.

Государева любовь к нему вызывала много ревности и интриг. Одно время Дмитрий страшно возомнил о себе и возгордился. Я, пользуясь правом старшего, без обиняков сказал ему, что думал. Он не обиделся, приходил ко мне в мансарду по-прежнему, и по-прежнему мы разговаривали часами. Чуть ли не каждый вечер мы уезжали на автомобиле в Петербург и веселились в ночных ресторанах и у цыган».

Конечно, не только балерины волновали сердце молодого повесы. Царская дочь Ольга и князь Дмитрий могли бы стать прекрасной партией, тем более, говорят, была взаимность. 6 июня 1912 года должна была состояться помолвка с княжной.

Но была ли эта помолвка? В мемуарах удивляют разные трактовки. По одним источникам, помолвку отменили. Однако в дневнике генеральши Богданович находим следующую запись: «Вчера вечером Ольга Николаевна помолвлена с Дмитрием Павловичем».

Что же помешало молодым создать царственный союз? Ведь государь, в отличие от жены Алекс, искренне любил Дмитрия. Тем более юноша, как близкий родственник, после смерти опекуна великого князя Сергея Александровича воспитывался в Александровском дворце.

Через много лет на этот вопрос ответит Юсупов в своих мемуарах: «Их Величества, знавшие о моих скандальных похождениях, косо смотрели на нашу дружбу». Жизнь молодого князя режиссировал именно он, Феликс Юсупов. Родственники Дмитрия были далеко. У отца любимая новая семья и дети. Сестра со своими проблемами жила в Швеции. Из друзей был один Феликс, неповторимый выдумщик безумных затей, всегда идущий по острию лезвия.

Эта дружба категорически не нравилась царствующему семейству, особенно императрице Александре Фёдоровне. Дмитрию нравоучительно советовали найти более пристойную компанию. Царская семья даже запретила встречаться с Юсуповым, установив над Дмитрием негласный надзор.

Но не только фривольное поведение молодого человека волновало супругу императора. Она не могла простить Дмитрию и семье Юсуповых резкую антипатию к ее ангелу-хранителю Григорию Распутину. Лишь один

он успокаивал тягостные предчувствия и, что важнее, останавливал кровотечение ее бедного больного мальчика. Здесь можно предположить и иное — ревность матери, оберегающей будущее цесаревича Алексея. Ведь здоровый, красивый и остроумный Дмитрий благодаря венценосному браку вполне мог стать претендентом на российский престол.

Последнюю и самую ядовитую каплю добавила сама Алекс с помощью старца. «Наш друг», так называли Распутина в царской семье, предрек, что Дмитрий вскоре заболеет от развратной жизни кожной болезнью. По его просьбе Александра Фёдоровна приказала дочерям после каждой встречи с Дмитрием мыть руки особым раствором дезинфекции. Какая уж тут свадьба!

Князь Дмитрий уехал из царского дворца (быть может, после расстроенной помолвки?) и стал обустраивать свой дом на Невском с помощью Юсупова.

К счастью, пророчество не сбылось: Дмитрий Павлович не заболел. В душе мистик и стоик, он с достоинством принял поворот судьбы.

Безответное чувство случилось у Дмитрия к племяннице императора княжне Ирине и невесте пока еще друга Феликса Юсупова. Узнав, что Юсупов решил жениться на Ирине, Дмитрий неожиданно явился к нему и напрямую спросил, в самом ли деле он женится на его кузине. «Я отвечал, что еще ничего не решено. И вдруг Дмитрий признался. А ведь я тоже хотел жениться на ней.

Я подумал, что он шутит, но он сказал, что никогда не говорил серьезней. Теперь решение предоставили Ирине, дочери великого князя Александра Михайловича. Мы с Дмитрием обещали друг другу никоим образом не влиять на решение ее. Но когда я передал ей наш разговор, Ирина заявила, что выйдет замуж за меня и только за меня».

Венчание состоялось в феврале 1914 года, и молодожены Юсуповы отправились в свадебное путешествие. Тронулся поезд. А вдалеке на перроне Феликс увидел одинокую фигуру Дмитрия.

Николай II благословил затею Дмитрия выступить на Олимпийских играх в Стокгольме. Тем более что с 1911 года великий князь являлся корнетом в лейб-гвардии Конном полку, старейшем кавалерийском полку Императорской гвардии. Естественно, что служить в гвардейских кирасирах, означало быть превосходным наездником. Включение Дмитрия Павловича в русскую олимпийскую сборную было логично.

Кроме Олимпиады в Швеции его ждал магнит попристягательней. Любимая сестра Мария, ставшая супругой принца Вильгельма, сына шведского короля Густава V, с нетерпением считала дни до приезда брата в Стокгольм.

Старшая сестра отличалась строптивостью и обожала спорт: ходила на лыжах, лихо ездил верхом, играла в хоккей с мячом, в теннис и даже в фут-

бол. Она была единственной дамой из королевской свиты, охотившейся на лося. Супруга принца умела шокировать высший свет. Одета по последней моде в длинное шелковое платье, Мария в присутствии гостей с нескрываемым удовольствием могла спуститься, вернее, скатиться на серебряном подносе по дворцовой лестнице. К тому же слыла затейницей розыгрышей и мистификаций.

Своенравная герцогиня была еще той сорвиголовой и стяжала себе определенную славу далеко за пределами шведского королевства. В то же время все ее письма к брату полны искренней заботы и тревоги.

Как я уже писала, пароход «Бирма» отчалил с берегов Невы в июле 1912 года с будущими олимпийцами и оркестром балалаечников Измайловского полка. Под сопровождение этого оркестра любимая сестра Дмитрия отплясывала русского на своей свадьбе еще в 1908 году. Да, это был своеобразный подарок для Марии и всего шведского королевского двора от русского императорского дома. Забегая вперед, скажу, несмотря на рождения сына Леннарта, Мария развелась с герцогом Вильгельмом Сёдерманландским уже в декабре 1913 года и одна вернулась на Родину.

Но самый роскошный, поистине царский дар Николай II преподнес всей олимпийской семье, учредив для лучшего спортсмена приз, специально созданный знаменитым русским ювелиром Карлом Фаберже по скандинавским мотивам, — ладью с фигурками викингов из серебра и драгоценных камней.

В олимпийском музее Лозанны я видела эту драгоценную ладью, которая хранится под стеклом. Награда предназначалась для сильнейшего десятиборца. Победил величайший атлет — американец индийского происхождения — Джим Торп. Он пробежал 100 м за 11,2 сек, прыгнул в длину на 6 м 79 см, в высоту на 1 м 87 см, толкнул ядро на 12 м 89 см, пробежал 400 м за 52,2 сек, в беге на 110 метров с барьерами показал результат 15,6 сек, метнул диск на 36 м 98 см, прыгнул с шестом на 3 м 24 см, метнул копье на 45 м 70 см, пробежал 1500 метров за 4 мин. 40,1 сек. На этих Играх Джим стал двукратным олимпийским чемпионом. Но через полгода вышла статья в одной из американских газет, где было доказано, что в 1909 и 1910 годах он играл в бейсбольной команде за небольшое вознаграждение. Любительский атлетический союз США обвинил его в нарушении духа любительских соревнований, и в 1913 году Джима Торпа лишили любительского статуса, звания олимпийского чемпиона, и он возвратил все олимпийские награды.

Только в 1983 году справедливость восторжествовала. Торп был официально восстановлен в правах олимпийского чемпиона. Основанием стало то, что дисквалификация состоялась больше чем через полгода после олимпийских соревнований. По правилам 1912 года на вынесение подобных решений давалось

не более 30 дней. Официальное разрешение на участие профессионалов в Играх было принято перед Олимпийскими играми 1988 года.

Прибыв на Олимпиаду, Дмитрий, конечно, не остался в тесных каютах «Бирмы», как другие спортсмены, а остановился в просторных апартаментах своей сестры в Оук-Хилл, что означает «Дубовый холм». Тем более что изысканный дом был создан на царские деньги как приданое великой княжне Марии. Особняк на острове Юргорден сочетал простоту и величие, а из окон открывался вид на дубовую рощу и водяную гладь со знаковым названием Русский залив. Тем, кто захочет посмотреть этот шедевр шведского архитектора Ф. Буберга, можно лишь посоветовать найти предлог, чтобы заглянуть в находящееся в этом здании итальянское посольство.

Два месяца Олимпиады стали счастливым временем для брата и сестры. Они старались не расставаться, воспоминаниям и разговорам не было конца. Вместе смотрели соревнования, выезжали в свет, катались по морю среди многочисленных гранитных шхер в живописных окрестностях Стокгольма. Шведское королевство постаралась сделать Игры запоминающимися. 9 июля в стране отмечали олимпийский праздник. С 11 по 13 июля прошли грандиозные выступления певцов с участием 2000 теноров и 2000 басов. Рядом со стадионом в парке Олимпия гости катались на каруселях, колесах смеха и стреляли в тире. Русские музыканты тоже проявили себя, играя на соревнованиях. Журнал «Новое время» отметил: «Оркестр лейб-гвардии первого стрелкового Его Величества полка играл на террасе в течение трех дней на празднике пловцов. Русская музыка вызвала общий восторг сорокатысячной толпы. Капельмейстеру Сабателли были устроены овации, а комитет олимпийских игр торжественно вручил ему почетный кубок, музыкантам же памятные олимпийские медали».

По вечерам после знойного дня зрители и спортсмены наслаждались зеленой прохладой парка и музыкой. И, конечно, Мария, или, как ее ласково называли близкие, Мариша, болела за брата на «конских» соревнованиях.

На соревнованиях по конному спорту, которые были включены впервые на Играх 1912 года, спортсмены состязались в выездке, троеборье и конкуре, как в личном, так и в командном зачете (кроме выездки).

Впервые на Олимпийских играх выступали представители царских династий. От России — великий князь Дмитрий Павлович Романов, Германию представлял принц Фридрих Карл Прусский. И оба демонстрировали спортивное мастерство в конном спорте.

На Играх 1912 года Фридрих Карл Прусский стал обладателем бронзовой медали в командном конкуре. Во время Первой мировой войны командовал артиллерийской авиаразведкой, участвовал в патрульных вылетах истребительной эскадрильи. 21 марта 1917 года его самолет получил пулю в двигатель, и он был вынужден аварийно сесть на ничейной полосе. Пробираясь к своим окопам, полу-

чил несколько выстрелов в спину и попал в плен к солдатам австралийских частей. Умер в лагере для военнопленных в возрасте 24 лет в Сен-Этьен-дю-Руврэ.

На конников Олимпийский комитет России возлагал большие надежды, тем более что совсем недавно в Лондоне русские офицеры выиграли приз короля Эдуарда VII в конкуре.

Российская команда состояла из семи наездников: великий князь Дмитрий Павлович, полковник Александр Родзянко, ротмистр Михаил Екимов, штаб-ротмистры Михаил Плешков, Сергей Загорский, ротмистр Кароль Руммель и капитан Алексей Селихов.

Великий князь Дмитрий стал девятым в индивидуальном конкуре. Журнал «Русский спорт» отметил, что «прекрасная лошадь великого князя Дмитрия Павловича нервничала и задела несколько препятствий». Дмитрий Павлович был огорчен этой неудачей. Но молодость брала свое. А участие в Олимпиаде подарило ему прозвище — Олимпиец.

В воспоминаниях князя Гавриила Константиновича о празднике в августе 1912 года на Бородинском поле в честь победы над Наполеоном есть такой эпизод: «Среди Романовых только ленивый не подтрунивал над родственником. Мы ехали за Государем разными аллюрами: шагом, рысью, галопом. Когда проезжали мимо какой-то изгороди, великий князь Кирилл Владимирович обратился к великому князю Дмитрию Павловичу:

— Покажи-ка нам, Олимпиец, как нужно прыгать!

Дмитрий тут же перепрыгнул изгородь, а за ним Иоанчик, Костя и я».

Но вернемся к Олимпиаде. Император Николай II отнесся к неудаче на Играх более чем серьезно и принял важные решения. Среди них создание государственного органа по управлению спортом и физическим воспитанием и проведение ежегодных Российских Олимпиад. Были запланированы четыре. Первая намечена на лето 1913 года в Киеве, Вторая — на лето 1914 года в Риге, следующие должны были бы пройти в Москве и Санкт-Петербурге. Новые соревнования могли стать главной репетицией к Олимпийским играм 1916 года. К сожалению, не все они состоялись из-за начавшейся войны.

В 1913 году впервые в истории царской России был образован государственный орган, занимающийся развитием физического воспитания и спорта — Канцелярия главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи. Канцелярией руководил генерал-майор, дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков.

20 августа 1913 года в Киеве на стадионе «Спортивное поле» открылась первая российская Олимпиада. Покровителем соревнований стал молодой князь Дмитрий Павлович Романов.

Этот солнечный день в Киеве запомнился многим. Главная ложа, задрапированная голубым шелком, украшена государственным гербом и фла-

гами. Вот что пишет об этом князь Гавриил Константинович: «К 11 часам все места заполнились, было очень торжественно, и началось с молебствия в присутствии ген. Иванова и киевских властей. После молебна спортивные организации, киевские кадеты и гимназисты проходили перед Дмитрием церемониальным маршем. Предварительно мы с Дмитрием обошли их фронт, и Дмитрий с ними здоровался. Меня очень интересовало, как Дмитрий будет благодарить за прохождение киевских гимназисток. Он вышел из этого трудного положения, сказав им: “Хорошо ходите!”»

Дмитрий громко, во всеуслышание, объявил об открытии Первой Русской Олимпиады. Дмитрию было тогда 22 года, но он держал себя как уже набравшийся опыта великий князь. Совсем не стеснялся и чувствовал себя как рыба в воде.

Дмитрий был очень способным человеком, и председательствовать на Олимпиаде ему было совсем не трудно. Свободно разговаривал с посторонними людьми, которых ему представляли. Мы с ним каждый день ездили на спортивные состязания на стадион и сидели в палатке. Вместе с нами сидел и мой командир полка ген. Воейков — Главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи. Он был даже в форме офицерской фехтовальной школы, в фуражке с краповым околышем и белыми кантами.

Мы ездили с Дмитрием служить панихиду на могиле великой княгини Александры Петровны и посетили пещеры.

При всех своих положительных качествах Дмитрий не был сведущ в церковных обрядах и спрашивал меня, как поступать в тех или иных случаях.

Нам с Дмитрием показывали джигитовку нижних чинов конной батареи, стоявшей в Киеве. Они проделывали очень трудные номера, и проделывали их лихо и отчетливо».

24 августа наступил заключительный день соревнований. Пресса отмечала, что киевская Олимпиада удивила всех рекордами — восемь все-российских и один мировой. Молодой князь ощущал прилив сил, когда видел спортсменов, которые смогут достойно выступить на следующих Олимпийских играх. На Печерском ипподроме состоялась торжественная церемония вручения наград. Участники выстроились группами по видам спорта. Из восемнадцати четыре приза были учреждены Его Императорским Высочеством великим князем Дмитрием Павловичем, и на каждом можно было рассмотреть его вензель в виде переплетенных букв под короной. Первый именной приз он вручил киевскому кружку «Спорт» за наибольшее число побед; следующий — команде 131-го пехотного Тираспольского полка за победы в соревнованиях по стрельбе; переходящий приз — команде лейб-гвардии Уланского Его Императорского Величества полка за победу

в соревнованиях по конному спорту в групповых прыжках; четвертый приз — ротмистру Резникову из Кавказского военного округа за победу в соревнованиях по конному спорту на строевых лошадях. Помимо медалей и ценных призов все победители награждались нагрудным знаком.

Это было вензельное изображение инициалов великого князя Дмитрия Павловича, под которым помещен герб города Киева, увенчанный шапкой Мономаха. Вензель и герб были окружены серебряными ветвями, поверх которых наложена красная лента с надписью: «Первая Русская Олимпиада».

Осень и зима были нелегкими для князя. Петербургский климат стал губителен для его здоровья, Дмитрий часто кашлял, тем не менее беспрестанно курил. По совету врачей он уезжал из сырого Петербурга в теплые края, где лечил легкие и тосковал. И тогда брался за перо, изливая душу родному человеку.

«Палермо. 1914 г. 19-го марта.

Дорогой мой дядя,

Удивительно, правда, что я вдруг решился написать тебе, ты ведь знаешь всю любовь мою к такому рода спорту. Но, живя так страшно далеко от друзей и близких, хочется иногда поговорить, поделиться мыслями. Так как я теперь нахожусь в полной невозможности приехать с поездом 7.20 к обеду к вам в Царское, я и задумал написать тебе, дорогой мой, и написать не просто глупую “cartoline postale”, а прямо письмо.

Конечно, тебе от такого моего решения хуже, так как карточка читается в одну минуту, а письмо, да еще написанное мною — требует много работы и хороший глаз. Но ничего. Возьми это послание с собою, когда пойдешь срать. Время будет досужее, и, в крайнем случае, можно им и потереться (соедини приятное с полезным).

Остановился я в Palermo, хотя доктор говорит, что надо жить в Тауер-Мине, но там, по словам папа, долго жить невыносимо. Прогулок нет, сад маленький. Так как главное мне было для здоровья — тепло и солнце, то я направился в Сицилию, где думаю остаться еще недели две или три.

Из Петербурга я попал в Париж, где остался пять дней. Чувствовал я себя так слабо, что о вечерах и праздниках нечего было и думать. Папа и графиню я нашел в хорошем здравии; оба сильно заняты переездом в Царское, который, по их проектам, должен совершиться в конце апреля нашего стиля.

Из Парижа я проехал прямо в Palermo, где остановился в хорошей гостинице, вне города, вне городской пыли и шума. Стоит она над самым морем, террасы опускаются на скалы, и, гуляя по ним, можно слышать мягкий и ласкающий шум волн. В день моего приезда погода была плохая, шел дождь и феноменальный ветер. Потом погода стала чудная, ветер продолжался дня три-четыре, и теперь стало чудесно. Я положительно оживаю с каждым днем,

уже загорел, и кашель почти прошел. Воздух такой дивный. Чтобы доказать наглядно, какой здесь живительный воздух, достаточно сказать, что месяц тому назад приехала сюда одна англичанка. Она была совершенно больна нервами и так слаба, что почти не могла стоять на ногах. Теперь она играет в теннис, танцует и гуляет, сколько влезет.

Первую неделю я скучал безумно. Хотя со мною милейший мой генерал Лайминг, который трогательно за мной ходит. Дня четыре тому назад приехали сюда “граф” и “графиня” Коковцовы. Такова уж моя участь — должен всегда встретиться с Коковцовым. Мы с ними делали многие интересные прогулки, смотрели интересные вещи. Сегодня мы учинили большую прогулку на автомобиле. Поехали посмотреть развалины старого греческого храма и театр V века по Р. Х. И вот, идя пешком, я вдруг так страшно ясно вспомнил наши прогулки с тобою, пожалел, что ты всех этих картин не знаешь, и захотелось мне с тобою поговорить и потолковать; единственный, к сожалению, способ это сделать — писать. И я тогда решился немного наплевать на твое время и затруднить тебя этим длинным и, может быть, скучным письмом. Уж прости меня.

Да, здоровье мое теперь, слава богу, лучше! Что главное приятно — это, что не только физическое здоровье улучшается, но и нравственное тоже. Во время моего пребывания в Петербурге у меня страшно упало именно это нравственное здоровье. Я стал раздражителен и глуп. Потерял самого себя из собственной команды — это очень неприятно.

Скучно тебе все это читать — я это понимаю, но понимаю также, что тебе это не совсем безразлично.

Мне хочется поговорить с тобою, и вот, не думая о том, что я буду писать, я просто как бы говорю с тобой, видя тебя перед собою в твоём кабинете в Царском, под висячей лампой. Повторяю, что мне приятно писать тебе, дорогой мой, потому что я знаю и чувствую, что ты понимаешь меня. В Булонь *de temps en de temps* сухой отчет о здоровье и баста?!

Публика здесь скучная. Одна морда хуже другой. Чорт знает, что такое. И между всей этой дряни живет одна пара профессиональных танцоров, дающих сеансы каждый день во время чая, и французская кокотка, которая, вероятно, ищет покровителя. На бесптичье и жопа соловей — говорят.

Имеется здесь большой и очень хороший театр — опера. Поют замечательно хорошо. Я дня два-три тому назад был на спектакле, и мне очень понравилось.

Ну как у вас? Как встреча принца румынского и Missy? Как здоровье ее величества? Скажи ей, что я часто думаю о ней, что часто, обливаясь слезами бессильной и ненужной страсти, обнимаю свою подушку, думаю о ней.

Джон мальчишка и щенок по сравнению со мною. Как Алексей и дети? Обними Ольгу и дочерей от меня, пожалуйста.

Ну, а теперь пора это маленькое письмо кончить,
Твой искренне и глубоко преданный тебе
Дмитрий.

Р. S. Мария теперь в Афинах. Известий от нее не имею с самого того дня, что она уехала из Петербурга».

Августейшим покровителем Второй Российской Олимпиады снова стал великий князь Дмитрий. Спортивный праздник начался в воскресенье, 6 июля 1914 года на рижском ипподроме, куда съехались спортсмены из 24 городов России. Раздался удар колокола, и под звуки духового оркестра торжественным маршем прошли колонны участников. Шествие открывала команда Петербурга. Затем шли спортсмены Москвы, Киева, Риги, Митавы (Елгавы), Либавы (Лиепаяе), Виндавы (Вентспилса), Ревеля (Таллинна), Юрьева (Тарту), Лодзи, Варшавы, Ковно (Каунаса), Гродно, Вильно (Вильнюса), Севастополя, Минска, Орла, Вологды, Гомеля, Смоленска, Пензы, Тифлиса (Тбилиси), Нарвы и Гельсингфорса (Хельсинки).

В Риге впервые установили информационный щит на стене английского магазина «И. Редлих». Табло ежедневно информировало о программе, результатах и положении конкурирующих городов.

Но информация о конных соревнованиях так и не появилась. Соревнования были прерваны. Началась война.

17 июля был объявлен царский указ о всеобщей мобилизации. А 19 июля (по старому стилю) в Петербурге немецкий посол граф Ф. Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту об объявлении войны. Спортсмены-офицеры получили предписание в спешном порядке возвратиться в свои части. Поэтому награды вручались буднично. В неофициальном командном зачете первого места удостоились москвичи. На несколько очков отстали хозяева. Третье место завоевали петербуржцы, а на четвертом неожиданно, опередив сильных киевлян, оказались спортсмены из Ревеля. Некоторые призы не успели вручить, и организаторы пообещали выслать их позднее. Вряд ли это получилось. Война продолжалась четыре года.

В Российской империи эту войну называли Второй Отечественной, а также неформально — германской.

Молодые князья Романовы, включая Дмитрия, ушли на фронт и мужественно сражались на передовой. Один из них, 22-летний князь Олег Константинович Романов, был смертельно ранен в бою. В его дневнике осталась запись, которая говорит о патриотическом настрое русских князей: «Мы все пять братьев идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится,

так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения».

23-летний князь Дмитрий держался, как подобает представителю царской семьи и кавалерийскому офицеру. 4 августа 1914 года после погрузки людей, а затем и лошадей полк Дмитрия один из первых покидал Петроград. На перроне под звуки марша «Прощание славянки» провожавшие осеняли крестами воинов и плакали. Сестра Мария умоляла «беречь себя».

В 1914 году великая княгиня Мария Павловна Романова уже жила в Петербурге, покинув шведского супруга. Императору Николаю II оставалось только подтвердить факт развода в августейшем семействе. «Указом Государя Императора расторгнут брак великой княгини с принцем Вильгельмом шведским, герцогом Сюдерманландским, а ее высочество повелено именовать ее императорским высочеством великою княгинею Марией Павловною Младшею».

Перед самой отправкой на фронт Дмитрий встретился с особой, хорошо известной царскому двору, — Матильдой Кшесинской. Это она была возлюбленной цесаревича Николая, ставшего императором, а потом любовницей великих князей Сергея Михайловича и Андрея Владимировича. С последним вступила в морганатический брак уже в эмиграции. Блистательная и, как писали тогда, несравненная балерина XIX века оставила в своих мемуарах любопытную запись: «Великий князь Дмитрий Павлович тоже должен был ехать со своим полком на фронт одним из первых. Он не мог поспеть ко мне заехать в Стрельну проститься. Он просил меня приехать в город и благословить его у себя в своем доме. Я, конечно, сейчас же поехала в город. Но какой это был грустный и тяжелый момент, когда он стал на колени передо мною, и я его благословляла. В такой момент не знаешь, увидишь еще когда-нибудь или нет... И так каждый день приносил все новые испытания, уходили на смертный бой дорогие мне люди».

Было ли это любовное увлечение или дружба с дорогим человеком, сейчас трудно понять. Но, любившая только царских избранников, несравненная Матильда вряд ли могла обойти своими женскими чарами зеленоглазого красавца Дмитрия.

С самого начала войны князь Дмитрий Павлович участвовал в боях на Западном фронте в Восточной Пруссии. Потери были чудовищны. Русские офицеры почитали за честь не прятаться в укрытии. При возросшей роли артиллерии оснащение российской армии орудиями и боеприпасами было явно недостаточным. В письмах к сестре, которая ухаживала за ранеными в лазарете, он сообщал о сражении при Каушине, где было убито более половины офицеров конной гвардии.

Поэт Валерий Брюсов написал в те дни:

*Брошена русская рать.
Пушки грохочут все реже.
Нечем на залп отвечать...
Иль то маневры в манеже?
Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!*

Во время одного из боев князь спас раненого солдата и доставил важные сведения. Этот мужественный поступок был отмечен.

«Высочайшим приказом от 13 октября сего года было утверждено пожалование за отличие в делах против неприятеля орденом св. Великому-ченика и Победоносца Георгия 4-й степени Флигель-Адъютанту Корнету Его Императорскому Высочеству Великому князю Дмитрию Павловичу за то, что, состоя в бою 6 августа под Краупишкенем ординарцем у начальника конного отряда, в самый разгар боя, с явной опасностью для жизни, доставил верное сведение о неприятеле, вследствие чего были приняты меры, увенчавшиеся полным успехом». («Русский инвалид». 1914. № 239. Октябрь).

Командир Дмитрия — генерал Павел Карлович фон Ранненкампф, зная о привязанности брата и сестры, организовал награждение прямо в госпитале на передовой, где работала старшей сестрой милосердия великая княгиня Мария.

Великая княгиня Мария работала сестрой милосердия в полевом лазарете, затем в госпитале в Туле и была удостоена Георгиевской медали. Эта награда выдавалась и гражданским лицам, которые совершили подвиги в бою, а также медицинским работникам, оказывавшим помощь раненым в обстановке чрезвычайной трудности.

После того как на войне погибли два князя императорской крови, в царской семье было принято негласное решение держать молодых Романовых подальше от передовой.

И в 1915 году гвардейский штабс-ротмистр Дмитрий Павлович уже находится в Ставке Верховного главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича.

Ситуация на фронте менялась и не в пользу России. Наши войска не могли сдерживать натиск превосходящей по численности армии Германии и отступали. В этой обстановке император посчитал необходимым поднять

престиж русской армии и решал вопрос о передаче себе полномочий Верховного главнокомандующего. К этому его склоняла супруга Александра Фёдоровна, считавшая, что фигура великого князя заслоняет роль Николая II. Дмитрий, понимая, что отставка Николая Николаевича приведет к трагедии, срочно в специальном поезде отправился в Царское Село. Удивительно, но немало времени и телефонных звонков потребовалось, прежде чем он был принят Николаем II. После обеда, оставшись наедине в бильярдной, Дмитрий умолял государя не брать на себя командование. Ведь любое поражение под руководством императора ослабит позицию трона. Другой аргумент — пребывание в Ставке сделает невозможным управление страной. Кажется, царствующий родственник все понял, улыбался и благодарил. Дмитрий был уверен, что трон спасен! Однако два дня спустя прочитал в газетах, что император принял верховное командование армией. Именно после этого события Дмитрий перейдет в ряды «великокняжеской оппозиции».

В столице, уставшей от войны и интриг Распутина, созрел дерзкий план его убийства. Представители высшей элиты давно лелеяли сценарий устранения могучего старца. Главными действующими лицами в этой истории стали князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий и депутат Госдумы Владимир Пуришкевич.

Убийство произошло глубокой ночью 16 декабря 1916 года в доме Юсупова. Кажется, все было рассчитано и подготовлено. Но когда Феликс в панике сообщил, что яд в пирожных совершенно не берет Распутина, пришло решение застрелить старца. Дмитрий категорически отказался. В Распутина стрелял человек, не имеющий права на ношение оружия. Вот строчки из книги Юсупова: «Я взял у Дмитрия револьвер и спустился в подвал».

Дмитрий предоставил свой автомобиль с великокняжеским флажком, что означало неприкосновенность для остановки и обыска, и заранее подыскал место, чтобы спрятать труп.

Путь с мертвым Распутиным казался страшно долгим. «Тело подпрыгивало, несмотря на солдата, сидевшего на нем. Наконец, показался мост, с которого должны были сбросить труп. Дмитрий Павлович, сидевший за шофера, замедлил ход и остановился у перил. На одно мгновение осветили сторожевую будку на той стороне моста. Мотор продолжал стучать». Тело Распутина раскачали и сбросили с Петровского моста в прорубь, но из-за волнения забыли привязать гири. А великий князь стоял начеку перед заведенной машиной. Обратный путь был не легче. Мотор нервно захлебывался, приходилось постоянно делать остановки и ремонтировать.

Утром следующего дня начался переполох. Искали Распутина. Феликс и Дмитрий сочинили письмо от имени Юсупова, в котором он заверил импе-

ратрицу, что к смерти старца отношения не имеет. Но вскоре подтвердилось злодеяние двух князей, и по приказу императрицы Дмитрия отправили под домашний арест, а Юсупова арестовали и выслали подальше от столицы в одно из его имений под Курском.

Убийство Распутина не предотвратило революцию. Вот строчки из дневника вдовствующей императрицы и матери Николая II — Марии Фёдоровны, увидевшую в этом убийстве будущую трагедию империи: «Думают, что это конец. Боюсь, что они не правы. Это начало, и начало ужасных событий».

Незадолго до ареста князь Дмитрий отправился в Михайловский театр. Но, узнав, что публика намерена встретить его, как героя, овациями, быстро покинул помещение через черный ход.

Страдал ли Дмитрий? Конечно. Долгое время после убийства не будет причащаться, считая себя недостойным приступить к Таинствам.

Чтобы понять до конца те страшные минуты, можно было бы обратиться к воспоминаниям, оставленным князем. Но Дмитрий Павлович никогда даже в беседах с близкими не говорил о событиях на набережной Мойки. Его молчание вызывает уважение.

А Россия ликовала — наконец-то свершилось возмездие! Смерть Распутина, как считали многие, очистит страну и погрязший в распутстве трон. Под иконой Святого Дмитрия зажигались свечи и творили молитву. Конечно, не только молитвы помогли смягчить участь молодого князя. К спасению подключились высокие родственники.

Отец Дмитрия великий князь Павел в своем дневнике написал: «19 декабря был у Ники в 11 часов вечера. На просьбу освободить Дмитрия император сказал, что не может сейчас дать ему ответ, но пришлет завтра утром».

Письмо действительно было получено: «Отменить домашний арест Дмитрия не могу до окончания следствия. Молю Бога, чтобы Дмитрий вышел из этой истории, куда его завлекла его горячность, надеюсь, что он чист».

Отец не поверил, что его сын — убийца. Ведь сын на образе и на портрете своей покойной матери поклялся, что в крови этого человека рук не марал.

Неожиданно пришло известие, что в 2 часа ночи Дмитрия высылают в Персию, в отряд генерала Н. Н. Баратова. Он едет в экстренном поезде в сопровождении генерала Лайминга и флигель-адъютанта гр. Кутайсова, который получил личную инструкцию от государя везти Дмитрия и не давать ему возможности сообщаться с внешним миром ни телеграфно, ни письменно. Кутайсова после этого презирало офицерское сообщество, хотя он не был виноват и лишь исполнял приказ.

Родственники были взволнованы и решили немедленно ехать проститься. «Дмитрия застали спокойным, но бледным, как полотно... Великие князья Николай и Александр Михайловичи провожали его на вокзал. Когда мы

уходили, в передней стоял адъютант Дмитрия, Шагубатов, и плакал. Проходя мимо него, великий князь Кирилл ему сказал: “Courage!” В этот день я послал Дмитрию запонки, которые он должен был получить на елку».

Популярность великого князя в те дни была столь велика, что даже начальник станции, с которой он отправлялся в ссылку, предложил Дмитрию Павловичу помочь в организации побега. Он отказался.

29 декабря почти все члены семейства, находившиеся в Петрограде, собрались у великой княгини Марии Павловны (Старшей), чтобы подписать письмо государю, в котором просили облегчить судьбу Дмитрия.

«Ваше Императорское Величество!

Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича. Мы знаем, что Вы — бывший его опекун и верховный попечитель — знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ, и эпидемий, и других бичей человечества. Пребывание там великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества, верно, проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас, и для которого Вы были добры, как отец. Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить свое решение и положить гнев на милость.

Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие

Ольга (Королева Эллинов)

Мария (вел. кн. Мария Павловна)

Кирилл

Виктория

Борис

Андрей

Павел

Мария (вел. кн. Мария Павловна младшая)

Елисавета (вел. кн. Елизавета Маврикиевна)

Иоанн

Елена

Гавриил

Константин

Игорь
Николай Михайлович
Сергей Михайлович
29 декабря 1916 года»

31 декабря пришло письмо от императора со следующей высочайшей резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.

Николай».

Дмитрий был отправлен в действующую армию в Персию. Эта ссылка спасла ему жизнь. Революция 1917 года застала князя за пределами Родины. К этому времени он предстает человеком, понимающим причины всего произошедшего. Вот выдержка из письма к отцу от 23 апреля 1917 года: «Потом другая мысль мне покоя не дает. В дни старого режима, в дни того, что теперь принято называть “прогнившим строем”, мы часто и откровенно говорили с тобою! Ты отлично знал мои взгляды, которые шли прямо против того, что тогда говорилось. Мы все приходили к убеждению, что старый режим неминуемо должен привести к финальной катастрофе — так и случилось!»

Два года он провел в Тегеране, в доме приютившего его британского посла сэра Чарльза Марлинга. В 1919 году Дмитрий Павлович отправился в Англию, на судне заболел тифом и еле выкарабкался во многом благодаря заботам леди Марлинг.

В Лондоне подтвердилось самое страшное: в России погибли все оставшиеся родственники. Расстрелян со всей семьей его двоюродный брат Николай II. Расстрелян младший брат царя Михаил Александрович.

В ночь 29 января 1919 года в Петропавловской крепости расстреляны великие князья: отец Дмитрия — Павел Александрович, его дядя Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович и Николай Михайлович.

В три ночи солдаты ворвались в камеру и приказали князьям раздеться по пояс (приглянулась одежда?). Потом вывели их в январскую стужу на территорию Монетного двора Петропавловской крепости. Больного отца Дмитрия вынесли на носилках. Великий князь Дмитрий Константинович все повторял: «Прости им, Господи, не ведают, что творят...» У крепостной стены напротив собора в вырытой яме уже лежали тринадцать трупов. Князей поставили на край этой страшной могилы. Грянули выстрелы. И все четверо — Николай Михайлович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович — пали. Тела их потом были свалены в общую могилу, где нашли свое последнее пристанище невинно расстрелянные русские люди.

В официальном сообщении большевистских властей говорилось, что «вел. кн. расстреляны за убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта».

Судьба Великого князя Павла Александровича Романова могла сложиться по-другому. 9 августа 1918 года, незадолго до ареста, датский посланник в Петрограде Х. Скавениус предложил план организованного побега из России в форме офицера австро-венгерских войск. Великий князь наотрез отказался.

Ночью 18 июля 1918 года, на следующий день после расстрела царской семьи, в 18 км от города Алапаевска в одну из шахт рудника были сброшены зверски убитые люди. Старшая сестра императрицы великая княгиня Елизавета Фёдоровна, заменившая ему мать, князя Иоанн Константинович, Константин Константинович (младший), Игорь Константинович, его сводный брат князь Владимир Павлович Палей. Они умирали мучительно. Без еды, без воды. И без помощи. Окрестные крестьяне рассказывали, что несколько дней из шахты доносилось пение молитв.

Всего на протяжении 1918—1919 годов были уничтожены восемнадцать Романовых. Девятнадцатым стал не имеющий к ним прямого отношения князь Палей.

Эти вести разрывали сердце. В знак траура Дмитрий надел на рукав черную повязку.

Из Туманного Альбиона он уехал вместе с сестрой Марией на юг Франции, где обосновались русские эмигранты. Да и климат здесь больше подходил для больных легких Дмитрия. Ему повезло с деньгами. В новой России Дмитрия из-за убийства Распутина почитали чуть ли не революционером. Временное правительство даже предлагало ему ответственный пост. Поэтому была возможность вывезти какие-то средства. Казалось, деньги никогда не кончатся. Но началась новая красивая жизнь: женщины, машины, лошади ...

Во французском курортном Биаррице в 1920 году стремительно закрутился роман с восходящей звездой моды Габриэль (Коко) Шанель. Она называла его нежно «мой русский принц». И вправду, Дмитрий Павлович в 29 лет был безупречно элегантен, всегда с неизменной трубкой или сигаретой. Князь заказывал себе одежду у лучших портных Лондона и Парижа. Коко одаривала его модными вещицами, а он преподносил своей любовнице золотые украшения и жемчуга, которые так шли к ее туалетам. Именно за изысканность в парижском обществе его прозвали «фарфоровой статуэткой» и «статуэткой Фаберже».

Для амбициозной Шанель любовная история с «настоящим Романовым» была не только сердечным влечением. В ее моделях появились русские мотивы: шапки, сапожки, меховые воротники на пальто. Из гардероба великого князя Коко заимствовала русские рубашки с вышитыми воротниками-стойками, превратив их в изящные женские блузки. Габриэль, родом из народа, благодаря русскому князю поднялась на новую социальную

ступень, об их связи писали в газетах, что, конечно, работало на ее имидж. Коко приобрела светские манеры, научилась разбираться в искусстве и художественных предметах. И стала приглашать в свою фирму русских манекенщиц. Среди них была даже красавица княжна Оболенская.

Влюбленная в князя Шанель написала такие восторженные строки: «Любая уроженка стран Запада должна сделать все возможное, чтобы понять, что же такое “славянский шарм”. Я была просто очарована русскими. Их вечное “все мое — это твое” просто опьяняет. Все славяне обладают какими-то удивительными отличительными чертами».

В 1921 году Дмитрий познакомил Коко со своей сестрой, которая тоже открыла Дом моды, используя для украшения платьев русскую и монастырскую вышивки. На какое-то время они объединились, и в результате совместного творчества возникли уникальные коллекции (а ля рюс), имевшие ошеломляющий успех.

Дом вышивки «Китмир», основанный великой княгиней М. П. Романовой, существовал с 1921 по 1928 год, имел эксклюзивный контракт с Домом Шанель. На парижской промышленной выставке «Ар деко», проходившей в 1925 году, за представленные работы княгиню Марию наградили золотой медалью и почетным дипломом.

Как пишут мемуаристы, Дмитрий Павлович вошел в историю вторично. Именно с подачи князя появились знаменитые духи «Шанель № 5». В столице французских парфюмеров Грассе он познакомил Коко с бывшим поставщиком русского императорского двора парфюмером Эрнестом Эдуардовичем Бо, который создаст рецепт знаменитого аромата. В своих воспоминаниях Бо рассказал эту историю: «Мадемуазель Шанель, имевшая очень модный кутюрный Дом, просила меня создать для нее духи. Я показал ей серии от 1-го до 5-го и от 20-го до 24-го номера. Она выбрала несколько, и среди них № 5. “Как назвать эти духи?” — спросил я ее. Мадемуазель Шанель ответила: “Я представляю коллекцию платьев пятого числа пятого месяца, то есть в мае. Значит, и оставим духам номер, который они носят. Этот 5-й номер принесет им успех”. Сознаюсь, она не ошиблась».

Ну а флакон для духов? Посмотрите на старинные фотографии — ведь он так похож на штофик русской водки, который продавался до революции. И здесь ощущается княжеская рука. Хотя князь, как истый джентльмен, все же предпочитал шампанское, а не водку. И даже шутил: «Я его так усердно пил, что сумею сделать ему рекламу».

Через несколько лет после разрыва с Шанель, в ноябре 1926 года тридцатипятилетний внук Александра II Дмитрий женился на американской миллионерше и очень красивой женщине Одри Эмери и стал управляющим крупной винодельческой фирмы, производящей шампанское. Брак про-

длился больше одиннадцати лет. У них появился замечательный мальчик, названный в честь деда Павлом, на английский манер — Пол. Великий князь Кирилл Владимирович, объявивший себя в 1924 году главой Российского Императорского Дома в изгнании, пожаловал жене и сыну Дмитрия Павловича титул светлейших князей Романовых-Ильинских.

В США во Флориде Пол Романов-Ильинский трижды избирался мэром Палм-Бич, одного из самых богатых и благополучных городов Америки. Сын Пола — Майкл Романов-Ильинский побывал в России и передал музею-заповеднику «Царское Село» более ста фотоматериалов, книги, картины и письма ближайших родственников императорской семьи и редкую киноплёнку, где его дед, великий князь Дмитрий Павлович счастливо проводит время в кругу своей семьи.

Ну, а шампанский бизнес Дмитрия Павловича прогорел. Не умел князь приспособиться к действительности, и все его коммерческие начинания терпели фиаско.

Интерес к спорту Дмитрий Павлович, участник Игр V Олимпиады, сохранил навсегда. В первые годы эмиграции особенно любил игру в поло на лошадях. Но однажды упал и повредил позвоночник, посему занятия верховой ездой прекратились. В Париже в 1926 году был создан самый элитный российский теннисный клуб, насчитывавший 135 спортсменов. Почетным председателем в 1931 году стал великий князь Дмитрий Павлович. В зрелом возрасте предпочитал яхты, гольф, охоту и собак. Было еще одно увлечение — гонял голубей (кто выше загонит своего голубя), но и это занятие приелось.

Князь был действительным членом английского и французского железнодорожных клубов, увлекся коллекционированием моделей поездов. Два огромных зала в замке Бомениль (замок в Верхней Нормандия принадлежал семье князя с 1927 по 1939 год) были отданы его страстному увлечению. На длинных узких столах разместили игрушечные рельсы, а паровозики с разноцветными вагонами быстро катились по игрушечным железнодорожным путям среди лесов, полей и гор, по мостам через реки, вокзалы, полустанки. Игрушечные пассажиры рассматривали из своих окошечек кукольных полицейских, вагоновожатых, миниатюрные перроны, водокачки... Пространство между шпалами было засыпано по всем правилам нежным и ярким, как желток, песком. Все пути-двухколейки проходили по виадукам и туннелям, освещенным миниатюрными электрическими фонарями. Получалась иллюзия настоящих путей и мчавшихся поездов. Это было зрелище, от которого замирало сердце не только у детей.

Дмитрий Павлович гордился созданным великолепием. И даже объяснял, что хотя это и забава, но она имеет и практическое значение. На его моделях можно изучать не только движение поездов, но и причины столкновения и даже воспроизводить крушение.

Великий князь сотворил железнодорожную империю и, кажется, здесь, наконец, нашел себя, управляя своим игрушечным царством. Быть может, этот подвластный ему мир помогал справиться с ностальгией по навсегда ушедшей Родине.

Встречался ли он со своим старым другом Феликсом? В первые годы эмиграции многие бежавшие из России проживали на юге Франции и, конечно, встречи были. Но после выхода книги Юсупова о Распутине князь посчитал невозможным продолжать отношения. В одном из интервью газете «Матен» от 19 июля 1928 года он сказал: «Убийство было совершено нами в припадке патриотического безумия. Мы обязались никогда не рассказывать об этом событии. Юсупов поступил совершенно неправильно, опубликовав книгу. Я сделал все возможное, чтобы удержать его от этого намерения, но не имел успеха. Это обстоятельство прекратило нашу дружбу, вот уже пять лет как мы не встречаемся».

Да и семейная идиллия князя закончилась — официально они с женой развелись только в 1937 году. Дмитрий Павлович стал раздражительным, впадал в меланхолию. Не мог долго находиться на одном месте и все время путешествовал. На какое-то время увлекся экономикой, общественными науками и политикой. Стал почетным попечителем Зарубежного союза русских инвалидов. Его завлекли в Союз младороссов, тем более красавица миллионерша Одри в период замужества хорошо финансировала своего русского мужа.

Руководитель Союза Казем-Бек понимал насколько полезен ему Дмитрий Павлович как для имиджа организации, так и, что немаловажно, для ее финансирования.

Князь возглавил спортивный отдел и выделял значительные суммы на закупку спортивного инвентаря, организацию соревнований и летних лагерей. На его деньги существовали региональные представительства и партийные газеты «Бодрость» и «Младоросская искра». Выделяемая им сумма для 1934 года была огромной — 12 тысяч франков в месяц!

В 1935 году Дмитрий стал председателем Главного совета партии. Часто выступал с речами на собраниях младороссов в Париже, Лондоне, Афинах. Пропагандировал идеи партии, организовал съезд руководителей в Сен-Бриаке. Старался быть в курсе всех политических событий. Постоянно читал газеты и даже завел альбом, в который клеивал вырезки статей, и, конечно, о Советской России тоже. Его рассуждения о будущем России для многих казались странными. В интервью французской газете «Тан» князь отметил: «Разгром Красной армии не только не послужит возрождению нашей родины, но нанесет страшный удар России и ее национальному достоинству». Дмитрий Павлович пропагандировал идеи «оборончества» и сохранения

власти Советов. Для многих эмигрантов его позиция скрещения монархизма и большевизма была непонятна и непопулярна.

Младороссы полагали, что любое государство, которое предпримет вторжение в СССР, прежде всего, вынашивает планы расчленения и порабощения России. Оставаясь антикоммунистами, они рассчитывали, что сам российский народ изживет и сбросит «иго большевизма». И в то же время предвоенная идеология отрицала какое-либо возможное сотрудничество эмиграции с потенциальным внешним захватчиком СССР. Идеологи младороссов доказывали, что Гитлер не собирается освободить Россию от коммунизма, ему необходимо только жизненное пространство для немцев.

Кончина в 1938 году главы Российского Императорского Дома в изгнании — великого князя Кирилла Владимировича лишила Младоросскую партию поддержки.

Новый Российский император в изгнании — великий князь Владимир Кириллович Романов — дистанцировался от Младоросской организации. Вслед за ним 15 ноября 1938 года Дмитрий Павлович заявил о своем выходе из партии.

Но партия не могла отпустить такую личность. На закрытом собрании 5 декабря 1938 года руководитель Совета Младороссов Казем-Бек заявил: «У Дмитрия Павловича много отрицательных черт, но в “своей” линии он теперь парализован. Кроме того, по своему характеру он ничего не может сам сделать. Он больше обязан нам, чем мы ему, мы его развили, дали ему стиль (в то же время не исказив его личность). Все же он — член династии и остается для нас “картой”».

Казначей партии, племянник князя Владимир Красинский высказался еще точнее: «Мы его уже так скомпрометировали, что он не сможет быть игрушкой в руках тех, кто хотел бы его выдвигать. Если им не заниматься, он будет нейтральным. Но с ним можно работать по финансовой линии, и в этой области от него может быть много пользы. Так или иначе, с ним надо поддерживать связь».

И с ним продолжали работать секретари партии. Главная цель заключалась в «раскрутке князя на деньги».

Владимир Андреевич Красинский — сын балерины Матильды Кшесинской.

Князь проводил сезоны в Париже, Лондоне, Монте-Карло. Посещал клубы, рестораны, где просиживал часами за разговорами со случайными знакомыми. Любил съезды великосветских родственников, одетых по этикету царского двора с орденами, лентами и звездами. Ему по сердцу были пышные церемонии, атмосфера празднеств с официальными обедами, раутами и балами, которые напоминали далекую жизнь во дворце.

Но однажды осознал, что все ушло, и безвозвратно. А его легкие, нещадно сгубленные сигарами, больше не выдерживают. Изнурительный кашель и усталость накатывали. Он бросил политику, продал свой замок

во Франции. И в 1939 году использует последний шанс, уезжает в Давос для лечения в санаторий Шатцальп, надеясь на знаменитых швейцарских врачей и лечебный горный воздух. Кажется, он поправлялся, но неожиданно наступило ухудшение. И 5 марта 1942 года Дмитрий Павлович скончался. Умер великий князь в полном одиночестве, и только два человека провожали Его Высочество в последний путь. К тому времени ему исполнилось пятьдесят лет. Но Швейцария не стала местом его последнего упокоения.

Любимая сестра пережила его на 16 лет и скончалась в 1958 году. Ее сын, шведский принц Леннарт Бернадот похоронил великую княгиню на своем острове Майнау в Германии. И сдержал обещание, данное маме. В этом же году перезахоронил останки князя Дмитрия Павловича. Брат и сестра теперь навечно рядом в храме Святой Марии.

ШВЕДЫ ВЫБИЛИ ИЗ СЕДЛА

Семь российских наездников отправились в Стокгольм. Олимпийский комитет России возлагал большие надежды на конников. Но они привезли только 5-е командное место в конкуре на Приз наций.

Хорошую технику в выездке показал ротмистр Михаил Екимов. Но стал лишь 9-м на своем коне Тритоне. Ему, уже именитому, пророчили призовое место. И ведь как красиво и чисто работали в этот раз наездник и его лошадь. Ситуация сложилась абсурдная: никто, кроме премудрых шведских судей, не мог объяснить столь низкую оценку. Скандал притушил сам король. Он, что не бывало, пригласил Михаила Васильевича выступить на следующий день уже перед монаршей четой. Однако столь необычное приглашение никак не сказалось на результатах судейства. Шведские арбитры всеми способами отдавали призовые места только своим. Четыре из пяти золотых медалей выиграли шведские всадники, одну — французский наездник.

Шведская пресса писала, что лошади у русских, безусловно, хороши, да вот система подготовки явно устарела. У многих создалось впечатление, что лошади российской команды вымотаны тренировками и потому работали очень вяло. (Впрочем, оказалось, что и эта так называемая вялость имела свое объяснение). Была еще одна причина. Шведы, хорошо знавшие устройство своего ипподрома, тренировались на мягком грунте. Русские кавалеристы об этой особенности не подозревали и тренировались на твердом грунте. Что тоже сказалось на результатах.

Журнал «Русский спорт» отметил: «Русские действительно обратили на себя внимание, но им не повезло в concours hippique — скачках с препятствиями». Действительно, крупно не повезло. Поручик Измайловского полка Карл фон Руммель считался верным победителем, если бы не падение на роковом последнем барьере. Его конь Зяблик, задев балку, рухнул на своего хозяина в яму с водой. Карл, пересиливая дикую боль, прижимая руку к поврежденной груди, все же смог взобраться на коня. Собрав волю, он добрался до финиша. И потерял сознание. С переломом пяти ребер поручика отправили в стокгольмский госпиталь. Руммель занял только 15-е место в индивидуальном зачете. Но все-таки он был награжден. Король Швеции видел эту драматическую сцену и, пораженный мужеством русского спортсмена, приказал отлить из золота специальную олимпийскую медаль, которую его Величество Густав V вручил 24-летнему Карлу фон Руммелю прямо в больничной палате.

Кароль (Карл) Альфонсович Руммель родился 23 мая 1888 года в семье потомка вестфальских дворян, генерала российской армии Альфонса Руммеля и шляхтянки Марии Мартинкевич. Уже в шесть лет отец посадил мальчика на коня. После окончания Одесского кадетского корпуса и Павловского военного училища он даже получил степень магистра в Санкт-Петербургской академии художеств. Служил в 14-м драгунском Малороссийском полку, где ему было присвоено звание ротмистра. В официальных конных соревнованиях Кароль выступал с 1911 года. В конвое государя Николая II купил за 50 рублей лошадь по кличке Зяблик, с которой отправился на Игры V Олимпиады.

После крушения Российской империи вернулся в Польшу и с 1919 года служил в польской армии в чине майора 8-го уланского полка. За проявленную в боях против Красной армии отвагу награжден самым почетным польским военным орденом *Virtuti Militari* (Военной доблести). Завершил службу в чине подполковника кавалерии.

Он участник еще двух Олимпиад. В 1924 году в Париже показал не самые высокие результаты, зато в 1928 году на Играх в Амстердаме завоевал бронзовую медаль в составе польской команды по троеборью. В ноябре 1927 года получил главный командный трофей на международных соревнованиях по верховой езде в «Мэдисон Сквер Гарден» (Нью-Йорк).

Руммель — четырехкратный медалист чемпионатов Польши по конкуру: «золото» в 1935 и 1937 годах, «серебро» — 1938 году, «бронза» — 1934-м. Тренировал польских конников, среди которых бронзовый призер в соревнованиях по конкуру Адам Круликевич (первая олимпийская медаль в спортивной истории Польши) на Играх VIII Олимпиады в 1924 году. Когда наступила новая война, полковник кавалерии сражался с немецкими

оккупантами. Судьба уготовила ему мучительные испытания: зловещий концлагерь Дахау, где проводились медицинские эксперименты. Потом Маутхаузен, так называемый лагерь третьего класса. Туда отправляли самых неисправимых политических врагов Третьего рейха. Даже нацисты называли это место мясорубкой. Счастье, что выжил.

Слава о подвигах Руммеля в спорте и жизни дожила и до послевоенных времен. Агентство «Associated Press» в мае 1946 года отметило: «Знаменитый польский всадник, имя которого почти 20 лет назад впервые прозвучало в заголовках американских изданий, после жестоких военных испытаний вернулся домой, в Лодзь. Это полковник Кароль Руммель, в прошлом — предводитель польских конников и победитель 75 состязаний. Поседевший Руммель разительно отличается от того темноволосого лихого удальца, который своими подвигами в седле 20 лет назад заставлял биться сердца тысяч зрителей “Мэдисон Сквер Гарден”. Но, несмотря на возраст, он по-прежнему остается превосходным наездником, который с оптимизмом смотрит в будущее и с большим энтузиазмом ожидает второй поездки в Соединенные Штаты».

Зимой 1957 года Руммелю уже 69. И он в последний раз показал высший класс. На коне Джафаре победил в Национальных соревнованиях в Закопане, оставив позади 57 соперников!

Он сумел подготовить немало отличных конников. С удовольствием работал консультантом по вопросам верховой езды и фехтования на киностудии. Снимался в фильмах «Летна» (1959), «Крестоносцы» (1960 год), «Молчание» (1964), «Тарпанов» (1962 год).

Карл Руммель прожил 78 лет и скончался 13 марта 1967 года в польском городе Эльблонг.

Но вернемся в Стокгольм 1912 года. Полковник Александр Родзянко на Эросе и поручик Михаил Плешков свалились в ту же злосчастную яму, что и фон Руммель. Свое падение Плешков описал в мемуарах и выдвинул версию неудачного выступления российских наездников: «Вот как это со мной произошло. На арене стадиума, не доходя до каждого препятствия саженой пять, был насыпан густым слоем гравий. Я ехал на Иветте, выводной кобыле, принадлежавшей Гоштовту. Она была страшно шекотлива. Попадая на щебень и получая от передних ног подбрасываемые камешки под живот, она горбилась и никак не шла вперед. На первом препятствии судьей стоял Эдя Шведер. Прыгая, я успел ему крикнуть — “подбирай — упаду”, что и сделал на последней канаве. Две другие мои лошади были в таком плохом виде, что я не мог на них выезжать. Они были ужасно вялы и плохо ели. Странно то, что по возвращении домой, не более, как через неделю, на скаковом кругу в Красном Селе, где препятствия были гораздо

серьезнее шведских, эти же лошади прыгали, как мячики. Если бы мне сказали, что нашим лошадям что-то подмешивали в корм, я бы не мог категорически ответить — нет».

И еще одна деталь, дающая представление об обстановке на Играх. «Отношение шведов к нам было далеко недружелюбным. Наши лошади, — по воспоминаниям Плешкова, — были поставлены в конюшни на верху скалы, где совершенно не было места для галопа, тогда как лошади других наций стояли в конюшнях на берегу моря и имели чудные места для упражнений».

Михаил Плешков считался одним из лучших наездников. Сын генерала кавалерии уже с четырех лет учился ездить верхом. По окончании Полоцкого кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища в 1904 году произведен в корнеты лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полк. В чине поручика занимал должность полкового адъютанта и был назначен начальником полковой учебной команды. С 1906 года участвовал на конкурсах в Михайловском манеже и на скачках в Коломьях и Красном Селе. И уже в первом выезде в Михайловском манеже выиграл приз великой княгини Марии Павловны. В 1913 году М. Плешков был ординарцем великого князя Николая Николаевича, а затем был причислен к Государственному коннозаводству и служил в Управлении «по ремонту армии». Триумфом его спортивной карьеры стала победа в 1913 году в Лондоне вместе с П. П. Родзянко и Д. Ф. Эксе. Они выиграли самый престижный в Англии и Европе золотой Кубок короля Эдуарда VII.

Переходящий Кубок короля Эдуарда VII был сделан из золота восемнадцати карат в стиле Елизаветинской эпохи по рисункам итальянского ренессанса. Стоил кубок 500 фунтов стерлингов и был самым желаемым призом. Команда, выигравшая приз трижды подряд, получала его в собственность.

По правилам соревнований на Кубок короля Эдуарда VII от каждой страны выступало по три конника, которые должны были преодолеть 12 препятствий по два раза. В 1913 году в соревнованиях участвовало 10 стран. Поручик Плешков вспоминал: «Родзянко и Эксе на моих глазах как-то худели и старились. Я, вероятно, выглядел так же. Мы почти не ели. Казалось, что у всех нас троих была одна и та же мысль: какая нелегкая нас сюда занесла».

Они сумели выиграть Кубок. Трибуны горячо приветствовали русских. В их честь исполнили «Боже, царя храни». К ночи стали приходить поздравительные телеграммы из России. «В ту ночь я спал, как счастливый ребенок». Князь Вяземский отметил похвалой «двух непревзойденных по их исключительной способности, как напрыгивания, так и замечательной

езды, мирового класса чемпионов — Кирасира Ее Величества, Д. Ф. фон Эксе и М. М. Плешкова. Этими ездоками Русская Кавалерия может справедливо гордиться».

Но Михаила не покидало чувство, что ездит он не так уж и классно. Судьба распорядилась, что ответ на свой вопрос он получил в кино. В Петербурге как-то зашел в кинематограф на Марсовом поле. После игрового фильма на экране появилась группа итальянских офицеров из Кавалерийской школы, которые «брали громадные и сложные препятствия, спускались и поднимались на невероятно крутые подъемы, делая это легко и изяшно». К счастью, программа в кинотеатре менялась лишь раз в неделю. Шесть вечеров подряд он смотрел и учился у итальянцев. «Узнав, что кавалергард Павел Родзянко находится в Пинерольской школе, я немедленно написал ему, прося прислать школьные инструкции езды, планы и размеры препятствий». В полковом манеже Плешков начал применять методы, которые смог уловить с экрана. Результаты были отличные. Особенно они продвинулись, когда Родзянко привез нужную информацию.

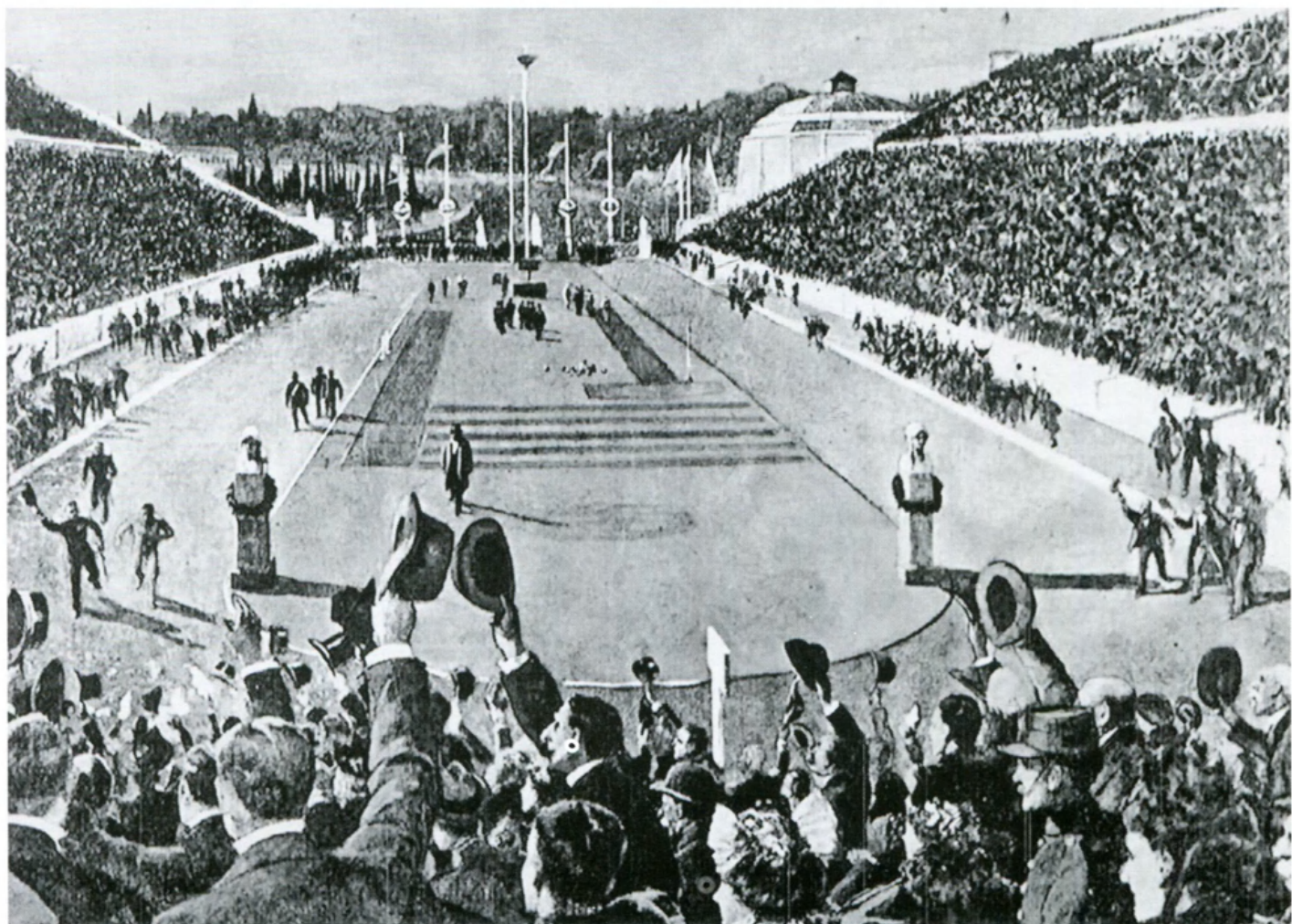
В 1914 году на соревнования в Лондон команда России поехала прежним составом уже в третий раз. Все они освоили новую итальянскую систему. Перед стартами на главный приз в конкуре спортсмены, как обычно, нервничали. Но в нужный момент психология сыграла свою волшебную роль. Когда-то Михаилу предсказали, что его счастливый номер 22. И вдруг перед стартом, где конники разминали лошадей, остановился товарный поезд. И прямо перед собой он увидел огромную, мелом выписанную цифру 22. Плешков вдруг вспомнил предсказание. Сразу пришла уверенность — выиграем!

Новым препятствием стал Родзянко. Перед стартом вдруг заявил, что решил выступать по старой французской системе. А это означало: нервы у всадника никуда и кубка им не видать. Михаил взмолился: «Дорогой Павлик, если ты сейчас не пообещаешь не менять системы, встану на колени перед тобой посреди арены и буду умолять тебя ездить так, как мы всегда ездили, а завтра поезжай хоть верх ногами». Родзянко собрался и внял уговорам. Резюме — золотой кубок был выигран русскими в третий раз подряд и по правилам передан в их полную собственность.

Увы, кубок все-таки им не достался. Политическая обстановка накануне войны, в июне 1914 года, была непредсказуемой. Спортсмены обратились к послу А. К. Бенкендорфу с просьбой сохранить кубок в посольстве и передать его в Россию только по их просьбе. Однако посол передал кубок во время войны в Министерство иностранных дел. После революции товарищ Троцкий устроил аукцион, кубок купили. Поговаривали, что расщедрились англичане, и кубок вернулся в Лондон.

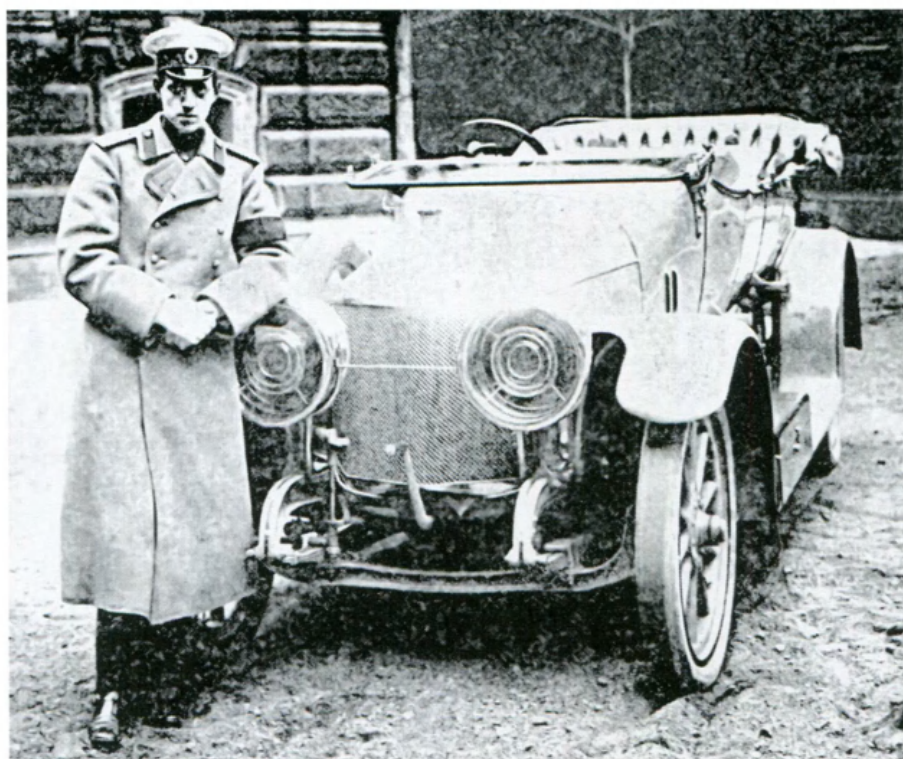
Первые члены МОК слева направо: доктор Виллибальд Гебхардт (Германия), барон Пьер де Кубертен (Франция), советник Иржи Гут-Ярковский (Чехия), Деметриус Викелас (Греция), Ференц Кемени (Венгрия), генерал Алексей Дмитриевич Бутовский (Россия), генерал Виктор Бальк (Швеция). Афины, 10 апреля 1896 г.

Игры I Олимпиады. Афины, 1896 г.

**Император Николай II,
великая княжна Ольга
Николаевна и великий князь
Дмитрий Павлович**

**Великий князь Дмитрий Павлович
у своей машины**

**Князь Дмитрий Павлович
и Коко Шанель**

**Князь Дмитрий Павлович
с супругой Одри Эмери
и сыном Павлом**

Мартин Клейн — российский борец эстонского происхождения, выступал за олимпийскую сборную Российской империи, серебряный призер Олимпийских игр 1912 г. в Стокгольме

Эстонская почтовая марка, выпущенная в память серебряного призера Олимпиады борца Мартина Клейна, вошедшего в историю как победитель самого длительного боя, продолжавшегося почти 12 часов

Памятник Мартину Клейну перед зданием Дома спорта в Вильянди (Эстония)

Хуго-Максимилиан Куузик — российский спортсмен эстонского происхождения, гребец, член олимпийской сборной России 1912 г.

Гарольд Карлович Блау — бронзовый призер Игр 1912 г. по стрельбе

**Сборная России по футболу
на Играх V Олимпиады 1912 г.
Третий справа — Василий
Бутусов. Второй слева —
Пётр Соколов**

**Василий Бутусов —
автор единственного
нашего гола на Играх
V Олимпиады 1912 г.**

**Пётр Соколов —
защитник сборной России
по футболу на Играх
V Олимпиады 1912 г.
в Стокгольме**

**После Октябрьской революции 1917 г.
Пётр Соколов боролся против советской
власти. До и во время Великой Отечественной
войны служил в иностранной разведке.
Выступал по радио с воззваниями к советским
солдатам не оказывать сопротивления
и сдаваться в плен**

Групповая фотография на фоне первого в мире четырехмоторного самолета-гиганта «Русский витязь». На фото: авиаторы 1-й авиационной роты, император Николай II (в центре), конструктор «Русского витязя» И. И. Сикорский (слева от императора). Летчик Н. Мельницкий — второй справа в первом ряду. Красносельский плац, 25 июля 1913 г.

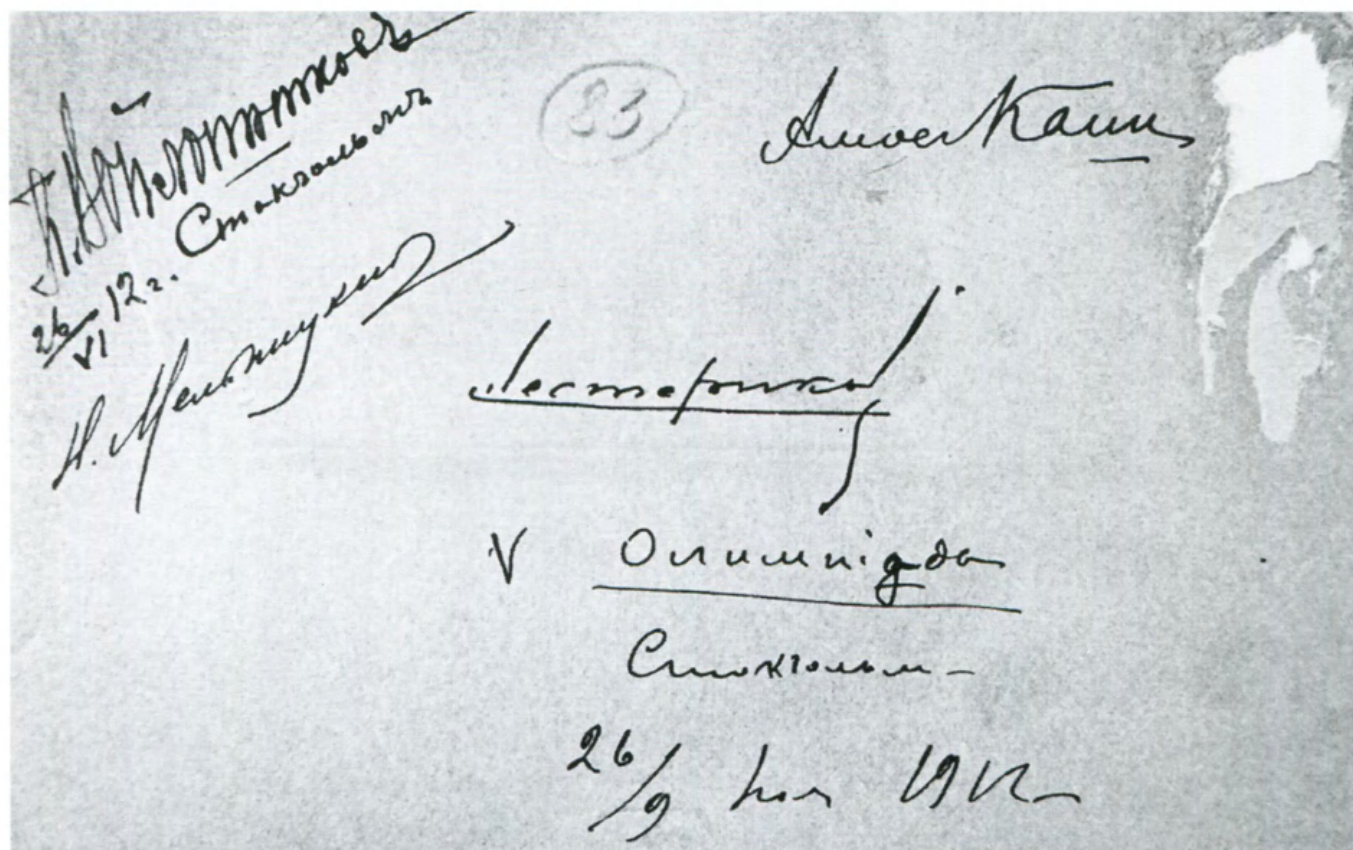
Сотник Павел Войлошников (в центре) среди офицеров 1-го Верхнеудинского казачьего полка

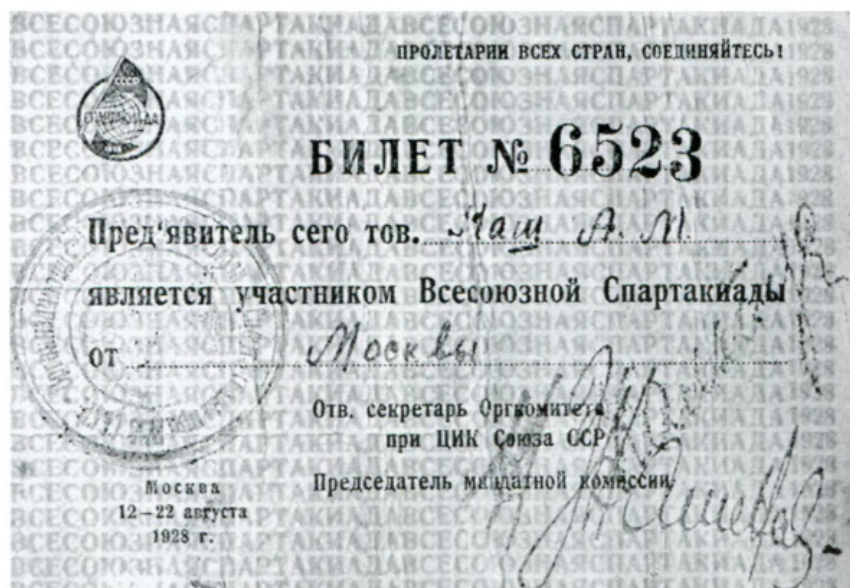
Рисунок Павла Войлошникова. Из архива его правнучки, Галины Геннадьевны Самсоновой

Серебряные призеры Игр V Олимпиады 1912 г. в командной стрельбе из дуэльного пистолета на дистанции 30 м. В первом ряду справа Амос Каш, слева предположительно Георгий Пантелеймонов, справа во втором ряду Николай Мельницкий, слева во втором ряду предположительно Павел Войлошников

Автографы призеров Игр V Олимпиады Павла Войлошникова, Амоса Каша, Николая Мельницкого

**Билет, удостоверяющий участие А. Каша
во Всесоюзной спартакиаде 1928 г.**

**Амос Каш — военный и изобретатель.
Из семейного архива Аллы Евгеньевны
Кулевской**

**Внучка Амоса Марковича — Алла Евгеньевна Кулевская —
открывает заветный сундучок с архивными документами**

**Амос Каш с женой. Снимок
сделан на фронте во время
Первой мировой войны**

С.С.С.Р.
ВЫСШЕЕ СОВЕТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОМИТЕТ
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ
13. *Илья* 1925 г.
№ 455/14
г. ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА, 76/78
Телефон № 607-43

СЕКРЕТНО

ЗАЯВОЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
№ 2720/133.

Выдано на основании ст. 32 Постановления Центрального
Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза
ССР от 12 сентября 1924 г., Комитетом по делам Изобретений
при Высшем Совете Народного Хозяйства Союза ССР г-ну
КАШ Амосу Марковичу, проживающему в г. Москве.

в том, что Ильяра „23“ дня 1925 г. принято ходатайство о выдаче вышеназванному лицу
патента на предполагаемое изобретение: „ПАДАЮЩАЯ МИШЕНЬ“

Действительным изобретателем указан заявитель.

Заявление подано лично.

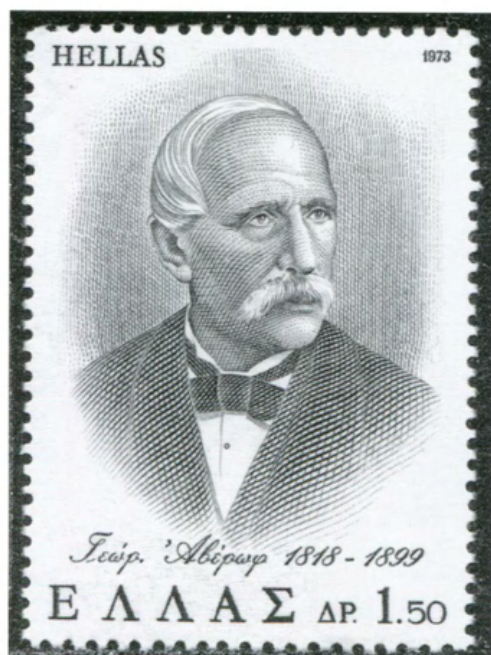
К заявлению приложено: описание и чертежи.

Председатель Комитета *Ильин* МИХАЙЛОВСКИЙ П.
Заведующий Подразделом Предварительной
Экспертизы *Соболев* ПРАВИЛИН

**Заявление А. М. Каша
на патент изобретения
«Падающая мишень»**

Дача. Картина А. Каша

**Греческая почтовая марка
1973 г. с изображением
мецената Георгиоса
Авероффа (1815–1899)**

**Прижизненный памятник Георгиосу
Авероффу перед Мраморным стадионом**

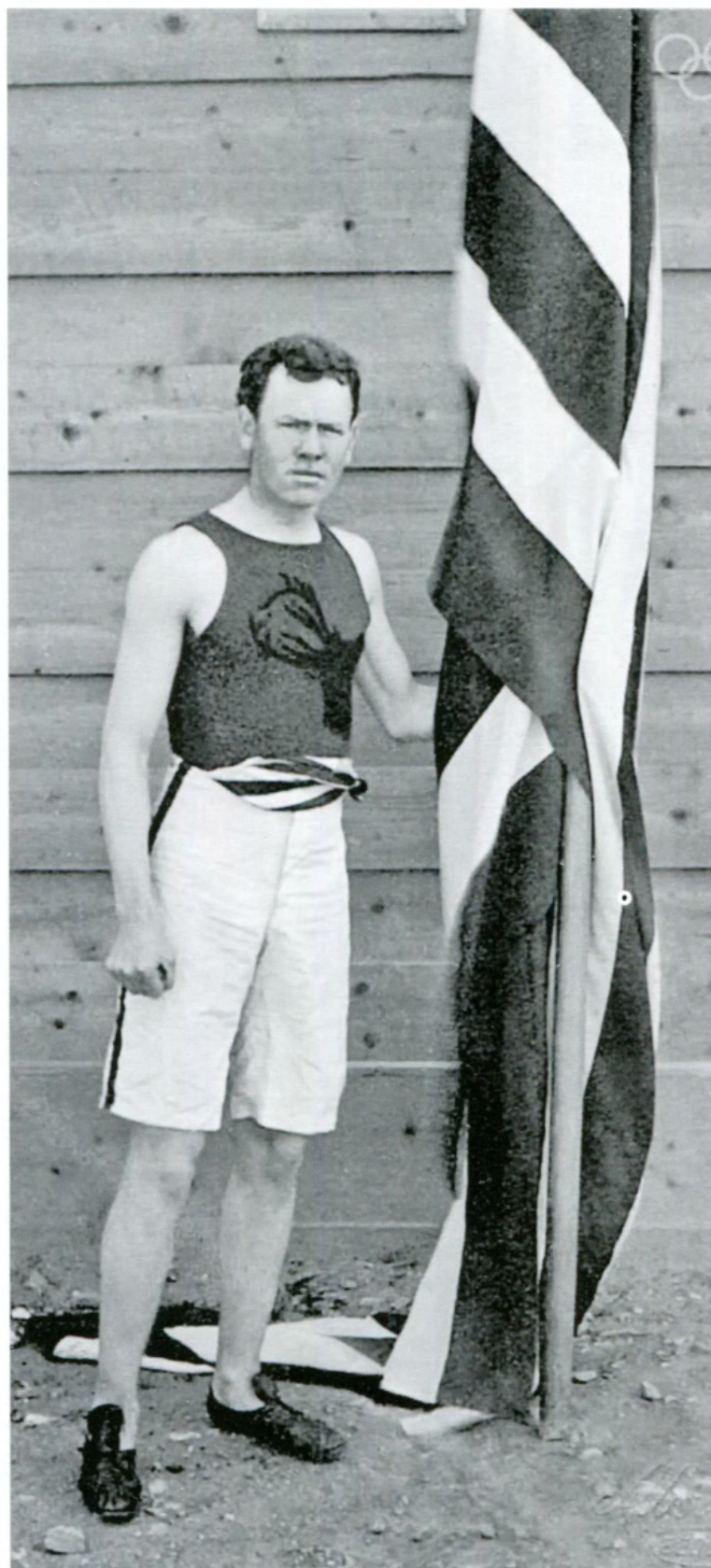
**Чемпион Игр Леон Фламан (гонка на 100 км) и трехкратный олимпийский
чемпион Поль Массон (справа). Афины, 1896 г.**

Джеймс Брендан Коннолли

**Скульптура Джеймса Коннолли.
Момент приземления после победного
тройного прыжка. Бостон (США)**

**Первый олимпийский чемпион
современности Джеймс Брендан
Коннолли с флагом своей страны
на Панафинейском стадионе.
Афины, 1896 г.**

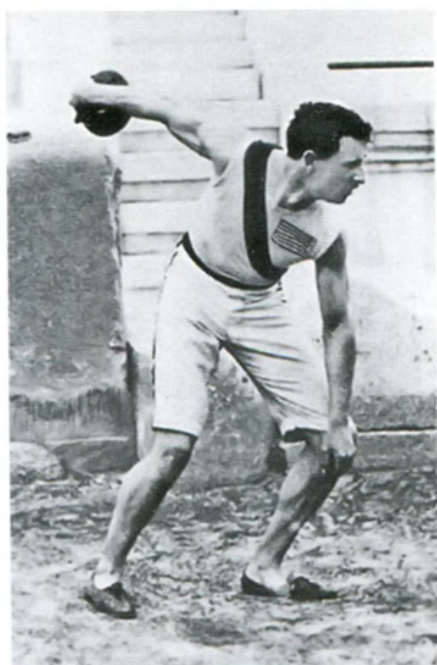
Профессор Парижского университета филолог и историк Мишель Бреаль, придумавший современный марафон

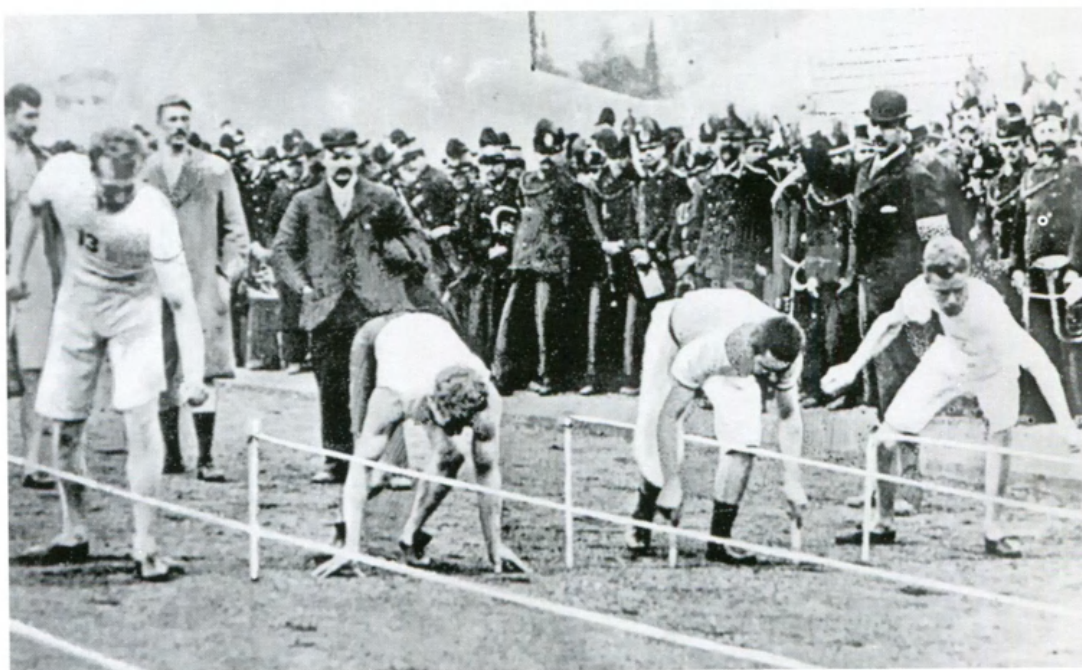
Мишель Бреаль предложил Пьеру де Кубертену включить в программу Игр марафонский бег и подарил кубок для победителя марафона

Тренировка перед первым марафоном длиной 40 км

Американец Роберт Гарретт — олимпийский чемпион в метании диска и толкании ядра. Игры I Олимпиады. Афины, 1896 г.

В беге на 100 м победил в Афинах в 1896 г. американец Томас Бёрк (второй слева). Впервые на Играх он использовал низкий старт

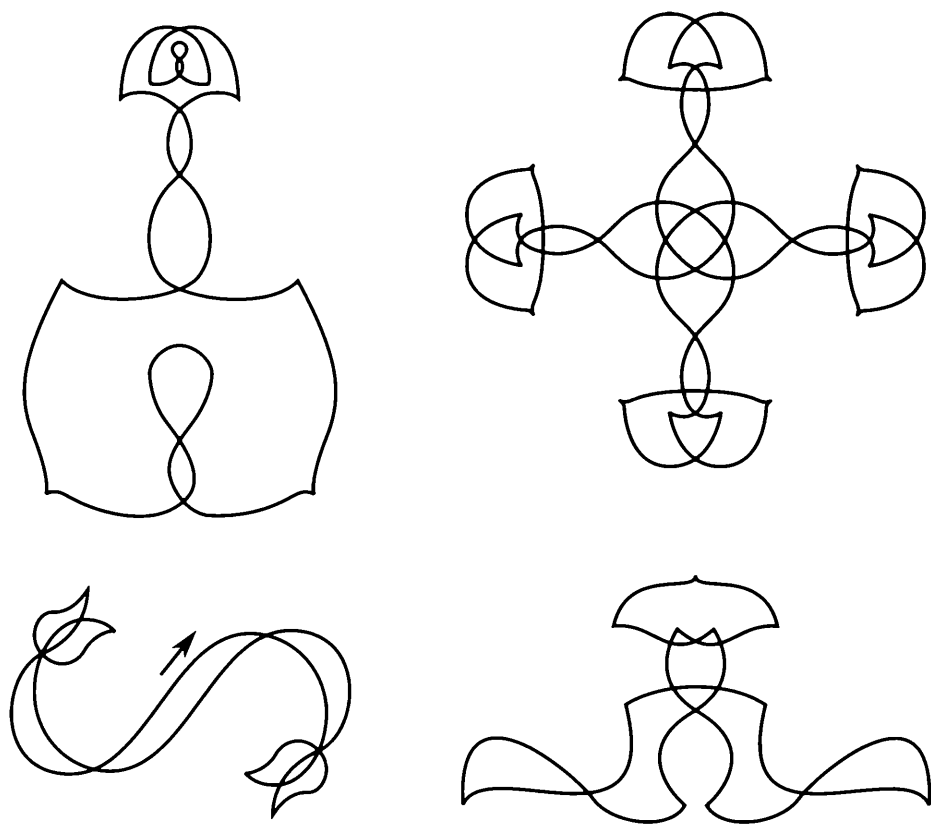
Спиридон Луис — победитель марафона на Играх I Олимпиады

**Николай Александрович
Панин-Коломенкин —
первый олимпийский
чемпион России**

**Награда от Николая II
в виде триумфальной
колонны, увенчанной
золотым коньком,
с надписью: «Их Величества
Н. А. Панину-Коломенкину»**

**Специальные фигуры, выполненные
Н. А. Паниным-Коломенкиным
на Играх в 1908 г.**

Письмо Н. А. Панина-Коломенкина к дочери

Лам тебе меньше досаж, чем прежде, не из-за Оли, а потому, что про-
клятый вертлявый вырывает добры, отговаривает от брани и пашет по
набегу, ухаживает мое слабенькое профудетам и пашет в Лесинск
туда не вбросе дороге мазекало. Оли все свои приваля, чтобы да
было зрела и посылала тебе, ахука и сдерживает, бу сир не могла
повторить о твоих неспейтив... И вдруг увидит от тебя такое же
письмен! Если ты написала от что то парочка, вот ты убави
своем лутчим и эволюционного друга, потому что Оли к тебе
лучше относител, чем я, и где же этот удар погнутый сибир
милостя, как я переехал когда то в Уфе и в Свердловске. Ты люби
убави, если тебе это твоя митинг, но я и сам себе же
очень многим сибирским, что 2 ночи не спал около больницы,
пробовал спал очень мало, убавился по докторам — я ведь очулся в Кислук
не правое ухо и приваляние кидать не брешителю в Кислук. При лотини
везде убавился себя догнать, тоже, там до парды в Кислук
а моравиш — и совсем неспейтивно. Прому полюбилась закартине
мемориал моего преемств — мне по адресу Все Сибирские Сибирские
Т. Москавских 13 кв. 20, а Оли — на ул. Тубинской.

С твоим опечатком от 20 июля еще и то полюбилась преемств
что ты послала ее в Сибирские, где все меня знают (это еще, преемств
оли Сибирские Лесинские); ну, если ты не дождешься, что неспейтив
милостя в Олишине, там же Олишине о лотини, да еще с такими обител
адресом — вот каждому лотини, что он опечатком. Теперь здрот на нас все
сидит знаешь, у нас 2 комнаты, и не только опечатком, но и
твоя митинг и лотини преемств, поэтому я сюда пишу по
милостя с каким твоя обратили адресом на конуре,
твоя что твоя не моя не лотини — это очень лотини. Бу, здр
вдана уже твоя преемств лотини и надо лотини. Бу, здр
рота и опечатком лотини. На нас лотини твоя Москва я опечатком
сир не лотини твоя. Прому. Нет.

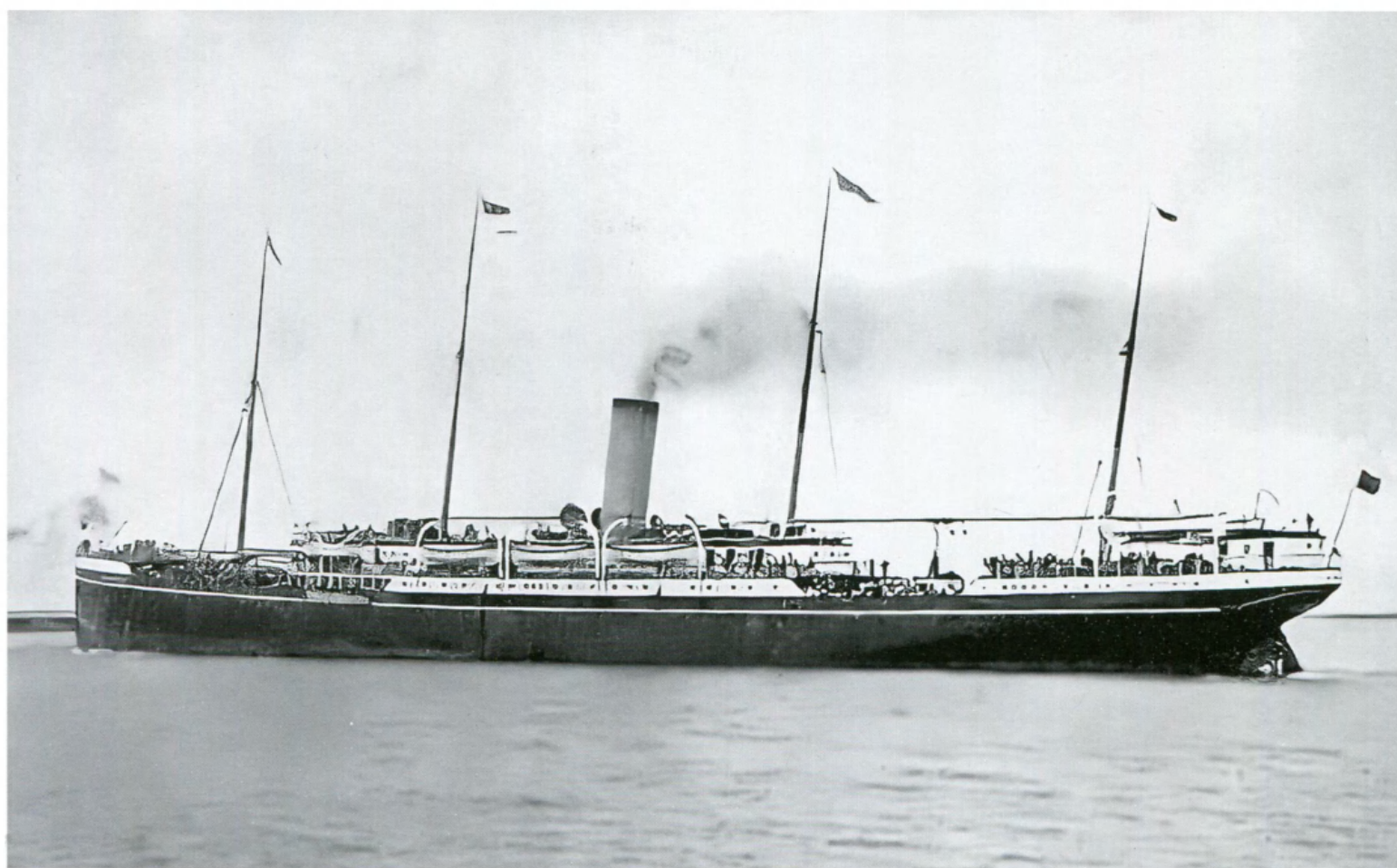
Ты сам Сибирские по 30к.

Оли в конце мая бу лотини твоя 160р
в лотини твоя.

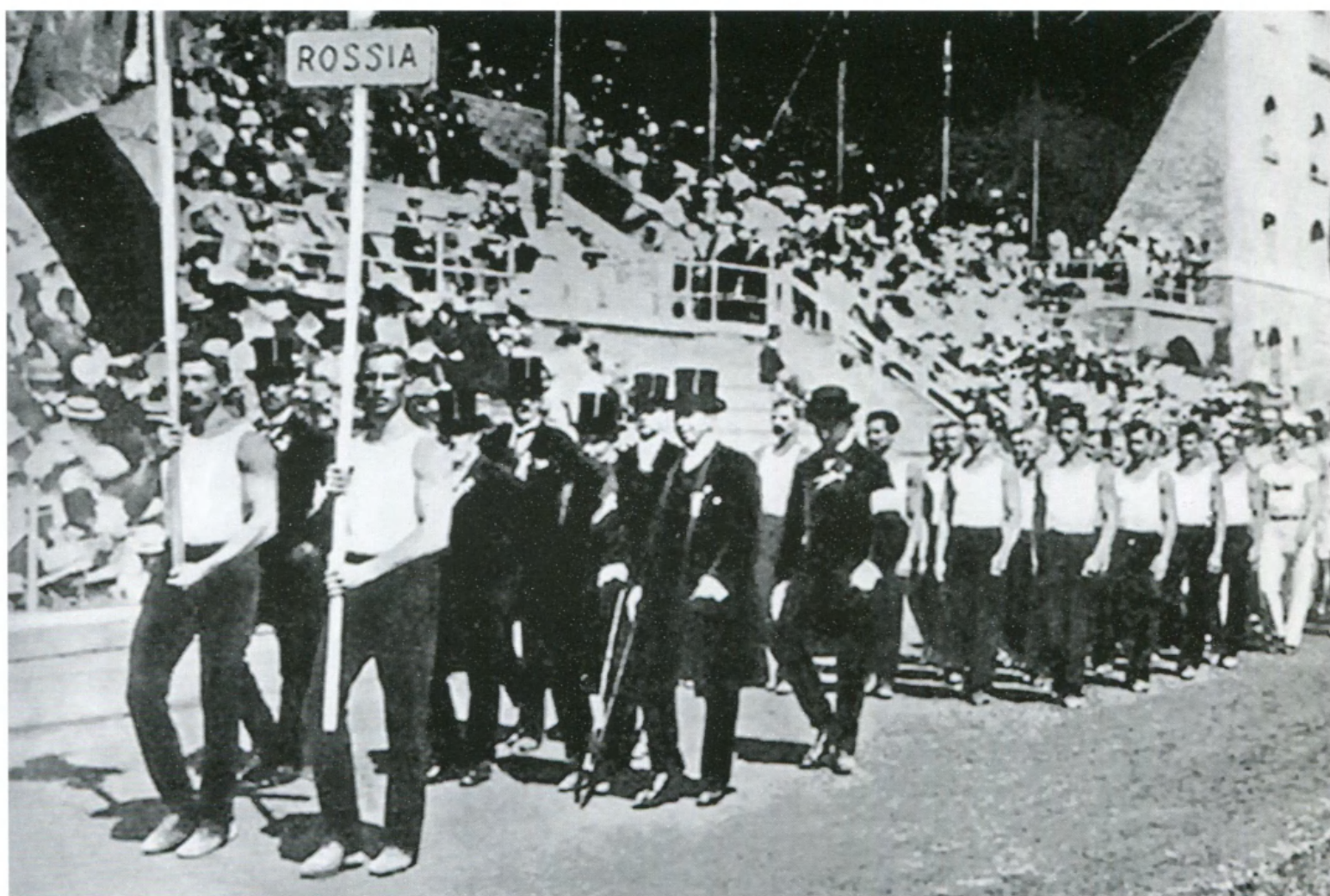
**Александр
Петрович
Петров
(1876–1941)**

**Серебряный
призер Игр
1908 г. по греко-
римской борьбе
Александр
Петров
побеждает
соперника**

**Пассажиры парохода «Бирма» отправлялись на Олимпиаду
в Стокгольм, полные надежд**

Российская команда на открытии Игр V Олимпиады. 1912 г.

Представители команды России по конному спорту. Первый слева великий князь Дмитрий Павлович, полковник А. Родзянко, капитан А. Селихов и штабс-ротмистр М. Плешков. Игры V Олимпиады, 1912 г.

Неудачи на V Олимпиаде были проанализированы, и для подготовки к следующим Играм решили провести совершенно новые соревнования, подобно олимпийским. И даже название, как я уже рассказывала, подчеркивало близость с олимпийским движением — Российские Олимпиады. В Ригу на Вторую Российскую Олимпиаду выехал М. Плешков. «Летом 1914 года должны были состояться русские олимпийские игры в Риге. Генерал Воейков, стоявший во главе организации, поручил мне постройку препятствий к предстоящим состязаниям. В мое распоряжение был прислан взвод сапер Усть-Двинской крепости, с которыми я начал работу. Стали съезжаться участники будущей Олимпиады, как вдруг, в одно прекрасное утро, мой старший унтер-офицер сапер заявил мне: “Так что уходим, Ваше Высокоблагородие”. — “Как так? Куда?” — “Так что, мобилизация, кажись, война будет”. Война началась... Кончилась моя спортивная карьера».

С начала войны и до конца 1915 года Плешков служил в рядах лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Затем был произведен в ротмистры и переведен в 13-й гусарский Нарвский полк подполковником. Офицер Н. Аладьин восторженно отзывался о своем командире: «Это был, безусловно, выдающийся офицер, с большим тактом, необыкновенно простой, добрый и отзывчивый, строгий и справедливый командир. Офицеры нашего полка очень его полюбили, как отличного товарища, а гусары его просто обожали».

После революции Михаил Михайлович пробрался в Харбин к отцу, главнокомандующему в полосе отчуждения. В 1919 году, когда адмирал Колчак возглавил борьбу с большевиками, Плешков стал начальником Военной школы на Русском Острове с производством в генерал-майоры. Но случилось непредвиденное: 25 января 1920 года на острове вспыхнул мятеж среди солдат, и все офицеры были арестованы и вывезены во Владивосток, занятый большевиками. Только благодаря японскому военному атташе они спаслись. Арестованных вывели ночью на тюремный двор, но вместо ожидаемой смерти кто-то крикнул: «Ворота открыты — уходите!»

В 1921 году М. М. Плешков перебрался в Америку. Работал преподавателем верховой езды в школе князя Б. Д. Волконского, а затем открыл собственную школу в Вестчестере. «Когда я приехал в Америку, сюда только что начали проникать итальянские идеи езды. Газеты сильно их критиковали, сравнивая посадку с лягушкой, сидящей на камне, и прочее. Но я был уверен, что итальянская система победит. И действительно, на международных состязаниях между 1-й и 2-й мировыми войнами американцы стали ездить, как ездим мы».

ГОЛГОФА ВАСИЛИЯ БУТУСОВА

Перед Олимпийскими играми 1912 года специальный совет руководителей Московской и Петербургской лиг тщательно выбирал капитана футбольной сборной. Наибольшее количество голосов отдали центральному нападающему Бутусову и вратарю Фаворскому. Перевесила кандидатура Василия Бутусова, которому доверили капитанскую повязку.

В многодетной семье Бутусовых было шестеро сыновей, блестяще игравших в футбол. Любовь к футболу будущему капитану олимпийской сборной привил старший брат Кирилл.

В 11 лет ученик 2-го реального училища Васенька Бутусов уже отличался на поле своими точными передачами. Отец смотрел на занятие сыновей с пониманием. Но не только футбол был увлечением в семействе мелкого торговца Павла Кирилловича и Прасковьи Александровны. Их дети пели народные песни и играли на разных музыкальных инструментах. Василий — на басовой домбре. Из этого домашнего оркестра вырос профессионального дирижера самый младший из сыновей — Александр Бутусов.

Бутусов Александр Павлович (1895—1942) — футболист клуба «Унитас», участник Первой мировой войны, дирижер. В Удельной создал Великорусский большой оркестр, с успехом выступавший на фронтах Гражданской войны перед солдатами и матросами. Погиб в блокадном Ленинграде.

Первый серьезный футбольный клуб, за который играл 15-летний подросток, назывался «Виктория». После переезда семьи на окраину Петербурга в район Удельной футболист выступал за клуб «Унитас», что по латыни означает «единство». В те годы он студент Технологического института в Санкт-Петербурге, а о нем уже написал журнал «Спорт»: «Каждому защитнику, коему доводится выступать против “Унитаса”, выпадает труднейшая роль противоборствовать воистину неудержимому Василию Бутусову».

«Уни́тас» — один из сильнейших клубов Санкт-Петербурга начала XX века. Основан летом 1911 года в результате слияния двух команд — «Надежда» и «Удельная». Базировался в Удельной. Цвета клуба — красно-белые. Инициатором слияния был Кирилл Павлович Бутусов. Все шесть братьев Бутусовых играли заметную роль в жизни клуба.

Именно здесь невысокий напористый Василий затмевал своей игрой. Он классно владел обводкой, выигрывал борьбу даже за верховые мячи и виртуозно бил по воротам головой, что в ту пору считалось большой редкостью. Случалось, что после удара в прыжке, нанесенного Бутусовом в ворота, вместе с мячом там оказывался и сам Василий. Что ж, это тоже

было в рамках тогдашних правил. Вполне понятно, что такой игрок мог рассчитывать на место в олимпийской сборной.

Перед поездкой в Стокгольм горячий спор по поводу отбора состава разгорелся между футбольными функционерами Москвы и Петербурга. Только два игрока были утверждены сразу. В ежегоднике Петроградской лиги указано, что лишь двое получили абсолютное большинство голосов — вратарь москвич Лев Фаворский и центральный нападающий из Петербурга Василий Бутусов.

Распри спортивных чиновников отразились на олимпийской команде.

Сборная из петербуржцев и москвичей так и не успела сыграть. Был проведен всего один тренировочный матч, где соперниками стали свои же футболисты, не попавшие в сборную. Будущие олимпийцы победили с минимальным преимуществом — 5:4.

На фотографии уходящего в Стокгольм парохода «Бирма» рядом с Васей стоит в таком же фирменном канотье, как и все спортсмены олимпийской команды, его брат Кирилл. Он в кадре не случайно. Кирилл Бутусов входил в состав руководства Всероссийского футбольного союза, где занимал пост казначея. Старший брат обладал коммерческой хваткой и всегда поддерживал младшего, и не только в спорте.

Кирилл Павлович Бутусов (1881–1947) — председатель Петербургской футбольной лиги, один из основателей Всероссийского футбольного союза (1912).

«Бирме» отвели в Стокгольме самый отдаленный причал, поэтому добираться до Королевского стадиона приходилось долго. К тому же российской команде, прибывшей всего за два дня до Олимпийских игр, было отказано в тренировке. Но и здесь братья Бутусовы вышли из положения. Нашли довольно ровный пустырь, обзавелись косами и устроили тренировочную площадку.

Сначала нашим повезло. По жеребьевке сразу вышли в четвертьфинал. Первый матч с командой Финляндии прошел 30 июня на стадионе «Траненберг» в пригороде Стокгольма. Команда России вышла на поле в оранжевых рубашках со шнуровкой, на которых слева были нашивки с российским гербом. Василий Бутусов приветствовал соперников, пожал руку судье. «Ну, братцы, с богом», — сказал своим товарищам и сделал первый удар по мячу.

Первый гол забили финны. Наши футболисты ринулись в атаку. «Дважды стремительно, обходя одного защитника за другим, прорывается к чужим воротам Бутусов, но оба раза, увы, мяч после его сильнейших ударов попадает в штангу. Но центральный форвард не сдаётся, неудержимо рвется вперед, ни одной минуты не стоит на месте. И эта удивительная настойчивость, искрометная энергия в конце концов вознаграждается: получив от М. Смирнова отличный пас “вразрез”, Бутусов бросается вперед, успевает

к мячу раньше финского защитника и с ходу неотразимо бьет. Мяч влетает в правый верхний угол ворот. Это был первый и последний гол, забитый русскими футболистами. На 72-й минуте Василий Бутусов сравнял счет. Но все-таки победили финны 2:1».

Несмотря на поражение, наших футболистов заметили. «Игра Финляндии с Россией, — писала одна из шведских газет, — получилась более интересной, чем ожидали. В русской команде, несмотря на ее проигрыш, мы увидели немало число игроков заметных, интересных. Среди них вратарь и прежде всего автор гола центрфорвард Бутусов».

Позже матч прокомментировал один из участников — москвич Василий Житарев: «Сборная прибыла в Стокгольм несыгранной, так как никакой тренировочной работы с командой не проводилось. Только на месте мы узнали о нашем противнике: им оказалась команда Финляндии. Бывшая тогда составной частью Российской империи, Финляндия добилась права самостоятельного участия в Олимпиаде. Привыкнув смотреть на Финляндию как на незначительную административную единицу, наши руководители беспечно отнеслись к предстоящему матчу и передали это настроение нам. А матч показал другое».

Когда финская команда победила, был поднят русский флаг с лентой, на которой было написано «FINLAND VUNNIT» («Финляндия победила»). В дальнейшем победу финских спортсменов отмечали поднятием российского флага вместе с символом Финляндии — белым вымпелом с синим крестом. Финские болельщики держали красные флажки с изображением финляндского герба.

Следующий «утешительный» матч состоялся с также выбывшей из борьбы командой Германии. Встреча закончилась катастрофой. Мячи один за другим летели в наши ворота.

«О втором матче — 18 июня неприятно даже давать отчет: так обидно бессилие русских игроков. Наши лучшие игроки совершенно не были заметны. Мимо них катали мяч, водили вокруг и около, а они не могли ни отнять мяча, ни помешать передаче. Здесь особенно ясно было видеть значение бега в футболе. Наша защита не могла догнать ни одного вырвавшегося форварда, не могла отобрать передачу, и голи сыпались один за другим. У русских же форвардов не удавалась передача, беки Германии легко их догоняли, и наша “Московско-Петербургская” команда получила страшное поражение: 16:0. Голкипер Фаворский не отбил ни одного верхового мяча, его как будто не было в воротах».

Домой Бутусовы вернулись в тяжелом настроении. Позор невыносимый. Конечно, в футбольной семье, где даже четыре сестры гоняли мяч и досконально знали все, что связано с футболом, обсуждениям не было конца. Ругались, кричали, попадало всем, кто был как-то связан со сборной.

Но главное — Бутусовы верили в будущее российского футбола. Василий для убедительности даже стукнул кулаком по столу: «Ничего. За битого двух не битых дают. И мы будем играть не хуже англичан!»

После Олимпиады продолжились учеба и футбол. Василий считался сильнейшим центрфорвардом страны, стал чемпионом Петербурга и чемпионом России. В найденных мною источниках его характеризовали как человека с нежным сердцем: «мягкий, добрый, сердечный и покладистый». Под чутким руководством старшего брата он прекрасно пел в компании под гитару, музицировал и так же, как его старший брат Кирилл, азартно играл в карты. Его нередко видели с бокалом вина. Мама Прасковья Михайловна наградила Васеньку красивой внешностью, а посему сердце бомбардира всегда было занято любовными романами.

Первая мировая война стала точкой отсчета его мучений. Прерваны занятия в институте. В сентябре 1914 года Василия призвали в качестве рядового-мотоциклиста на фронт в Галицию (Австрия).

В Первой мировой войне мотоциклы редко появлялись на поле боя. Основной их задачей была перевозка раненых, курьерская служба и оперативная доставка различных грузов, в том числе и топлива для военной техники.

В апреле 1915 года рядовой Бутусов попал в немецкий плен, из которого был освобожден российскими войсками в результате Брусиловского прорыва в 1916 году. Короткий отдых — и после трехмесячной учебы в школе прапорщиков инженерных войск снова фронт. Теперь его отправили на Кавказ в саперную роту Михайловского крепостного саперного батальона, который активно участвовал в обороне Батумской области и захвате турецкого черноморского порта Трапезунд.

Октябрьская революция 1917 года и развал армии. Недолго отдыхал 25-летний Василий. С 1919 по 1921 год служил в военно-полевых войсках Красной армии. Эта служба давала некий шанс уцелеть в новой действительности сыну торговца и брату эмигранта. Ведь Кирилл Бутусов в конце 1917 года навсегда попрощался с родными и принял подданство Финляндии. Он процветал как помощник известного предпринимателя и торговца нефтью Нобеля. Для ВЧК старший Бутусов вызывал подозрение. Тем более жена Кирилла стала крестной матерью дочери Петра Соколова — футболиста и агента английской разведки, рассказ о котором в следующей главе.

В стране Советов Василий Бутусов продолжал играть в любимую игру, возглавлял команду Выборгского района Петрограда, затем перешел в «Пищевик», где до 1929 года выступал за первую команду в линии атаки. Вместе с ним на поле уже играет младший брат Миша. В 1920—1930-е годы Василий входил в состав республиканской и всесоюзной коллегии судей. Инженер-экономист Василий Павлович Бутусов считался ведущим арби-

тром страны. Именно ему доверили судить финальный матч Всесоюзной спартакиады 1928 года.

В 1930 году наступил длительный и незапланированный перерыв. Был он связан с начавшимися репрессиями. Под молот попадали невинные. Не один десяток спортсменов был арестован, среди них и футболисты «Унитаса». На рассвете 24 октября 1930 года за бывшим бомбардиром в Удельную пришли люди из ОГПУ. Василия арестовали по подозрению в принадлежности к ленинградскому филиалу Промпартии.

Весной 1930 года была арестована большая группа инженеров и научно-технической интеллигенции, которые обвинялись в создании антисоветской подпольной организации, известной под названиями «Союз инженерных организаций», «Совет Союза инженерных организаций», «Промышленная партия». По данным следствия, эта антисоветская организация в 1925–1930-х годах занималась вредительством в различных отраслях промышленности и на транспорте. Кроме того, согласно обвинению, она была связана с Торгпромом (Торгово-промышленным союзом), объединением бывших русских промышленников в Париже, и французским генеральным штабом. Готовила иностранную интервенцию для свержения советской власти.

Его крепко допрашивали, требовали признаний. Все предъявленные обвинения он отверг. Тюрьма для политических считалась местом гиблым, здесь решения принимались однозначные. И светила Бутусову в лучшем случае ссылка на долгие годы. Но на помощь пришел младший брат Михаил — восходящая звезда советского футбола.

Михаил Бутусов (1900–1963) — выдающийся бомбардир, на счету которого 88 забитых мячей за сборную СССР в международных товарищеских матчах. Он автор первого гола советской сборной в «официальной» встрече, состоявшейся 16 ноября 1924 года против сборной Турции (3:0). Михаил — первый капитан сборной СССР. 5 июня 1934 года Михаил Павлович Бутусов одним из первых советских спортсменов был удостоен звания «Заслуженный мастер спорта СССР» (знак № 4).

О Михаиле Бутусове слагали легенды. К счастью для семьи, известный футболист в 1930 году перешел из команды «Пищевкус» (бывшая команда «Унитас») в «Динамо», которую курировало ОГПУ. Начальство из органов рьяно болело за своих и пошло навстречу лучшему игроку. Практически через год, 13 сентября 1931-го Василий вышел на свободу.

Позже, когда все родные собирались в Удельной за большим семейным столом, Миша шутливо напоминал Васе о его освобождении: «Скажи спасибо этим ногам!»

Какое счастье — дышать свободой и ходить на стадион с любимой Леной. Его красавица Леночка, или, как ее официально величали, Елена Павловна

Сумакова, работала врачом в детской больницы имени Раухфуса. Именно с ней он, наконец, обрел семейное счастье. И привил любовь не только к футболу и хоккею и даже привлекал жену к судейству.

В тяжелое время она отправляла письма и носила в тюрьму передачи. Когда любимый Вася оставался без работы, а значит, и без денег, делала все, чтобы дома был обед.

Работу в конце концов нашел. Новая должность — инженер-технолог в институте «Промстройпроект». Здесь Василий Павлович был осторожен в общении. Теперь он жил с оглядкой.

Как опытного судью его всегда приглашали на важные состязания. С 1936 по 1939 год он провел 18 матчей чемпионата СССР. Много лет возглавлял Ленинградскую коллегия судей и даже именовался главным судьей Ленинграда по футболу. В 1939 году вышел приказ Комитета по делам физкультуры и спорта при Ленгорисполкоме: «В связи с сорокапятилетием Василия Павловича Бутусова и отмечая его очень большие заслуги перед отечественным спортом как выдающегося футболиста и судьи по футболу, прекрасного воспитателя молодежи, неутомимого борца за подлинно социалистическую физическую культуру, объявить тов. Бутусову В. П. благодарность и наградить ценным именным подарком...»

О «неутомимом борце» писали восторженные статьи; о лишениях, выпавших на долю Василия Бутусова, ни слова.

В Интернете можно найти его фотографию. Красивое, еще молодое лицо. Чувственные губы, но в глазах обреченность. Наверное, снимок сделан в 1930-е годы. Как будто предчувствовал новые жернова ада.

Когда началась Великая Отечественная война, Василию Павловичу шел 49-й год. Его призвали в армию. С июля по ноябрь 1941 года служил на Ленинградском фронте помощником командира в звании военного инженера 3-го ранга отдельного саперного батальона. 20 ноября при выходе из окружения около станции Оредеж, что в 129 км от Ленинграда, был захвачен в плен. И тут началось...

Лужский концлагерь для советских военнопленных: ноябрь — декабрь 1941 года.

Псковский концлагерь: декабрь 1941 года — февраль 1942 года.

Двинский концлагерь: февраль — март 1942 года.

Саласпилсский концлагерь (около Риги): март — ноябрь 1942 года.

Литовский концлагерь: ноябрь 1942 года — ноябрь 1943 года.

Ченстоховский концлагерь (Польша): ноябрь 1943 года — август 1944 года.

Нюрнбергский концлагерь: август 1944 года — апрель 1945 года.

Ему повезло: выжил. Он никогда не рассказывал об ужасах плена. Не мог и не хотел. Вспоминать больно, да и опасно. В любой момент объявили бы

«врагом народа». А это снова жизнь на нарах. Правда, один из эпизодов той страшной его жизни стал известен. Быть заключенным в фашистском лагере значит терпеть постоянные издевательства, унижения и голод. В лагерях было немало мужчин и женщин, весивших всего 30—32 кг.

К счастью для него, повар из нюрнбергского концлагеря оказался футбольным болельщиком. Услышав фамилию заключенного, сказал, что видел матч в Германии, где играл великий футболист с такой же фамилией — Бутусов.

«Это мой младший брат», — признался Василий. Немец проникся уважением к родственнику знаменитости и с того дня подкармливал русского.

25 апреля 1945 года американские войска освободили Бутусова. Обычно пленные, возвращаясь на родину, проходили проверку или чистку уже в своих, советских лагерях. От ГУЛАГА «выцарапал его буквально в самый последний момент» опять же Михаил.

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей — подразделение НКВД СССР, МВД СССР, Министерство юстиции СССР, осуществлявшее руководство местами заключения и содержания в 1930—1960-х годах.

После войны Василий Павлович ушел из спорта и больше не судил футбольные матчи. Наверно, из-за плохого здоровья.

Федерация футбола СССР проявила благородство и в 1954 году вручила за былые заслуги первому капитану олимпийской сборной России и рефери почетный знак судьи всесоюзной категории.

Бутусова часто можно было увидеть на углу Невского и Михайловской улицы, где находился газетный киоск. Невысокий, сутулый человек с виноватой улыбкой казался замкнутым и тихим. Он покупал газеты и неспешно шел обратно домой. В дни спортивных праздников легендарный Василий Бутусов прикреплял к ленте несколько значков и награду советского времени — знак судьи Всесоюзной категории. И еще жетон своего любимого футбольного клуба «Унитас».

Капитан первой олимпийской сборной ушел из жизни в 1971 году.

Ни царская России, ни страна Советов не отметила футболиста Василия Бутусова наградами. Наверняка таких, не отмеченных или принципиально незамеченных, всегда было и будет немало. И все-таки жаль, что из всех великих российских спортсменов первого поколения он единственный, прошедший голгофу лагерей, не имел награды.

Р. С. Неожиданно наткнулась в Интернете на весточку из прошлого. На сайте «Антикварная лавка» было опубликовано извещение о продаже реликвии. «Жетон на старшего из легендарных братьев Бутусовых, — Василия, автора первого в истории сборной России гола в официальных сорев-

нованиях, забитого им на Олимпиаде 1912 года в Стокгольме! Предмет музейного уровня». На фото в форме ромба жетон на металлической подвеске. На бордовой эмали — фигурка футболиста, выполненная из металла. На оборотной стороне надпись «В. Бутусовъ. 1909».

ОЧЕНЬ ОПАСЕН ЗАЩИТНИК СОКОЛОВ

На фотографии волевое лицо. Прямой, выточенный нос, брови с изломом и прищур глаз, прямо в тебя целящихся. Его имя Пётр Петрович Соколов. Он окончил престижную Петербургскую гимназию имени Александра I, юридический факультет, стал известным футболистом. Перед пробитием штрафных и угловых ударов имел привычку сплевывать на поле, за что и получил прозвище Петя-Сплюнь».

Быть может, эта привычка появилась, когда 15-летний гимназист начал играть в футбол. И однажды сделав этот жест, неприемлемый для мальчика из приличной семьи статского советника, удачно забил свой первый гол. А дальше пошло как суеверие. Он был хорошо образован, в спортивных кругах известен не только как талантливый футболист, но и борец, боксер.

Характеристика футболиста Соколова из дореволюционной прессы: «Игрок высокого класса. Отлично бегают при отражении атак противника. Дает мастерские удары с заворотом. Умело принимает мяч на голову, не теряется даже в самые опасные моменты».

«Мастер забивать голы с пенделя. Почти 99 проц. верных попаданий. Участвовал почти во всех международных матчах сборной команды России».

Пётр выступал за клубы «Удельная» и «Унитас» до 1917 года. Был обладателем Весеннего кубка с 1911 по 1913 год, в 1912 году стал чемпионом России и Санкт-Петербурга.

Меценатами и фактическими хозяевами клуба «Унитас» числились богатые промышленники из Великобритании, проживающие в Санкт-Петербурге.

Его отобрали в команду на Олимпиаду 1912 года. Правда, он рассчитывал быть капитаном, но не вышло. Играл в защите. Перед Олимпийскими играми Георгий Дюперрон, наставник сборной, занимавший ключевые посты во Всероссийском футбольном союзе и Российском олимпийском комитете, предрек: «Команда подготовлена настолько, чтобы проиграть с честью».

В четвертый раз соревнования по футболу были включены в олимпийскую программу. В турнире участвовали 11 команд из Европы. Организатором выступила Шведская футбольная ассоциация.

В этой книге я уже рассказывала, что благодаря удачной жеребьевке наши футболисты сразу же попали в четвертьфинал, где играли с финнами. «Наконец выступили и наши русские. В оранжевых рубашках с русским гербом на груди, в синих брюках, наша команда впервые выступала вне пределов России. До хавтайма нападают все время русские. Игру финляндцев прямо-таки не узнаешь. Куда делась вчерашняя хорошая игра с планомерным нападением, хорошо работавшей защитой? Финляндцы играли до того скверно, что казалось — они проиграют России. Инициативу игры в первой половине взяли в свои руки русские, — будь команда несколько сыграннее ей, пожалуй, удалось бы играть и в третьем круге (полуфинале). Но... у нас всегда бывает это “но”: русская команда не выиграла. На 34-й минуте Фаворский берет мяч, мяч отскакивает недалеко от его груди, и правый inside финляндцев Вибберг забивает гол.

На 72-й минуте капитан сборной Василий Бутусов сравнял счет, внося мяч в ворота соперников грудью, частые атаки россиян были плохо налажены. Несыгранная линия форвардов, где было три москвича и два петербуржца, никак не могла найти общий язык. Несмотря на это, моменты у нашей команды возникали — Василий Житарев зарядил в штангу, неустойчивый Бутусов сотряс каркас ворот. А затем наступила развязка. Второй гол, который решил судьбу встречи, финны неожиданно провели минут за десять до конца. После удара метров с пятнадцати голкиперу Льву Фаворскому и защитникам показалось, будто мяч уходит за пределы поля. Но случилось невероятное: внезапный порыв ветра круто изменил траекторию его полета — он ударился о дальнюю штангу и предательски закатился в ворота».

Команда России сыграла в Стокгольме только два матча. Причем второй — утешительный.

«На следующей день российские игроки провели этот утешительный матч с командой Германии, которая также выбыла из борьбы. Встреча на стадионе “Росунда” при двух тысячах зрителей закончилась полным фиаско. Российская команда проиграла с разгромным счетом 0:16.

Уже к девятой минуте немцы забили три гола. По одной из легенд, после кошмарного начала москвичи и петербуржцы демонстративно перестали пасовать друг другу. Неудивительно, что это привело к такому печальному результату. Эту игру называли “страшным поражением”».

«Игра на “Утешительный” кубок дала России мало утешения. Поражение 16:0 — высокий рекорд этих Олимпийских игр. Против России германцы выставили не лучших своих игроков, и только форварды взяты все сыгранные (из одного клуба Карльсруэ). Тихий бег русских игроков, медленная тактика, если вообще она была у русских, позволили Германии

забивать нам гол за голом. Все три наших хавбека (петербуржцы Хромов, Уверский, Яковлев) задались целью держать одного центрфорварда и действительно в этом преуспели. Но оставленные без внимания остальные 4 форварда легко обыграли наших тихих, сравнительно с иностранными, беков и, несмотря на довольно удачную игру голкипера Фаворского, вбили в обеих половинах игры поровну по 8 сухих голей».

Голы следовали в таком порядке по минутам: 1,5 мин.; 6 мин.; 10 мин.; 21 мин.; 27 мин.; 28 мин.; 29 мин.; 31 мин. — итого 8:0. Второй тайм: 1 мин.; 6 мин.; 8 мин.; 9 мин.; 11 мин.; 20 мин.; 21 мин.; 23 мин. — итого 8:0. Общее поражение 16:0.

Прогноз Дюперрона не оправдался. Вылетели с треском. В российской прессе появились серьезные статьи с анализом плачевного выступления нашей команды. Вот выдержка из одной из них.

«Главный недостаток нашей сборной команды — полная ее не сыгранность. Ей пришлось сыграваться уже в Стокгольме на решительных матчах. Можно усомниться в том, что выступление русских футболистов на Олимпийских играх было разумно организовано. На всех играх прекрасные судьи. Они всегда у мяча, видят ошибки и немедленно свистят. Здесь совершенно запрещены наши толчки. Голкипера вовсе нельзя толкать. У нас же постоянно стараются свалить голкипера, — и получается дикая игра. Запрещение толкать игроков поднимает технику игроков. Сравнение игры русских команд с иностранными, к сожалению, показывает, что мы — еще дети в футболе, но... уже грубые дети».

Самым грубым в команде был 21-летний Пётр Соколов. Он шел всегда напролом и был в таких ситуациях очень недружелюбен. «Среди любителей футбола он имеет почти равное число друзей и недругов. Последние ставят ему в вину то, что многие игроки боятся к нему близко подходить».

И все равно ему сулили блестящую футбольную карьеру. Но все разом изменила война и революция. В разгар Первой мировой он решил идти на фронт. В 1917-м закончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. Но на боевые действия не успел. Началась Февральская революция, а за ней — Октябрьская. Временное правительство не справлялось с анархией. Расстрелы, конфискация, разруха. И вся власть Советам. Рабочим отдали заводы, крестьянам — землю.

Монархист Соколов смотрел на новый мир с ненавистью. И принял решение бороться. Ему было все равно, с кем идти, главное, он знал, против кого. Год 1918-й стал переломным. В Петрограде Пётр вступает в белогвардейскую организацию, связанную с английской разведкой. И получает первое задание: доставляет в оккупированный англичанами Архангельск нужные им сведения об обстановке в революционном Петрограде.

Бесстрашный, образованный и убежденный, да еще с железными нервами. Это же находка для разведки. Петра сразу же заметили иностранные спецслужбы. Новое задание было сложнее. Он отправился в Стокгольм, затем в Гельсингфорс (Хельсинки) на встречу с резидентом британской разведки капитаном Эрнстом Бойсом, который поручил русскому важное дело. Пётр стал связным между разведпунктом в финском городке Териоки и резидентом-нелегалом в Петрограде Полом Дюксом.

Соколов получал от новой работы удовольствие. Много раз незримо для советских пограничников переправлял нужных людей на катере, оснащенном самолетным двигателем, со скоростью 40 узлов. Или лесом переходил советско-финскую границу. Отличился тем, что спас от ареста раскрытого резидента англичанина Пола Дюкса.

Пол Генри Дюкс (1889—1967) известен как «человек с сотней лиц», с 1918 года тайный агент британской разведки (Агент ST 25). Используя свой артистизм, сумел проникнуть в режимные учреждения (Политбюро ЦК ВКП(б), Коминтерн, ВЧК). Разрабатывал и организовывал сложнейшие схемы побегов борцов с советским режимом через Финляндию на Запад для последующего использования в интересах спецслужб. Умен, храбр, красив, настоящий ас постельной разведки (безразлично с кем: женщинами или мужчинами), — так характеризовали этого агента. Король Англии Георг V посвятил его в рыцари, назвав «величайшим из воинов».

Конечно, спортивная закалка пригодилась новоявленному шпиону Соколову, работавшему под оперативным псевдонимом Голкипер. Пётр учился ходить по лезвию бритвы. Тем более учителя были подходящими.

Засвеченный англичанин Дюкс, прячась от преследования, семь дней ночевал в склепах на Смоленском кладбище Петрограда, ожидая Соколова. Они сели в поезд, идущий в Белоостров. Все было спокойно, как вдруг по вагонам разнеслось: «Проверка документов!» Решение приняли мгновенно. На полном ходу прыгнули с поезда и сутки провели в лесу, даже не разжигая огня. Убедившись, что преследования нет, пешком добрались до Белоострова. Соколов, зная тайные тропы в Финляндию, переводит Пола через границу по течению реки Сестры. Эта операция добавила в биографию русского определенный авторитет перед спецслужбой Великобритании. Его повышают — он уже руководитель разведпункта в Териоки (ныне Зеленогорск).

Пётр на своем катере совершал бесчисленные рейсы между Териоки и Петроградом. Перевозил литературу, флакончики с быстродействующим ядом, фальшивые керенки...

Только однажды чуть не попался. Этот рейс стал последним в его жизни. Артиллеристы Кронштадта доложили штабу обороны города, что обстрелы таинственной быстроходной лодки безрезультатны. На самом деле они

достигли цели. Катер затонул вместе с командиром экипажа. Только Соколову повезло — он единственный доплыл до берега.

Наши спецслужбы не бездействовали. Биография неуловимого агента им известна. В декабре 1924 года на стол к начальнику Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ А. Х. Артузову легло очередное донесение из Гельсингфорса. «По наружному виду ему около 35 лет, — сообщал источник ОГПУ. В период 1919—1922 годов служил в английской разведке и ходил курьером в СССР. В 1922 году купил дачу в пяти километрах от Териоки, где сейчас и проживает, женившись на дочери териокского купца Носова. В данное время делает вид, что политикой не интересуется, а занимается крестьянским хозяйством, ходит в рваном костюме и даже не отказывается от поденной работы».

Деятельностью Голкипера заинтересовались и финские спецслужбы. Тайво Салокорпи, отвечающий за разведку против России, взял ценного агента на работу. Под крылом финнов ему многое дозволяется.

Говорят, что Соколов никогда не мог пройти мимо мальчишек, играющих в футбол. Он сразу же включался в игру. Пётр в 1923 году даже создал свою футбольную команду «Териоки» из русской эмигрантской молодежи. Он оказался хорошим психологом. Футболисты уважали и, главное, доверяли ему. А бывший защитник наблюдал за каждым и вдалбливал ненависть к советскому строю. Потом из этих юношей тренер вербовал новую команду — уже совсем не футбольную, для нелегальной работы в СССР.

К нему примкнули одноклубники по «Унитасу» — футболисты Антон Хлопушин, потом и его брат Георгий. Агенты Соколова не только шпионили на английскую разведку, но и не брезговали контрабандой. В СССР доставляли дефицит — от иголок до техники. В Финляндию же везли антиквариат и золото. Помогали переходить границу нелегальным беженцам. Родственники историка Ю. Гессена и ювелира А. Фаберже тоже воспользовались их услугами.

В середине 1920-х годов началась кампания против англо-финских шпионов. Советские газеты особенно подчеркивали роль предателя Соколова. Писали, что белогвардеец Соколов снабжает диверсантов оружием, фальшивыми документами и деньгами.

Аресты футболистов-диверсантов особенно активно шли в 1927 году. Георгий Хлопушин был осужден на 10 лет по «делу 26 английских шпионов», а дальше бесследно сгинул в ГУЛАГе. По тому же делу арестованы питерский футболист «Унитаса» Александр Иосифович Ольшевский и выступавший когда-то за клуб «Спорт» Николай Игнатьевич Никитин.

Есть данные, что чекисты неоднократно пытались через родственников Соколова склонить его к сотрудничеству, однако получали неизменный

отказ. Но после разоблачения посланных в нашу страну шпионов власти СССР потребовали выдворения Соколова с Карельского перешейка. Финляндия выполнила этот ультиматум: Пётр Петрович Соколов один, без жены Марии, двух дочек и своего денщика Антона Янушкевича, перебрался в Хельсинки.

Финляндское правительство, давая приют русским беженцам, относилось к ним благосклонно, лишь требуя невмешательства во внутренние дела страны. Антикоммунистическая деятельность приветствовалась, пока она не переходила в активные выступления против советской власти, с которой Финляндия была связана Юрьевским договором (1921).

По совпадению Соколов жил на улице Спортивной, где из окна его квартиры был виден стадион. Совсем рядом находилась табачная фабрика, которую называли «эмигрантской академией». Фирменные папиросы «Рабочий» делали выходцы из России. Соколов работал на табачной фабрике грузчиком. Нет, Пётр Петрович совершенно не нуждался. Ему хорошо платили. Не только за шпионскую работу, но и за агитацию среди соотечественников, активное участие в эмигрантских обществах и присмотр за русской молодежью.

Бывший защитник национальной сборной, теперь член «Русского общевойскового союза», «Братства русской правды» (антисоветская организация монархически черносотенного толка), «Союза младороссов». С 1931 года возглавлял белогвардейскую организацию «Иван Сусанин», участвовал в работе «Нового русского правительства», редактировал эмигрантскую газету «Русское слово», был председателем «Русского благотворительного общества». И даже успевал петь в хоре.

Особенно востребованным финскими спецслужбами стал во время советско-финской войны 1939–1940 годов. Шпион Соколов досконально просчитывал действия своих врагов, изводя ленинградских чекистов. Он придумывал разнообразные способы нелегального перехода тщательно охраняемой границы. Ему везло, как заговоренному.

В ноябре 1939 года произошла неожиданная встреча. У дома на Петроградской стороне столкнулись лицом к лицу появившийся из небытия Соколов и обомлевший от такого рандеву знаменитый футболист Михаил Бутусов. (Пётр Соколов играл в одной команде со старшим братом Михаила — Василием Бутусовым).

«Открыв рот при виде этого человека... он знал, что тот находится в эмиграции много лет и что он белогвардейский офицер... он с ним, обомленный, поздоровался, тот ему кивнул головой и убежал в какой-то проходной».

Супруга Бутусова вспоминала, что еще никогда не видела своего мужа таким бледным и растерянным. Как сигнал бедствия Михаил приказал

домочадцам: «Закройте все двери, никому не открывайте, не отвечайте на звонки. В городе Соколов!»

Видимо, его правда очень боялись. И на это были веские причины. Я не знаю, сколько жизней загубил Соколов. Приведу лишь еще одну выдержку из характеристики шпиона: «Честолюбивый, властный, жестокий, двуличный человек, способный на любые деяния ради своих интересов. Хороший актер в жизни. Умеет представлять из себя добродушного, веселого, компанейского человека. Хитрый, опасный и сильный враг. Пользовался большой популярностью среди эмигрантской молодежи, знавшей его только с одной стороны, как боксера, борца, тяжелоатлета и отличного футболиста. Организовывал эмигрантскую молодежь в спортивные, театральные и хоровые кружки, при этом сам имел хорошо поставленный голос... Тщательно конспирирует свою личную жизнь и семейное положение. Спиртные напитки употребляет умеренно, женщинами не увлекается. Всегда имеет при себе пару браунингов, хороший большой нож и морскую свайку».

В конце 1939 года Соколов в звании капитана допрашивал советских военнопленных и служил в отделе пропаганды Главного штаба финской армии. Он же редактировал газету «Северное слово» для военнопленных (до сентября 1944 года). Готовил листовки, к которым красноармейцам на нашей, советской стороне, категорически запрещалось даже прикасаться. Агитки были цветастые. Финны дорогих красок не жалели.

Вот одна такая. На алом фоне изображены красноармейцы с поднятыми вверх руками. Сверху аршинными буквами — «Через плен к свободе!». И внизу соответствующая зазывная надпись: «У финнов тепло и сытно!» Потом пришла звуковая агитация. Уверенный бас Петра Соколова, диктора финской радиовещательной компании «Лахти», раздавался по всей линии фронта. Он начинал каждое свое выступление словами: «Слушайте! Слушайте! Говорит Финляндия. Красноармейцы...» И дальше вещал о несправедной войне, затеянной сталинской верхушкой... Его так и прозвали — Слушайте. В эмигрантских кругах Петра считали лучшим русскоязычным радиокомментатором в Европе. На противоположной стороне в красных войсках он получил прозвище Белый Чекист.

Весной 1942 года служба Би-би-си, отслеживающая пропагандистское воздействие, пришла к выводу, что финская пропаганда на русском кардинально отличается по содержанию от других стран, захваченных Гитлером. Она качественнее и в ней «сильный русский дух».

Финны проиграли в этой войне. 12 марта 1940 года в Москве был подписан мирный договор между СССР и Финляндией.

Однако Финляндия начала готовиться к реваншу.

22 июня 1941 года подразделения финской армии совместно с частями вермахта вторглись на советскую территорию. Пётр Соколов, не прекращая своей работы в финском Главном штабе и на радио, стал сотрудником немецкой военной разведки (абвера).

Конечно, он рассчитывал, что немцы захватят Ленинград. Его даже включили в состав зондеркоманды «Ленинград», перед которой поставили задачу войти в город вместе с частями немецких войск и вывезти архивы областного комитета ВКП(б) и Управления НКВД.

Зондеркоманды — оперативные специальные команды на оккупированной территории, которые должны были выявлять и ликвидировать партийный и комсомольский актив, евреев, советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников и офицеров, бороться с проявлением антинемецкой деятельности.

Через Эстонию разведчик подобрался совсем близко к когда-то родному городу. Но планы немцев, а заодно и Соколова, рухнули. Ленинград не сдался.

Бывший связник Пола Дюкса до последнего не терял надежду вернуться в поверженную Россию. Поэтому на оккупированной фашистами территории — северо-западной части СССР — он с энтузиазмом помогал создавать абверовские разведшколы в эстонских поселениях Кумна, Летсе и Кейла-Йоа.

По его плану в 1942 году была организована разведшкола и в оккупированном Петрозаводске: советских военнопленных натаскивали для заброски за линию фронта. Соколов, работавший на английскую, финскую, а потом и на немецкую разведки, делился опытом, раскрывал методы НКВД и даже знакомил слушателей с историей Коммунистической партии ВКП(б).

С курсантами говорил поставленным голосом, не терпящим возражений. У будущих диверсантов представительный господин Кольберг, или господин Симолин, или Соловьянов, или капитан Эрикссон, или господин Соколовский (такие псевдонимы брал шпион) вызывал трепет и уважение. Он умело поддерживал свой имидж благодаря интеллекту, умению общаться и, конечно, благодаря спорту. На фотографиях даже в пальто чувствуется осанка и мощный разворот плеч.

У высшего финского, а потом и немецкого руководства он пользовался авторитетом. Во время Второй мировой войны Соколов часто приезжал в Германию. Ему организовали встречу с перешедшим на сторону Гитлера бывшим советским генералом А. А. Власовым. Они нашли общий язык. И бывший защитник пошел на повышение. Власов назначил Соколова руководителем Северного отделения, так называемой Русской освободитель-

ной армии (РОА). Ему предложили подбирать из советских военнопленных солдат для РОА. Поставленная задача активно выполнялась.

Наша контрразведка безрезультатно искала Петра Соколова. Директивой Смерша (сокращение от «Смерть шпионам!») и НКГБ СССР он был объявлен во всесоюзный розыск как особо опасный государственный преступник, подлежащий при обнаружении немедленному аресту. Во все органы госбезопасности и внутренних дел была направлена ориентировка с указанием его примет. Соколов был одним из первых в списках Смерша.

Катастрофическое поражение на советско-финском фронте заставило Финляндию выйти из войны в сентябре 1944 года. 20 апреля 1945 года министр внутренних дел Финляндии коммунист Юрье Лейно был вызван в действующую в Финляндии Союзную контрольную комиссию, возглавляемую А. Ждановым. Министру Лейно вручили список из 22 человек, «виновных в совершении военных преступлений, проводивших по заданию немцев шпионскую и террористическую деятельность против Советского Союза», с требованием задержания и передачи СССР. Среди них Пётр Соколов.

Наступало время расплаты. У Соколова был поистине собачий нюх, который никогда не подводил. Он понимал, что проиграл. Отчетливо представил, как финские власти выдадут его СССР. А там будет суд, и как военного преступника его расстреляют. Пригодились наставления Пола Дюкса: «Когда чувствуешь угрозу, уходи, не прощаясь. Навсегда рви с людьми на этом уходящем этапе жизни». Он потерял контакты с финской разведкой, бросил семью и по заранее подготовленному маршруту в сентябре 1944 года ушел в соседнюю нейтральную Швецию. Обосновался в тихом провинциальном городке Энчепинге, что в 70 км от Стокгольма.

В 1945 году П. П. Соколов узнал, что был единственным из «списка Лейно», кто избежал выдачи СССР. О том, что он под наблюдением спецслужб, не забывал до самого последнего часа.

Соколов женился на шведке Ютте Салин и начал новую жизнь в третий раз. Теперь он стал Паулем Салиным. От этого брака родились двое сыновей. Проходила информация, что он стал интересен шведским спецслужбам. Наверное, так и было.

Но шли годы, и господин Салин зажил тихой жизнью обывателя. Только одно его беспокоило и мучило по ночам: вдруг за ним придут? Типичная болезнь шпиона со стажем.

А его отыскиали. Через несколько лет адрес Соколова-Салина стал известен советским чекистам. Но нейтральная Швеция не выдавала перебежчиков. Бывший шпион из страха не выезжал за пределы своего последнего убежища. Работал в спортивном клубе массажистом. Скончался в 1971 году

в возрасте 80 лет от опухоли мозга в Стокгольме, куда в далеком 1912 году впервые приехал защищать честь России на футбольном поле. На его могиле шведское имя и фамилия.

Дело шпиона Соколова было закрыто в 1954 году.

КАК ОТНЯЛИ МЕДАЛЬ

Родители дали ему имя Хуго-Максимилиан. Отчество — Рейнгольдович. А называли его просто Микхель, но чаще Март. Фамилию обычно пишут неправильно. А правильно — Куузик с двумя гласными «у», потому что он из Эстонии. Его считают бронзовым призером Игр V Олимпиады 1912 года. Смею уверить, по всем результатам, показанным им на этих олимпийских соревнованиях по академической гребле, Куузик должен был получить бронзу. Но судьба сложилась иначе.

Куузик — трехкратный чемпион России по гребле, считался гребцом мирового класса. Тренироваться Максимилиан начал в родном клубе города Пярну «Pernauer Ruder Club». Как спортсмен стал известен в 1900-х, когда учился в Оксфорде на инженера. Он успешно сдавал экзамены и усиленно занимался греблей на Темзе. Тем более в спортивной Англии с инвентарем и тренерами проблем не было. На университетских соревнованиях студент Куузик часто становился первым. После учебы вернулся в Россию и продолжил тренировки.

Побеждал на многих всероссийских и международных регатах по классу лодок-одиночек, трижды завоевывал звание чемпиона России (1910, 1911, 1913). В 1908 году впервые выиграл неофициальный чемпионат мира в Амстердаме. В 1909 и 1910 годах Март стал победителем на открытом чемпионате Голландии, считавшемся неофициальным чемпионатом Европы.

Характер Куузика можно понять из следующего эпизода. В 1909 году в финале он соревновался с немцем Шольцом. Прямо со старта немецкий гребец стремительно вырвался вперед. Куузик избрал иную тактику. Темп не увеличивал — берег силы. Только на второй половине дистанции резко набрал скорость и финишировал первым. Реакция Шольца удивила. Немецкий гребец заявил протест. Ему якобы помешала моторная лодка (в лодках находились судьи). Куузик великодушно согласился на повторный заезд и снова опередил соперника на десять корпусов. Наградой стала золотая медаль и кубок.

В 1910 году Март второй раз выиграл открытое первенство Нидерландов, блестяще вырвав победу у француза де Плейна, до этого целых три года абсо-

лютно никому не проигравшему. «Петербургская газета» отметила: «Телеграф только что принес известие, что русский гребец М. Я. Кузик выиграл первенство Голландии».

Спортивный сезон 1910 года стал как никогда счастливым. В июне петербургские гребцы стартовали в гонках на кубок лейб-гвардии Семёновского полка в честь 200-летия Санкт-Петербурга, где Куузик победил в двойке — парной скиф. В июле выиграл первенство России в одиночке, а в двойке — парной скиф вместе с П. Баурмейстером и рулевым В. Шталем завоевал приз, учрежденный в честь 50-летия Санкт-Петербургского речного яхт-клуба. 5 августа он одержал победу на юбилейных состязаниях для старших гребцов на приз почетного члена Санкт-Петербургского гребного общества К. А. Уткина. На следующий день в соревнованиях на первенство Невы опять первым пришел к финишу. В том же сезоне вместе с напарником П. Баурмейстером Куузик завоевал еще и кубок Ф. И. Осецкого.

На Чрезвычайном съезде гребцов Всероссийского союза гребных обществ, состоявшемся в декабре 1911 года, Микхелю Куузику предоставили право выступать на Олимпийских играх в Стокгольме.

«М. Я. Кузик член СПб. гребного общества, считается одним из лучших гребцов, не происходит гонки, чтобы М. Я. Кузик на своей “одиночке” не отобрал лучшие призы. В текущем году Кузик выиграл звание лучшего гребца Петербурга, Москвы и, наконец, России. Первенство Голландии он выигрывает уже второй раз, хотя голландцы и считаются лучшими моряками».

В 1896 году на Играх I Олимпиады в Афинах сильный ветер и дождь вынудили судейскую коллегию отменить гребные состязания. Первые соревнования по академической гребле проведены на Играх II Олимпиады в Париже.

Перед главными стартами Март тренировался в любимой Англии, где по специальным чертежам ему сделали легкую и удобную в управлении лодку.

Соревнования по гребле проводились с 17 по 19 июля 1912 года, то есть после официального закрытия Игр Олимпиады. Погода была замечательной: спала безумная жара, дул легкий ветерок. Зрителей было немного, большинство уже разъехались. Но место проведения соревнований вызывало много нареканий у спортсменов: гребцам приходилось делать два поворота, за 300 м до финиша проходить между сваями деревянного моста. Поэтому в заезде могли стартовать только две лодки.

На этих соревнованиях, казалось, все было против Марта. Его драгоценный скиф был разбит бревном, подброшенным неведомым врагом. Когда спортсмен продолжил борьбу на тяжелой чужой лодке, ему сломали весла! Как объяснить эти факты? Невезением? Или желанием убрать сильного противника?

В Стокгольме стартовали 14 гребцов-одиночников. Состязания проводились в парах, и победитель переходил в следующий круг. В первом заезде (раунде) на 2000 м представитель России опередил австрийца А. Гейриха. Лучшее время в официальных документах не указано. Причина?

Судьи аннулировали этот заезд. По мнению австрийского соперника, Куузик якобы намеренно пересек его воду. Представители Гейриха подали протест в судейскую коллегия. Арбитры приняла решение провести повторную гонку. Однако в отчете Олимпийского комитета Швеции нет данных о результатах новой гонки. Этот спор, видимо, был решен в пользу российского спортсмена. И Гейрих выбыл из дальнейшей борьбы, так как его имя больше не упоминается в протоколах.

Куузик вышел в четвертьфинал. В следующем заезде вырвался вперед и легко победил венгерского гребца К. Левицки. В протоколе отмечено: «Куузик показал пример красивой гребли и стал лидером с самого старта. Его соперник не мог его догнать. На отметке 500 м Куузик лидировал на 2 корпуса».

Итак, представитель Российской империи вышел в полуфинал с очень неплохим для того времени результатом. Давайте зафиксируем его время — 7,45.

В пятницу 19 июля состоялись полуфинальные соревнования по академической гребле, где участвовали четверо гребцов. Среди них 35-летний Хуго-Максимилиан, который на непривычной чужой лодке сражался с бельгийцем Полидором Вейрманом.

Отчет об этом заезде приведен в книге Олимпийского комитета Швеции «Olympic Games of Stockholm»: «Оба гребца были исключительно высокого класса. Вейрман хорошо натренированный, мощный гребец, русский обладал прекрасным стилем и большой энергией. Эти 2 спортсмена гребли практически рядом, поэтому долгое время трудно было сделать вывод, кто лидер. Даже когда была пройдена половины дистанции и Вейрман мощными гребками увеличивал скорость, Куузик держался рядом, стараясь изо всех сил. Он был рядом с соперником, когда они проходили мимо купального домика. Результаты гонки были еще неочевидны. Равенство было и тогда, когда спортсмены начали проходить под мостом». Но все усилия Куузика не достигли цели. В итоге Вейрман опередил нашего спортсмена на полкорпуса лодки с результатом 7,41».

Итак, в финал вышли соперник российского спортсмена — гребец из Бельгии Вейрман и англичанин Киннар, соревновавшийся с канадцем Батлером.

Уточним: в финал не попали М. Куузик и спортсмен из Канады Э. Батлер. Теперь посмотрим на время, показанное канадцем. В первом раунде

его лучший результат — 7,55. Во втором — 7,56. Напрашивается очевидный вывод: результаты канадца намного хуже, чем у Марта. Логично, что Куузик должен стать бронзовым призером этих Игр.

Победителем гонки среди одиночек стал англичанин В. Киннар с результатом 7,47. Серебро досталось бельгийцу П. Вейрману. Кто же стал бронзовым призером на олимпийских соревнованиях в гонке одиночек?

А никто.

Странное решение вынесла судейская коллегия: не присуждать третьего места. И в официальных документах фигурируют только первое и второе. Загадка? Попробуем ее разгадать. К судейству на той злосчастной для нашей команды Олимпиаде было много претензий. В Стокгольме арбитров выбирали из местных. Свои шведы «вкалывали» на свою страну с азартом.

Анализируя всю ту же книгу Олимпийского комитета Швеции, нашла забавную деталь, которая натолкнула хоть на какое-то объяснение. Оказывается, у организаторов возникли проблемы в проведении соревнований по гребле. 15 июля 1912 года перед самыми стартами встретились представители нескольких европейских стран (без России) для создания комитета, который должен был решать возникшие вопросы. Председателем этого комитета стал швед Ульрих Сальхов. Чтобы понять ситуацию, вернемся к истории, а точнее к председателю новорожденного комитета. Однозначно, Сальхов — великий фигурист, на долгие годы он займет кресло президента Международного союза конькобежцев. Только его личностные качества настораживали многих. По отношению к русскому фигуристу Николаю Панину на олимпийских соревнованиях в Лондоне 1908 года он вел себя дерзко, точнее по-хамски, выкрикивал оскорбительные комментарии во время исполнения соперником школьной программы. За его проступок извинилась (за исключением Ульриха) вся шведская команда фигуристов и даже прислала письменное извинение. К тому же на Играх в Лондоне Сальхов снялся с соревнований, поняв, что не превзойдет русского в исполнении специальных фигур. Как пишет о нем Панин-Коломенкин, «злобу затаил». В 1912 году Ульрих Сальхов был популярным спортивным функционером. С 1911 по 1928 год состоял в правлении Шведского национального спортивного совета (Riksidrottsförbundet). Поэтому появление его на родной V Олимпиаде объяснимо. Как он мог относиться к представителю России, нетрудно догадаться. Злопамятный мастер интриг вполне мог отыгаться.

По результатам всех гонок Хуго-Максимилиан Куузик — верный бронзовый призер. Не было бы сломанной лодки и весла, несправедливого судейства... Но об этом можно только помечтать.

Спортивная судьба Куузика после Игр развивалась счастливо. В июле 1913 года он нарушил гегемонию англичан и стал обладателем приза «Пер-

венство голубого гребца» за победу во всех заездах гонки Оксфордского университета. Об этом успехе трубила вся мировая пресса. Впервые за 60 лет иностранец обыграл корифеев-англичан. В 1913 году он в третий раз выиграл чемпионат России по гребле. Последнее выступление М. Куузика состоялось в 1914 году на реке Аа в Латвии.

Пять лет его имя не сходило с газетных страниц. Пять лет он лучший гребец академического стиля. А потом все разом закончилось. Началась Первая мировая война. Потом свержение царя... На долю Куузика выпало тяжелое испытание. Практически сразу после Октябрьской революции его арестовала ЧК. За освобождение своего земляка боролись эстонские дипломаты. Когда Март вернулся в Эстонию, то работал тренером по боксу в спортивном клубе. В 1920 году 43-летний Максимилиан эмигрировал в США. Информация о дальнейшей его жизни скупая. Построил дом в Батл Граунд, завел семью и прожил еще 45 лет. Наверное, счастливо. Думаю, он, как и все великие спортсмены, вспоминал свои спортивные победы. Помнил и об Играх 1912 года, на которых имел все шансы стать первым и где ему несправедливо отказали в бронзовой медали.

Но его не забыли в нашей стране. В 2012 году на регате, посвященной двукратному олимпийскому чемпиону Юрию Тюкалову, было принято решение проводить для ветеранов гребли соревнование на Кубок Микхеля Куузика — многократного чемпиона России.

В кают-компании гребного клуба «Знамя» висит доска, на которой отмечены победители соревнований одиночников. Имя Микхеля Куузика упоминается несколько раз: он становился чемпионом гребного клуба в 1908, 1909 и 1910 годах.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В БЕЛЫХ ГОЛУБЕЙ!

Латышский архитектор Гарольд Карл Адольф Блау (в России его величали Гарольд Карлович или просто Гарри) стал призером Игр V Олимпиады в стрельбе по голубям, завоевав для России первую олимпийскую бронзу.

Стрельба по голубям пришла на современные Олимпийские игры из древности. Еще великий Гомер писал в «Иллиаде» о стрельбе по голубю, посаженному на высокий столб. В 1452 году впервые были проведены официальные соревнования в стрельбе на меткость по летящим птицам в швейцарском городе Сюрсе. Для богатых аристократов стало модным занятием разводить, а потом безжалостно отстреливать улетающих ввысь

белоснежных птиц. А спортивные соревнования только способствовали бурной популярности голубиной охоты.

Из Европы в начале XIX века подобные стрелковые турниры появились и в России. Правила соревнований опубликовали в «Полюстровском обществе голубиных садков» в 1883 году. Суть их такова. Голубя выпускали из садка и стреляли с расстояния 22—28 м. Если птица падала с внутренней стороны условной границы в 25 м от садков, то цель считалась пораженной. Если с внешней — не засчитывалась. На каждую птицу давалось два выстрела.

В ноябре 1913 года Императорское общество правильной охоты провело первые крупные соревнования. В течение двух недель разыграно 38 призов на сумму 12 тысяч и выпущено для отстрела около 10 тысяч птиц. В соревнованиях ежедневно участвовало до 40 стрелков. Меткостью отличались и представительницы слабого пола: в списке победителей значится госпожа М. Е. Вадковская. В 1914 году вышло учебное пособие Г. де Перно «Искусство садочной стрельбы», изданное Крестовским голубиным стендом.

Странное соревнование «стрельба по голубям» (прошу учесть, по живым и красивым птицам) впервые состоялось в 1900 году на Играх II Олимпиады в Париже. Участники должны были внести довольно крупный взнос — 200 франков. И платили, желающих оказалось немало. За время соревнований расстреляли около (!) 300 голубей! Золотую медаль получил «лучший птичий киллер» бельгиец Леон де Лунден, загубивший 21 птаху и заработавший приз — 5000 франков. Это не ошибка. Вразрез с правилами любительства, принятыми на первом конгрессе МОК в 1894 году, где четко было прописано, что только спортсмены-любители участвуют в Олимпийских играх и не получают за победу денежное вознаграждение. И все же на Играх в Париже победителям вручали не только дорогие кубки, но и деньги. В публикациях отмечали, что на соревнованиях перья и кровавые брызги оседали на стрелках и судьях, портили одежду и модные шляпы дам. Стрельба по живым мишеням вошла в историю как негуманное и кровавое зрелище.

Великий Иван Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско» с гениальным изяществом написал: «Карнавал он думал провести в Ницце, в Монте-Карло, куда в эту пору стекается самое отборное общество, где одни с азартом предаются автомобильным и парусным гонкам, другие рулетке, третьи тому, что принято называть флиртом, а четвертые — стрельбе в голубей, которые очень красиво взвиваются из садков над изумрудным газоном на фоне моря цвета незабудок, и тотчас же стучаются белыми комочками о землю».

Варварское зрелище голубиного отстрела щекотало нервы, возбуждало, а заодно и шокировало благородную публику. В печати появились гневные статьи, осуждающие сей олимпийский вид состязаний. Несмотря на него-

дующие выступления общественности, эти соревнования еще раз были проведены на Играх IV Олимпиады в 1908 году.

Только в 1910 году Международный олимпийский комитет осудил и исключил из олимпийской программы расстрел птиц. В 1912 году стреляли уже по подбрасываемым мишеням. Состязания официально назывались «Clay Bird Shooting» (стрельба по глиняным птицам). В индивидуальном первенстве для участия были заявлены 83 стрелка из 13 стран. Но 2 июля на стрельбище вышло гораздо меньше участников. После двух раундов из 61 стрелка в финал пробились 28.

В последнем круге 27-летний Гарри стрелял потрясающе метко: выбил рекордные 49 очков из 50!

Победители стали известны 4 июля. По сумме трех дней Блау набрал 91 очко из 100 возможных, отстав от американца Джейса Грэма (96 очков) и немца Альфреда Гельделя (94 очка). Итак, Гарри заработал олимпийскую бронзу.

В Стокгольме, кроме соревнований по глиняным голубям, Блау выступил еще и в стрельбе из одноствольного ружья, где занял пятое место в составе команды, а в стрельбе по «бегущему оленю» со 100 м одиночными выстрелами был только двадцатым.

О его жизни известно немного. Гарольд родился 24 декабря 1885 года в семье обрусевших немцев в Медзулской волости в Лифляндии (Российская империя). Его отец Карл Блау был известным доктором, а мама с нежным именем Лилия происходила из аристократического немецкого рода фон Цек.

Семья Блау переехала в Ригу в начале прошлого века. Гарри окончил школу и поступил в Рижский политехнический институт на архитектурное отделение. Его самым главным увлечением стала стрельба из винтовки. И в 1911 году 26-летний Блау успешно прошел предолимпийский отбор в Санкт-Петербурге.

После Олимпиады Блау получил должность архитектора в Управлении генерал-квартирмейстера Главного штаба Русской армии в Санкт-Петербурге, затем его откомандировали как инженера в Гельсингфорс (Хельсинки), где он и проработал до лета 1917 года. По сути, он сделал все, чтобы устраниться от событий Первой мировой войны. По воспоминаниям, Гарри, несмотря на то что был великолепным стрелком, совершенно не стремился воевать, а в поступках был всегда джентльменом. Деталь его образа — на соревнованиях всегда выступал только в галстук-бабочке.

Блау вернулся в Латвию и поселился в 160 км от Риги в местечке Гауйиена. Там работал помощником инспектора Дорожного и строительного управления Латвийских железных дорог. В 1920 году, после получения нового паспорта, где его имя записали на латышский манер — Харальдс Блау, переехал

в Ригу уже с женой. Его Эльза, получившая диплом Сорбонны и отлично владевшая латышским, немецким, русским, английским и французским языками, устроилась работать в посольстве Румынии, а Гарольд — в страховое общество «Латвия». Жизнь налаживалась, родились сын и дочка. Семья жила в достатке, ведь Блау много работал — преподавал строительное дело в Рижском государственном техникуме, зарабатывал как архитектор. Хорошую прибавку к жалованью давало его хобби, а скорее прибыльное дело, — он разводил охотничьих собак и продавал их за границу.

Он снова участвует в соревнованиях. В 1920—1930-х годах семь раз становился чемпионом Латвии в стрелковом спорте. Но, несмотря на потрясающий успех, в 1924 году лучший стрелок не попал в Париж на Олимпиаду. Видимо, в Риге еще не осознавали значения Олимпийских игр. Да и сама страна жила небогато. Может быть, испугались, что отправление одного стрелка, да еще вдобавок с очень дорогостоящими патронами, обойдется казне в безумную сумму — порядка 1000 латов. По поводу его отсутствия напишут: «Блау не поехал по организационным причинам». Почему-то спортивная комиссия, занимавшаяся этим вопросом, спохватилась, когда уже было поздно. Жаль, тем более он пребывал в хорошей форме. Однажды выбил 99 очков из 100 — блистательный результат! И, наконец, он закончил в 1935 году свою книгу «Искусство стрельбы из ружья».

Стрельбу по глиняным фигуркам стали называть трап. Площадки, где в траншее устанавливали метательные машинки для глиняных мишеней, именовали стендами, а по месту их установки в траншее — траншейными, что и дало название «траншейный стенд», то есть сокращенно трап.

Не только стрельба привлекала Гарольда, он был охотником и страстным фигуристом. Даже выиграл чемпионат прибалтийских губерний России, а затем и Латвии. Трижды становился чемпионом республики по фигурному катанию в «школе». И учредил свой Кубок для фигуристов. Когда уже перестал кататься, то выходил на лед как арбитр. Говорят, что виной его болезни легких стал именно этот вид спорта. Верится с трудом, даже несмотря на то обстоятельство, что крытых стадионов с искусственным катком в Латвии в ту пору еще не построили.

В 1933 году в честь 15-летия провозглашения независимости республики Гарольд Блау был удостоен награды «Крест Заслуг».

Последнее выступление, где упоминается стрелок Блау, состоялось на чемпионате мира в Гельсингфорсе в 1937 году. «Из 300 возможных он выбил 276 мишеней и занял 25-е место в конкуренции 54 участников». В 1938-м выиграл чемпионат Латвии «по голубям». После чего исчез из поля зрения прессы, закончив и преподавательскую деятельность. Но на все это были весомые причины.

В 1939 году, как и многих немцев в Латвии, семью Гарри Блау ждала незавидная участь. Приближалась новая война. Гитлер потребовал, чтобы балтийские немцы возвращались на историческую родину. 30 октября был заключен договор между Германией и Латвией о переселении граждан немецкой национальности. Правительство Карлиса Улманиса утверждало, что страна после депортации немцев станет более национальной, более латышской. Ограничения на вывоз имущества были суровыми. Не разрешалось брать с собой валюту, ценные бумаги, драгоценности и многое другое. Горько, но пришлось подчиниться. Супруга Эльза получила через румынское посольство разрешение на выезд. Для семьи это был нелегкий путь. Истощенный болезнью, Гарольд выглядел совсем неважно. Больной туберкулезом Блау вместе с семьей покинул Латвию, где прожил больше 20 лет.

4 июня 1945 года бронзовый призер Игр V Олимпиады и многократный чемпион Латвии по стрельбе Гарольд Блау скончался в Аугсбурге (американской зоне оккупации Германии).

Летом 2012 года в честь 100-летия награждения бронзовой олимпийской медалью на Играх 1912 года была установлена памятная табличка в Риге на улице Баложу, что в переводе означает «Голубиная» (как тут не поверить в чудеса!), на доме, где жил Гарольд Карл Адольф Блау.

ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Потомственный дворянин Киевской губернии Георгий Михайлович Пантелеймонов был профессиональным военным. Учился во Владимирском Киевском кадетском корпусе, после переезда в Москву поступил в знаменитое Александровское военное училище. Закончил по первому разряду, то есть с отличием.

Александровское военное училище — военно-учебное заведение императорской России — готовило офицеров пехоты. Существовало с 1864 по 1917 год в Москве, ул. Знаменка, 19.

Именно здесь сформировался характер офицера и выдающегося стрелка, участника Игр V Олимпиады Г. Пантелеймонова. «Училище подготовило несколько тысяч офицеров, которые участвовали во всяких войнах, начиная с Освободительной войны 1877—78 годов и кончая Великой войной 1914 года. Много было среди них героев, украшенных Георгиевскими Крестами. Еще больше их было убито на полях брани! Александровцы бестрепетно отдавали свою жизнь за Веру, Царя и Отечество.

Всякий выходящий из Училища свято хранил воспоминания о родном Александровском гнезде и его заветах. С этими заветами многие Александровцы не расставались до конца жизни. Заветы эти были просты и велики по смыслу: помни Бога, будь верен Царю и люби свою Родину — Россию!» (Опубликовано в «Александровце» за подписью «Старый Александровец А. Курбатов, ноябрь 1928 г.»).

Этот отрывок из ежемесячного листка (бюллетеня) «Александровец» зарубежного общества Александровского военного училища, который издавался сначала как журнал, а после Гражданской войны печатался в эмиграции благодаря генералу А. А. Курбатову. Небольшой по объему — в несколько листков — «Александровец» выходил с 1928 по 1932 год в Варне и распространялся в странах, где жили соотечественники. Всего было издано 55 номеров.

Изучая тексты «Александровца», натолкнулась на фамилию юнкера Пантелеймонова. «Среди офицеров училища было много отличных стрелков, имеющих императорские призы за стрельбу, поэтому в Училище к стрельбе относились очень внимательно и даже любовно.

В училище стрельба была поставлена хорошо, и стреляли юнкера отлично; бывали года, когда большую часть Императорских призов Московского Военного Округа брали офицеры, а Великокняжеский приз взял п.-юнкер 2-й роты Пантелеймонов (офицер Л.-Гв. Московского полка)».

Именно Жорж Пантелеймонов, выигравший многочисленные соревнования еще в училище, по праву вошел в олимпийскую сборную. И в 1912 году на Играх V Олимпиады стал серебряным призером в командной стрельбе из дуэльного пистолета на дистанции 30 м.

Он участвовал также и в стрельбе на дистанции 25 м, где оказался на 14-м месте, на дистанции 50 м стал 17-м.

Георгий Пантелеймонов остался навечно в списках Александровского военного училища как выдающийся выпускник. И не только потому, что хорошо стрелял и восхищал заслуженными спортивными наградами.

Вернемся к началу его службы. 9 августа 1904 года подпоручик вошел в лейб-гвардию Московского полка. В 1913 году «за отлично-усердную службу» награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. В мирное время успел жениться и завести наследников. Когда грянула Первая мировая война, ее тогда называли Великой войной, офицер Пантелеймонов отправился на фронт. Очень скоро показал себя героем в сражении у села Тарнавки (Тернопольская область Украины). 26 августа 1914 года подпоручик Пантелеймонов, отвечающий за пулеметчиков, занял исходное положение со своим Московским полком. Позиция русских оказалась страшно невыгодной — наступление планировалось на высокую гору, мощно укрепленную

50 орудиями противника, не считая пулеметов и стальных щитов. До горы по совершенно голой местности надо было пройти 3500 шагов.

Военный историк Антон Антонович Керсновский назвал бой лейб-гвардии русской армии Московского полка под Тарнавкой самым громким «пехотным делом».

В 5 часов утра полк занял исходную позицию. «Полковник [Виктор Петрович] Гальфтер, бывший впереди, повернулся к своим бойцам:

“Славные Московцы, вперед! Помните честь полка!”

И, прикрыв лицо саперной лопаткой, пошел вперед. И полк стройно, как на красносельских маневрах, двинулся за ним. Командиры рот шли впереди и подбадривали солдат, то же самое делали фельдфебеля, шедшие позади рот. Мы, артиллеристы, с невыразимым волнением следили в бинокли за этим грозным, прекрасным и трагическим зрелищем.

Первые 500 шагов полк прошел без потерь. Но оставалось пройти еще 3000. И тут начался ад. В рядах наступающих рот стали рваться тучи шрапнели. Вот падают ротные командиры, капитаны Штакедьберг, Нищенко, Климович. Их замещают младшие офицеры и еще с большей энергией стремятся вперед, соперничая друг с другом. Позади наступающих цепей остается все больше и больше убитых и раненых... Никто не обращает на них внимания. Солдаты тяжело дышат, бросаются на землю, чтобы отдышаться, а затем снова: — вперед, вперед! — ведь надо поскорее пройти до этих проклятых несмолкаемо рвущих пушек, трещащих пулеметов, винтовок врага. — Встать! Вперед! — все время кричат командиры. — Бодрись, друзья! Немного еще осталось! — но разгоряченный мозг не сознает, что осталось еще больше половины, а передохнувшие герои верят, что цель близка и рвутся навстречу грому, презирая раны и самую смерть.

Наши сердца сжимаются, в бинокли мы видим как поредели ряды доблестных рот. Мы непрерывно стреляем беглым огнем, из парков нам подвозят все новые и новые патроны, но мелинитовых, увы, нет, как нет. Еще около получаса продолжается это восхождение на Голгофу. Вот они достигают подножия горы и залегают в мертвом пространстве. Однако надо спешить — неприятель уже выкатывает орудия из окопов, чтобы картечью в упор расстрелять эти доблестные остатки противника».

Высота 124,8 у Тарнавки была взята. Но был еще и второй день битвы — 27 августа. Пулеметная команда капитана Пантелеймонова удержала захваченные позиции — все контратаки были отбиты.

Это сражение называли «великолепной и безумной атакой». Победа «иллюстрирует уровень боевой подготовки лейб-гвардии Московского полка, где вся тяжесть боя легла на плечи солдат и офицеров». За двое суток, 26 и 27 августа, лейб-гвардии Московский полк потерял более 3200 человек.

Прорыв у Тарнавки решил судьбу Галицийской битвы в пользу будущего наступления 4-й армии. И главное: эта победа дала возможность сберечь многие тысячи человеческих жизней.

Бой у Тарнавки вошел в историю, подвиги были отмечены. Десять человек получили высокую награду — орден Святого Георгия 4-й степени, из них четверо — посмертно.

Высочайшим приказом от 14 июня 1915 года штабс-капитан Г. М. Пантелеймонов за доблесть был награжден высшим военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. «За то, что в бою 27 августа 1914 г. у д. Тарнавки, будучи начальником пулеметной команды и находясь со своими пулеметами в кольцевом окопе, защищавшем в ночь захваченную неприятельскую позицию с сорока орудиями, своим мужеством и искусными действиями, невзирая на тяжелое положение и большие потери, в большей степени содействовал отбитию атак германцев и австрийцев, предотвратив обход нашего фланга, и тем способствовал к удержанию нами взятых с боя орудий».

В конце войны, точнее в 1917 году, Пантелеймонов получил звание полковника и возглавил Петергофскую школу прапорщиков. После революции и развала фронта в 1918 году Георгий Михайлович, оставив семью в Петрограде, сумел пробраться на юг России. Теперь он белогвардейский офицер и командир вновь сформировавшейся роты лейб-гвардии Московского полка в Сводно-гвардейском полку Добровольческой армии. Полковник верой и правдой служил Белому движению:

- участник в военных действиях полка летом 1918 года на Украине;
- начальник обороны Токмацкого района Северной Таврии весной 1919 года;
- начальник хозяйственной части в Сводно-гвардейском полку во время боев на Ак-Монайских позициях в мае — июне 1919 года;
- 29 ноября 1919 года принял 1-й Московский батальон при отступлении от Киева.

В январе 1920 года после поражения белых войск командовал остатками Сводно-гвардейского стрелкового полка и разбил двойное кольцо красных, отрезавших белые части от Одессы. Пробился к станции Раздельная и вошел в состав группы войск генерал-лейтенанта Бредова.

2 февраля 1920 года во время похода войск генерал-лейтенанта Бредова для соединения у деревни Дубосары с польской армией Георгий Михайлович получил ранение осколком снаряда в лицо. Уговоры пожалеть себя не подействовали. Он не покинул свой полк и стойчески продолжал командование. Воля у полковника была сверхжелезной. Вместе с группой генерала Бредова был интернирован в Польше. А метка этой войны — шрам — остался навсегда.

Невезение сопровождало Георгия Михайловича. Крепко заболел сыпным тифом. Его спасли и выходили в польском госпитале. И он, одержимый мечтой вернуть старый миропорядок, решил до последнего биться с большевиками.

20 августа 1920 года с большими трудностями возвратился в Крым и по приказу генерала Врангеля принял командование 2-м батальоном Сводного гвардейского полка, заняв оборону по Днепру у города Алешки. Под стремительным натиском красных отступали защитники Белой России, и полковник с боями отходил к Севастополю.

Кровопролитная Гражданская война на исходе. Последний правитель Белого Юга России генерал П. Н. Врангель понимал, что его войска окончательно разбиты. Осенью 1920 года он отдает приказ об эвакуации «всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага». Генерал посчитал своим долгом предупредить о тех тяжких испытаниях, какие ожидают покидающих Россию: «Совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи, как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага — остаться в Крыму».

Офицер Пантелеймонов знал: его точно не пощадят. И принял непростое решение покинуть Родину. В этой заварухе беспрестанно накатывающихся событий, когда каждая минута бесценна и беспощадна, он не смог связаться с женой и детьми, оставшимися в Петрограде.

На рейде последних белогвардейцев ожидало грузовое судно «Модикъ», раньше перевозившее уголь.

1 ноября 1920 года, когда берега Крыма были окутаны утренним туманом, «Модикъ» оставил рейд Севастополя. «Пассажиры безмолвно провожали глазами неясное еще очертание покидаемой им России. Картина бегства из России рисовалась беженцам еще как-то неясно. Но каждый поворот винта машины “Модика” все больше и больше отдалял изгнанников от Родины, и горькая действительность постепенно завладевала сознанием каждого. Тяжелым сном заснули пассажиры угольщика на твердом ложе во мраке трюмов» (Александровец. 1929. № 18. Июнь).

Сначала Георгий Михайлович попал в Галлиполи, затем перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС). Мысли о родных надрывали душу. Полковник, как и многие эмигранты, надеялся, а скорее, в душе

лелеял мечту, что скоро что-то должно измениться в этом обезумевшем мире, случится нечто хорошее для всех этих людей, заброшенных сюда по воле рока. И рок этот, несправедливый и мучительный, обязательно кончится. Надо только суметь потерпеть и переждать. Он, как и все эти люди, неустроенные и измученные, с переломанной судьбой, по миллиону раз проматывающие в памяти все случившееся от самых страшных до самых милых деталей своей жизни, надеялся на возвращение... Но с каждым часом, с каждым новым днем и месяцем угасала надежда. Прошло немного лет, и он точно знал, что встречи с родными никогда не будет.

Ни один город не мог сравниться с Белградом. В русской колонии преобладали военные. «Чтобы это понять, достаточно было пройти по его улицам. Повсюду, включая государственные учреждения, встречались хорошо знакомые со времен Гражданской войны цвета хаки — шинели и френчи, частью демилитаризованные, а частью по-прежнему украшенные заметными эмблемами старых гвардейских и других аристократических воинских частей, везде были видны потрескавшиеся золотые и серебряные погоны, ордена и значки на когда-то пестрых, а теперь полинявших ленточках, разные лампасы и околыши».

В Королевстве СХС тысячи военных пошли на пограничную службу. Албанский участок границы Сербии считался самым опасным. Именно туда и направляли русских эмигрантов, и они быстро отбили охоту албанцев тревожить сербов. Бывшие офицеры строили дороги и корчевали леса. Генералы — и те не находили работу, считали удачей устроиться преподавателем или давать уроки верховой езды.

В Белграде Георгий Михайлович возглавил местную группу Объединения лейб-гвардии Московского полка. Жил, как и все, в разлуке с близкими, бедно и трудно.

*Здесь, под небом чужим,
Я — как гость нежеланный,
Слышу крик журавлей,
Улетающих вдаль.
Сердце к ним понеслось,
Слыша крик каравана,
В дорогие края
Провожая их я.
Вот все ближе летят
И все громче рыдают,
Словно скорбную весть
Мне они принесли.*

*Из какого же вы
Из далекого края
Прилетели сюда
На ночлег, журавли.*

(Из старинного романса эмигрантов
по мотивам стихотворения А. Жемчужникова
«Осенние журавли».)

Скончался Георгий Михайлович Пантелеймонов в возрасте 49 лет после долгой и тяжелой болезни 31 октября 1934 года в Белграде. Герой Великой войны и серебряный призер Игр V Олимпиады похоронен с отданием воинских почестей.

В книге «Русский некрополь в Белграде» я нашла ссылку на место захоронения Георгия Михайловича: Новое кладбище, участок 53, м. 176.

ТРАГЕДИЯ ПОЛКОВНИКА ВОЙЛОШНИКОВА

Как и все мои герои, полковник Павел Иванович Войлошников был человеком одаренным и со сложной судьбой. Его детство прошло в далекой Забайкальской губернии в селении Цаган-Олуй, что в переводе с бурятского означает «белое облако». Позже этот поселок станет станицей 2-го отделения Забайкальского казачьего войска и полем Гражданской войны.

В семье коллежского асессора Ивана Никифоровича и Агафьи Елисеевны было 10 детей: семеро сыновей и три дочери. Старший сын Павел родился 29 декабря 1878 года (по старому стилю). Очень рано у мальчика проявились способности к верховой езде и языкам. Он говорил на бурятском, монгольском, китайском и даже японском. Заботливые родители отвезли Павлушу в Омск, где его зачислили в Сибирский кадетский корпус. В 1899 году он уже в Петербурге продолжил обучение в Николаевском кавалерийском училище. Обязательный денежный взнос за абитуриента внесла казна Забайкальского казачьего войска.

Павел оправдал надежды земляков и окончил училище по второму разряду: метко стрелял, а предмет «иппология» (наука о лошадях) знал досконально, да еще выучил обязательные для гвардейского офицера французский, немецкий и английский языки.

Николаевское кавалерийское училище — привилегированное военное заведение, основанное 9 мая 1823 года в Санкт-Петербурге. Среди известных

выпускников М. Ю. Лермонтов, М. П. Мусоргский, генерал В. О. Каппель, будущий президент Финляндии Г. Маннергейм, писатель Н. П. Слепцов, географ и ботаник П. П. Семёнов-Тян-Шанский. В училище были открыты музей М. Ю. Лермонтова, Исторический музей и Георгиевская галерея.

Из воспоминаний Галины Геннадьевны Самсоновой — праправнучки Войлошникова, с которой после долгих поисков мне удалось поговорить: «Он был очень образованным человеком — знал в совершенстве семь иностранных языков — обладал многогранным талантом. В полку ему не было равных в джигитовке. Безумно любил лошадей и готов был в часы досуга их рисовать бесконечно». Галина Геннадьевна прислала мне сохраненный рисунок прадеда, выполненный им профессионально.

К началу воинской службы Павел вымахал под два метра и был, как говорят, писаным красавцем. Кадровый офицер в 1902—1903 годах служил в чине хорунжего в 1-м Верхнеудинском казачьем полку в Порт-Артуре. Казаки вели разведку сухопутных сил неприятеля, охраняли штаб крепости, патрулировали город, а когда начались кровопролитные бои, сражались, не щадя себя, с японцами, обороняя Порт-Артур. Русско-японская война закончилась поражением, которое метко окрестили «Цусимой». Когда было принято решение о сдаче Порт-Артуа, офицер Войлошников вместе с бойцами прорвался через кольцо японской осады для соединения с российскими частями в Маньчжурии. Во время боя получил ранение в правое плечо, а потом и награды:

Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (6 октября 1904 года);

Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (21 сентября 1905 года);

Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (19 декабря 1905 года);

Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом (29 января 1906 года).

По характеру Войлошников был человеком решительным и твердо исполнял приказы. В 1905 году наводил порядок в революционном Владивостоке. 30 октября мародеры под революционными лозунгами захватывали оружейные склады, грабили магазины и лавки, поджигали дома, разгромили гауптвахту и тюрьму. Три месяца продолжался этот беспредел. И только 26 января 1906 года после ввода в город крупных воинских подразделений и забайкальских казаков мятеж был подавлен. Очевидцы вспоминали, что «Войлошников в 1905 году во Владивостоке наводил страх на революционеров, матросов и рабочих».

После Русско-японской войны в 1906 году Войлошников зачислен хорунжим в 4-ю сводную сотню лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. В том полку сложилась его офицерская и спортивная карьера. В 1909 году ему присвоили чин сотника, а еще через год — подьесаула.

Спорт в полку занимал почетное место, и на армейских соревнованиях статный офицер выделялся не только как меткий стрелок. Он стал чемпионом округа по лыжному кроссу со стрельбой из винтовки на маршруте (прообраз современного биатлона. — *Примеч. авт.*). Казак лейб-гвардии М. В. Порох писал: «В лыжных состязаниях команд всех полков Гвардии на дистанцию около 15 верст с заключительной боевой стрельбой с учетом процентов, команда полка в течение 3-х лет получала первые призы. Начальниками команды и их помощниками были: подьесаулы Н. И. Аратовский (астраханец), Н. Н. Канцевич (семирек), Е. Г. Сычѳв (амурец) и **Войлошников (забайкалец)**» (выделено автором. — *Примеч. авт.*).

Павлу Ивановичу исполнилось 33, когда он попал на Олимпийские игры в Стокгольм. Его родственница рассказывала, что специально к Играм он не готовился.

Но позволю себе опровергнуть это утверждение. Ведь полк, в котором служил Войлошников, был на хорошем счету именно в стрельбе. «Стрелковое дело в полку было поставлено образцово. По стрельбе полк стоял в первых рядах среди Гвардейской кавалерии наравне с Гвардейскими пехотными полками. (Гвардейские пехотные полки считались ассами в стрелковом деле. — *Примеч. авт.*) Ежегодно проходили состязания на переходящий приз по стрельбе и владению холодным оружием. Казна не скупилась, и награды были ценными. Призом за стрельбу была братина, а за владение холодным оружием — серебряная трубка на пику.

Братина — русский шаровидный сосуд для питья алкогольных напитков. Использовался в XVI—XIX веках. Для особых случаев братина изготавливалась из золота и серебра с драгоценными камнями и чеканными узорами. Российский император Николай II пожаловал братину, созданную знаменитым ювелиром Карлом Фаберже, для награды за победу в десятиборье на Играх V Олимпиады, проходившей в 1912 году.

Командир А. И. Белов вспоминал, что в полку служило “немало отличных стрелков из офицеров и казаков. Из них полковник Хорошхин (уралец), есаул Белов, сотники Путинцев и Грибановский (сибиряки) и подьесаул Войлошников (забайкалец) выбивали право на Императорский приз”.

Результаты Войлошникова на Играх в Стокгольме: стрельба 50 м — личный зачет 34-е место, командный — 4-е место. С 30 м — личный зачет 24-е место.

В командной стрельбе из дуэльного пистолета на дистанции 30 м Павел Иванович стал серебряным призером Олимпийских игр 1912 года.

Торжественной встречи и почестей призерам на родине не оказали. Да и наша печать писала о стрелках скупо и без фотографий.

Давайте опять пройдемся по строчкам памяти, которые сохранили потомки олимпийских призеров. Вот что написала правнучка Войлошникова: «Выступал в составе команды по стрельбе из дуэльного пистолета. Результаты превзошли все ожидания. Россияне выбили 1091 очко, что оказалось вторым результатом. Благодаря большому числу попаданий в центр мишеней (118 против 117 у команд Великобритании и США) стрелкам сборной команды России были вручены серебряные медали. Так мой прапрадед внес вклад в общий успех, Тогда на спорт царское правительство смотрело как на развлечение, забаву для состоятельных людей. Поэтому никаких пышных встреч олимпийцам устроено не было. Свою медаль прапрадед “обмыл” только с однополчанами».

К сожалению, даже лучших, серебряных призеров из огромной команды олимпийцев в России не отметили, уж слишком болезненное было поражение на этих Играх. Рассчитывали все-таки на более приличное место, а тут команда потерпела полное фиаско: поделила, напомним, в неофициальном зачете 15—16 места с Австрией.

Испытания войной

Германия объявила войну России 1 августа 1914 года. И уже 8-го командир 4-й Приамурской сотни в составе лейб-гвардии Сводно-казачьего полка Войлошников прибыл на театр военных действий.

«Полк выступил в поход 8 августа 1914 года в составе: генералов — один, обер-офицеров — 28, шашек — 596. С начала августа до 30 ноября лейб-гвардии Сводно-Казачий полк нес боевую службу в непосредственном соприкосновении с противником, входя последовательно в состав конных отрядов, подчиненных Начальнику Варшавского отряда 9-й, 2-й и 1-й армий. В первом периоде боевых действий полк (находясь в составе Гвардейской казачьей бригады) нес боевую разведочную службу, боем отгоняя мелкие части противника, очищая от них Западную Польшу».

«9 сентября полком обнаружено наступление значительных сил с Запада от Калиша на Конин, под давлением которых части полка начали отходить. В этот день сотня полка обстреляла и сбила германский аэроплан, захватив офицера летчика в плен, и вывезла аэроплан, несмотря на явную опасность в непосредственной близости от неприятеля».

В одной популярной современной газете промелькнула заметка, будто олимпиец Войлошников загарпунил падающий аэроплан. Пусть это залихватское описание останется на совести автора. На самом деле сотня слышала шум аэроплана и сейчас же была собрана повзводно. Когда аэроплан летел над головным взводом, по команде открыли огонь. Появился дым, и под-

стреленный аэроплан начал снижаться. «Немедленно был отправлен разъезд в погоню, погнались также подьесаул Войлошников и хорунжий Токмаков. Аэроплан приземлился севернее деревни Константиновки. Летчик лейтенант Наумэр хотел бежать, но был задержан. Аппарат с помощью казаков и крестьян разобран подьесаулом Войлошниковым и хорунжим Токмаковым, и на подводах был увезен вместе с пленным в Штаб бригады». История больше для кино, но характеризует Войлошникова как человека очень решительного, мгновенно действующего по ситуации.

После захвата противником города Едвабне 4-я сотня вела разведку с флангов. «Подьесаул Войлошникова, зашедший в тыл противнику от дер. Кубурханы, во время боя 7 февраля доносил о расположении цепей противника, его батарей и в конце концов захватил весьма важное донесение бригадного командира. 8-го февраля от разведывательной полусотни под командой подьесаула Войлошникова были получены важные сведения о движении противника из Радзилова».

В каждом бою он доказывал верность присяге и в 1914 году получил звание есаула. Привожу выборку донесений командира лейб-гвардии Сводно-казачьего полка Войлошникова с 3 октября 1916 года по 17 октября 1916 года:

«Командующему Лейб-Гвардии Сводно-Казачьим полком. 1916 года 5 Октября 23 часа 5 мин. № 339.

Доношу — около 19 ½ час. вернулся с дневной разведки младший урядник Порфирий Сухарев с 6-ю казаками и донес, что 1) после проволочного заграждения нашего, шагов в 150 есть канава, идущая параллельно фронту позиции, ширина ее около сажени и чуть шире, вода проточная в ней, но дно топкое, вода в ней около аршина и менее, за канавой место довольно твердое — были прежде покосы, местами зыбкое вплоть до Стохода. За Стоходом болото, но для пеших проходимо, заросшее кустами и высоким выше роста камышом, местами вязкое (проваливались выше колен), это место слияния канавы со Стоходом и северо-западнее его. Местность восточнее слияния (83,5) суха, возвышена и чиста. Урядн. Сухаревым сделаны кроки расположения ближайшей проволоки противника, окопов и секрета.

Выйдя днем из камыша по ту сторону Стохода, разведчики были обстреляны наблюдательным постом из окопов. Под вечер сами разведчики обстреляли выставляемый секрет из 3 человек (притом постоянный). По пути встречаются ранцы, скатки, патроны, иногда лопаты и котелки, судя по записной книжке из ранца, 24 Сиб. стр. полка, все сгнившее, по болоту на той стороне встречается много тропинок, идущим к противнику, но на Стоходе все сходятся в одну, идущую к нашим позициям.

Подписал: Командир 4-й Приамурской сотни Есаул Войлошников

Командующему Лейб-Гвардии Сводно-Казачьим полком. 1916 года 8 Октября 8 час. 10 мин. № 340.

На фронте 4-й Приамурской сотни ночью был обстрел противником окопов около 21 час — десятью снарядами, один попал в окоп, перед тем около 4-х часов 8-го на секрет урядника Труднева выбежала собака и быстро убежала в сторону противника.

От 23 ч. до 1 ½ ч. подьесаулом Ивановым были проверены по всему фронту полка часовые-наблюдатели — были на местах, обязанности знали.

Подписал: Есаул Войлошников

<...> Около 3-х часов на секреты правого полевого караула Ур. Труднева наткнулась партия неприятельских разведчиков (видели 5 человек). Открыт был оружейный огонь секретами и полевым караулом (около 20 выстрелов). Противник скрылся в камыше и более уже не показывался.

Подписал: Командир 4-й Приамурской сотни Есаул Войлошников».

Еще один эпизод из жизни Павла Ивановича. Во время Гражданской войны он еле отбилсЯ от двух баргутов (монголоязычный народ) из Азиатской конной дивизии казачьего атамана Г. Семёнова. Дома в Цаган-Олуй, когда отдыхал с односельчанами, баргуты нагло попытались угнать их скот. Войлошников заступилсЯ, горячий конфликт с обидчиками мог довести и до убийства. Чтобы избежать беды, он вскочил на коня и поскакал в гору. Конь почему-то оказался со связными ногами. Баргуты быстро его догнали. Еще мгновение — и Войлошникову пришел бы конец. Но реакция и шашка спасла от гибели.

Тяжела профессия военного. Понятия чести и клятва воина — главные принципы Павла Ивановича. «Во время Великой войны был ранен 14 раз. И каждый раз возвращалсЯ на фронт». Генерал И. Ф. Шильников в своей книге «1 Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914—1918 годов» отмечал, что Войлошников «выдающийся офицер во всех отношениях — прекрасный строевик, спортсмен, выдающейся храбрости». «За отличия в делах против неприятеля» Павел Иванович Войлошников Высочайшим приказом от 5 марта 1915 года был пожалован мечами к уже имеющемуся ордену Святого Станислава 2-й степени, а приказом от 30 апреля ему было объявлено Высочайшее Благоволение. В 1916 году ему присвоили звание полковника.

В русской армии о спортивных занятиях всегда помнили. Особенно во время отдыха. СохранилсЯ запись в журнале боевых действий за 1915 год. «Сентябрь 11-е. Было собрание актива спорта полка под председа-

ством есаула Войлошникова. Решено устроить состязание офицеров полка: 1) в стрельбе из револьверов и винтовок, 2) в рубке и уколах пикой, 3) пробег на скорость на расстояние 15 верст».

Испытания войной семья Войлошникова прошла достойно. Его отец 62-летний Иван Никифорович ушел на фронт в декабре 1915 года и служил в составе 2-го Верхнеудинского казачьего полка. Братья Иван и Арсений воевали в 1-м Читинском казачьем полку. За военный подвиг Арсений был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

На фронт прямо из училища с маршевой командой ушел младший Андрей и сражался с врагом в составе Аргунского казачьего полка.

На распутье

Война перешла в революцию, а потом началась война Гражданская. К революции Войлошников отнесся настороженно. Хотя многие рассуждавшие о новом праведном пути для России посчитали революцию необходимым горьким лекарством для будущего расцвета. Но у Войлошникова было другое мнение. Весной 1917 года его назначают командиром 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Назначение не случайное, выбор пал на сильную личность, способную управлять людьми в кризисный период, когда отсутствовала военная дисциплина и начинались мятежи.

Его родственник, бывший председатель колхоза «Сибиряк» Гергий Евстафьевич Большаков, вспоминая о тех непростых днях, рассказывал, что Октябрьскую революцию Павел Войлошников не принял и стал активным участником в подготовке белого восстания в Чите. Однако от себя добавлю, что полковник все-таки не смог окончательно найти общий язык с лидерами Белого движения.

Чтобы прояснить обстоятельства того периода, приведу запись допроса полковника П. И. Войлошникова во время его ареста в 1938 году.

«Генерал Шильников и Сычѳв созвали нелегальное офицерское собрание активных офицеров в станице Титовской, где дали нам указание приступить к организации казачьих частей с целью подготовки восстания против Советской власти. Одновременно Сычѳв и Шильников связались с Атаманом Семѳновым, формировавшим в то время на территории Маньчжурии особый казачий отряд. Они договорились с Семѳновым о том, что в момент поднятия вооруженного восстания нашей организации он вступит со своим отрядом в Читѳ. В июле месяце 1918 года мы сумели сформировать два казачьих полка. С помощью этих полков мы взяли Читѳ и свергли Советскую власть.

Атаман Семёнов со своим отрядом несколько запоздал и вступил в Читу через неделю. Имея в своем распоряжении более превосходящие силы (4 полка), Семёнов начал вести линию на захват власти в свои руки и на оттирание от руководства Шильникова, Сычёва и меня. При формировании Армии и органов власти Семёнов на руководящие должности назначал своих сторонников, выживая участников нашей организации. На этой почве мы рассорились с Семёновым, и все трое — Шильников Сычёв и я покинули Читу и уехали в Иркутск, где приняли руководящее участие в формировании белогвардейских частей по заданию только что образованного Сибирского Временного Правительства. Сычёв связался с адмиралом Колчаком и обещал ему полную поддержку в захвате власти и разгоне эсеровского правительства. После установления власти Колчака Сычёв получил назначение на должность начальника Иркутского военного района, Шильников — командир Иркутской казачьей бригады». (Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области. АУД 7669 № 66—67.)

В 1919 году Павел Иванович — командир полка в бригаде Ивана Шильникова. Но на фронт их бригаду не отправили, так как в августе этого же года он был смещен с должности комполка атаманом всех казачьих войск Сибири Александром Дутовым.

Лихолетье

Прошла пора метаний и несогласия. Не смог, а может, и раздумал пробираться с семьей на чужбину. Нужно было выживать и приспособливаться к новым реалиям. Кажется, получилось: нашел неприметное местечко служащего в конторе «Заготосель» в Иркутске. Но не прошло и двух лет, как вспомнили о «боевых заслугах» казачьего полковника. 15 марта 1920 года заболевшего тифом Войлошникова арестовали. Правда, 10 мая освободили. Говорят, в освобождении немалую роль сыграл его успех на Олимпийских играх. Но через двое суток по доносу снова арестовали. Прошло десять месяцев заключения, и его как важного арестанта перевезли через всю страну в Москву. 14 ноября 1920 года заключили в Бутырскую тюрьму.

Приговор был ожидаемый. За активную борьбу с советской властью Павел Иванович Войлошников был приговорен к высшей мере наказания. К счастью, пощадили, заменив расстрел десятию годами изоляции.

В ноябре 1920 года по предложению заведующего юридическим отделом Московского Политического Красного Креста он заполнил «Опросный лист».

Политический Красный Крест — общее название ряда организаций, оказывавших помощь политзаключенным в Российской империи, Советской России и СССР.

В графе «Особые замечания (по возможности подробнее изложить сущность дела и допроса)» написал следующее: «В гор. Иркутске были в дек. 1919 г. мобилизованы все офицеры и чиновники по приезду Начальника военного района для защиты власти от наступающих повстанцев Полит. Центра и разделены на участки — на одном из второстепенных участков был я и нес службу часового три раза, не участвуя ни в чем. Всего же нахожусь не на свободе с 15-го марта, когда при первой регистрации был заключен в лагерь, как полковник, и освобожден 10 мая, а 12-го мая вновь арестован (личные связи были поводом к доносу). Подпись гражд. П. И. Войлошников».

Если комментировать эту записку, то она точно им выверенная — для следствия. В изложении «сущности дела» одно желание — спастись!

В декабре 1921 года он обращается в Московский Политический Красный Крест:

«Заявление заключенного Павла Ивановича Войлошникова, Бутырская тюрьма, изолятор Особого отдела ВЧК.

Убедительно прошу Вас сообщить моей семье по адресу: гор Иркутск, Успенская ул, д 27, — Екатерине Сергеевне Войлошниковой, что я нахожусь в г. Москве в Бутырской тюрьме, здоров, письма пишу еженедельно. 5 декабря 1921 г. Гражд. П. И. Войлошников».

Екатерина Сергеевна переживала и ждала писем. Судьбу свою она определила сама. Барышня из богатой дворянской семьи Петербурга оставила родных и друзей и связала свою жизнь с любящим человеком.

После объявления приговора Войлошникова отправили в Песковский лагерь, называвшийся еще Лагерем принудительных работ при Московско-Казанской железной дороге.

Судя по следующему документу, бывшего офицера перевели в новый лагерь. В марте 1922 года заведующий юридическим отделом Московского Политического Красного Креста обратился с заявлением к начальнику следственной части.

«НАЧАЛЬНИКУ следственной части при Гос. Полит. Управлении.

След. по делу Павла Ивановича Войлошникова.

Заключенный Кожуховского лагеря Павел Иванович ВОЙЛОШНИКОВ, находящийся для излечения в Ходынской больнице, обратился к Московскому Политическому Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство о пересмотре приговора по его делу и об его освобождении. При этом гр. Войлошников объяснил, что он был арестован в 1920 г. по ордеру ОО 5 армии

в Иркутске и в ноябре того же года доставлен в Москву. Постановлением Коллегии ОО ВЧК гр. Войлошников за службу у белых в качестве офицера присужден к заключению в лагерь на 10 лет. Гр. ВОЙЛОШНИКОВ по проф. военный, постоянно проживал в Иркутске. В 1919 г. он был мобилизован в армию белых, в которой и оставался до сдачи ее Красной армии. При регистрации б. офицеров гр. Войлошников был арестован. Принимая во внимание, что Войлошников лишен свободы около 2 лет, Московский Политический Красный Крест ходатайствует о пересмотре приговора по его делу и о его освобождении».

ОО ВЧК — особый отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при СНК РСФСР.

Ходатайство удовлетворили. В 1922 году Павел Иванович был досрочно освобожден.

Он снова с семьей и, прячась от иркутских властей, уезжает как можно дальше от города. Но спокойной жизни не получилось. В 1930 году его находят и обвиняют по ст. 58-2, 58-9, 58-11 УК РСФСР. И вместе с семьей высылают из пограничного района снова в Иркутск. И там, в Иркутске, он, когда-то хорошо рисовавший лошадей, работает чертежником в отделе капстроительства СУПРа и воспитывает троих сыновей и дочь.

Наступил 1937 год. Бывший полковник внимательно читал газеты и понимал: если доберутся до него, то плахи не миновать.

15 ноября 1937 года его арестовали. Теперь он проходил по делу о подготовке белоказацкого восстания в Прибайкалье.

«Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокуратура СССР 05.09.38 г. по ст. 58-1 “а”, 58-2, 58-8 УК РСФСР подвергнуть расстрелу.

Приговор: расстрел».

Приговор приведен в исполнение 19 ноября 1938 года в Иркутске. Судьба отпустила ему 41 год жизни, его жене Екатерине Сергеевне — 106 лет.

Его судьбу повторили братья Пётр и Иван Войлошниковы. Под разными предложениями они были арестованы и расстреляны в 1938-м.

Екатерина Сергеевна Войлошникова всю свою жизнь сохраняла память о любимом муже. В годы репрессий многое из реликвий — особенно фотографии и письма были изъяты и уничтожены. Но награды мужа, в том числе и серебряная олимпийская медаль, были надежно спрятаны и сохранены. Войлошникова завещала их самым близким родственникам и со слезами на глазах просила «беречь, беречь, беречь как самое дорогое, самое бесценное».

Как я узнала, Екатерина Сергеевна и Павел Иванович расписались только в 1909 году. У них родились сыновья Константин, Николай, самый младший

Михаил и дочка Галина, ставшая медсестрой. По ее стопам пошла Галина Геннадьевна Самсонова, довольно известный доктор. Именно она представила сохраненный рисунок своего прадеда. А серебряная олимпийская медаль сохранилась. Она у внука, Олега Васильевича Овсянкина.

Павел Иванович Войлошников был реабилитирован 20 сентября 1957 года.

*На фото, на стареньком, скачет
В атаку, исполнив свой долг,
Лейб-гвардии сводно-казачий
Забытый потомками полк.
Пока не утрачена Вера,
Пока цепенеют враги,
Ещё хороши офицеры,
И вахмистры в меру строги.
Еще дорожат орденами,
Пока не укрыла земля
«Георгия», «Анну с мечами»
И к шашке за храбрость темляк.
Пора лихолетья и смуты
У белых и красных в строю,
И точно придется кому-то
Сойтись в беспощадном бою.
Не нам их судить или славить,
Их век был жесток и кровав.
И нужно за ними оставить
На правду святые права.
А нам через многие дали,
Пусть помыслы будут чисты,
Казачьи кресты и медали
Вернуть в послужные листы!*

(Эти стихи написал безвременно ушедший земляк Войлошникова генерал-полковник Службы внешней разведки РФ Владимир Иванович Завершинский.)

СТРЕЛОК ЛЕТАЛ НАД ЦАРСКИМ ДВОРЦОМ

На старинной фотографии в летном шлеме Николай Мельницкий в кабине допотопного самолета. Он молод. И улыбается совершенно несерьезно, так бывает в минуты полнейшего счастья. Может быть, в те незабвенные минуты улыбался своей возлюбленной Верочке Лампе, ставшей ему женой.

Биография серебряного призера Игр V Олимпиады в дуэльной стрельбе Николая Михайловича Мельницкого типична для дворянской семьи. В Киеве окончил 2-й кадетский корпус, затем Павловское военное училище. С 1906 года карьерная лестница подпоручика лейб-гвардии Семёновского полка Мельницкого начиналась с должности заведующего оружием, старшего офицера учебной команды, а затем он стал начальником команды разведчиков, командующим ротой, заведующим школой подпрапорщиков.

С 1909 года в стране развивается авиационная промышленность. В 1910 году авиаконструктор Игорь Сикорский поднял в воздух первый самолет своей конструкции. В том же году прошел Первый Всероссийский праздник воздухоплавания, организованный Императорским всероссийским аэроклубом на Комендантском аэродроме. Летуны, как называли авиаторов, восхищали публику. Летчики видели землю с небывалой 200-метровой высоты и бешено мчались на своих деревянных аэропланах со скоростью 100 км в час. Сердце екало не только у юных дев.

А почитателей опасных прогулок по небосводу становилось все больше и больше. Один из них — Николай Мельницкий.

1912 год стал для него счастливым. Николаю еще нет 25, и ему здорово везет. В январе сбывается его мечта — направлен на теоретические курсы авиации при Санкт-Петербургском политехническом институте. Затем подпоручика откомандировали в Севастополь, где он учится летать на аэроплане.

Удача придет и на Играх V Олимпиады — он станет серебряным призером в командных соревнованиях по дуэльной стрельбе на 30 м.

29 июня, в субботу, в третьем часу после полудня на стрельбище Kalknäs в северном пригороде Стокгольма вышли спортсмены семи стран: Великобритании, Германии, Греции, России, США, Франции и Швеции. По регламенту в каждой команде четыре участника. Россию представляли стрелки из военного ведомства: «A. de Kache, N. de Milnitsky, P. de Woyloschnikoff, G. de Panteleymonoff». Приставка de обозначает принадлежность А. Каш, Н. Мельницкого, П. Войлошникова и Г. Пантелеймонова к дворянскому сословию. Список дается согласно набранным очкам на олимпийском

стрельбище. Эти командные соревнования официально назывались «Team Competitions with Revolver and Pistol. Distance 30 Meters (Duel Shooting)».

Команда России заняла второе место — 1091 очко. На первом, конечно же, были шведы, на третьем — стрелки Великобритании.

В других соревнованиях по стрельбе из пистолета Н. Мельницкий занял следующие места: с 30 м личный зачет — 22-е, с 50 м личный зачет — 33-е, командный зачет с 50 м — 4-е место.

После Игр в Стокгольме он вернулся к полетам. Отыскалась еще одна групповая фотография на фоне самолета «Русский Витязь», датируемая 25 июля 1913 года, на Красносельском плацу. В центре император Николай II, рядом конструктор «Русского Витязя» Сикорский, военный министр Сухомлинов и в несколько рядов расположились 23 авиатора 1-й авиационной роты. Среди них поручик лейб-гвардии Семёновского полка Мельницкий, прикомандированный к 1-й авиароте.

«Русский Витязь» — первый в мире четырехмоторный деревянный биплан, положивший начало тяжелой авиации.

К началу Первой мировой войны военно-воздушные силы России имели 39 авиационных отрядов и насчитывали 244 самолета. Это были одно и двухмоторные аппараты, в основном бипланы, с продолжительностью полета 2—4 часа и с максимальной скоростью 90—130 км/час.

Биплан — самолет с двумя несущими поверхностями (то есть крыльями), как правило, расположенными одна над другой.

В годы войны капитан лейб-гвардии Семёновского полка стал военным летчиком 14-го корпусного авиационного отряда. Летчик Мельницкий выполнял разведывательные полеты. У польского города Люблин, захваченного Германией и Австро-Венгрией, получил тяжелое ранение и был эвакуирован в Петроград. Документы свидетельствуют, что с 24 по 31 августа 1914 года лечился в 1-м госпитале Кауфманской общины Красного Креста. После выздоровления вернулся в свой отряд.

«За боевые заслуги, за отлично-усердную службу и особые труды, понесенные по обстоятельствам, вызванным войной», награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. В конце войны представлен командованием 9-й армии к награждению Георгиевским оружием и орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Но награды не успели вручить: началась революция и смена власти.

Георгиевское оружие — государственная награда Российской империи. К георгиевскому оружию относятся: шпаги, сабли, палаши, шашки и кортики с позолоченными эфесами, лавровыми украшениями на кольцах и наконечниках ножен. На эфесе имеется надпись: «За храбрость» и помещен крест ордена Святого Георгия.

В конце 1915 года Мельницкий получает новое назначение, его направляют в особый Авиационный отряд для охраны императорской резиденции в Царское Село. Приказом Верховного Главнокомандующего № 422 от 22 мая 1915 года в Царском Селе был сформирован авиационный отряд, задача которого — не допускать появления неприятельских воздухоплавательных аппаратов над дворцом. Запрещалось преследовать противника за районом Царского Села.

В Царском Селе Мельницкий служил старшим офицером, затем помощником командира авиационного дивизиона. В июне 1917 года ему доверяют сформировать 13-й армейский авиационный отряд, «командиром коего, — как сообщал позже Мельницкий, — я и состоял до отставки по болезни». Как охраняли царский дворец пилоты, видно из инструкции.

«Утверждаю.

Главнокомандующий, Генерал-Адъютант Рузский 12 июля 1915 года.

ИНСТРУКЦИЯ № 7 для действий специального авиационного отряда для воздушной обороны императорской резиденции.

1. Отряд назначается для воздушной обороны императорской резиденции в Царском Селе. 2. Отряд должен быть расположен в Царском Селе. 3. По тревоге отряд изготавливается к подъему, на что необходимо около 20 минут. 4. По приказанию Заведывающего обороной императорской резиденции отряд поднимается над Дворцом на разные высоты от 1700 мтр. до 3000 мтр. Для подъема на высоты от 1700 до 2500 мтр. необходимо около 1 часа. 5. Отряд при подъеме не вылетает из круга в пределах действия артиллерийского огня отдельной батареи для воздушной артиллерийской обороны императорской резиденции. 6. О подъеме каждого аппарата отряда Заведывающий обороной Царского Села предупреждает каждый взвод батареи отдельно. 7. Задача отряда — не допустить неприятельский аппарат появиться над Дворцом, причем преследовать противника вне района Царского Села воспрещается. 8. В ночное время дежурный летчик вылетает только в случае особо благоприятных условий (белые ночи). В темную ночь вылет бесцелен, так как розыскание невозможно, а для своих войск является крайне трудным отличить свой воздухоплавательный аппарат от неприятельского.

Вр. и. д. Начальника Штаба, Генерал-майор Бонч-Бруевич».

Ранение, а может быть, политическая ситуация в стране способствовали тому, что 11 апреля 1918 года летчик Н. Мельницкий, согласно медицинскому свидетельству врачебной комиссии Гвардейского Семёновского резервного полка, получил отставку по болезни.

Дворянин Мельницкий сделал свой выбор. С 14 декабря 1919 по январь 1920 года он участник Белого движения. Служил в 1-м Автомобильном ди-

визионе в войсках Северного фронта под руководством главнокомандующего Евгения Миллера.

С 14 февраля 1920 года капитан гвардии Мельницкий — начальник авиации Архангельского района и исполняющий должность командира Авиационного дивизиона (приказ Главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте № 442 от 14 декабря 1919 г., п. 5). В этом же году был произведен в полковники.

Когда красные войска разгромили белогвардейцев, полковник с женой эмигрировали. 29 апреля 1920 года они находились в норвежском лагере Варнес, где белогвардейцы проходили регистрацию. В 1922 году жили в Венгрии. С декабря 1926 года полковник уже Париже. Ему нет и сорока. Чем занимался и как выживал? Пока не знаю. Как и все эмигранты, закончившие кадетские училища, Николай Михайлович стал членом Общекадетского объединения. С 1951 года работал в правлении Союза русских дипломированных инженеров во Франции.

Авиатор, серебряный призер Олимпийских игр, дворянин Мельницкий прожил долгую жизнь, завершив свой земной путь 7 ноября 1965 года в небольшом городке Ганьи, что недалеко от Парижа.

ОН ХОТЕЛ ОСТАВАТЬСЯ МОЛОДЫМ

Старик с прямыми плечами и аккуратно подстриженной седой бородкой, из которой проглядывали жесткие темные волоски, устроился в поезде у окошка, поставив рядом небольшой чемоданчик. В пассажирском вагоне 4 декабря 1948 года было не то чтобы холодно, но, понимая, что путь до санатория предстоит неблизкий, Амос Маркович замотал шею шерстяным, мягким от многочисленных стирок кашне. Ему уже за 80, и, как всякий умудренный ушедшими днями человек, он оберегал себя.

Уже совсем скоро отправление поезда. Сердце тяжело билось. Он приклонил голову к холодному стеклу, прикрыл глаза. В такие минуты обрывки значимых и совершенно пустяковых событий накатывались яркими фантомными вспышками без какой-либо причинной связи. Ох уж эти ушедшие дни...

Вспоминал своих родителей, от которых у него столь необычная фамилия — Каше, но по глупости какого-то должностного дурака срезанная: убрана последняя гласная «е». И рано овдовевшую маму, Людмилу Алексеевну, твердо верившую в императора Николая II и победу российских

войск в Первой мировой. Для сына она сочинила «Марш, посвященный 26-му саперному батальону». Именно в этом батальоне в ноябре 1914 года началась его фронтовая жизнь. Мелькнуло молодое красивое лицо обожаемой Женечки, бесстрашно приезжавшей к нему на фронт и ушедшую так несправедливо рано, в 1919-м, от сыпного тифа вместе с их сыночком Адиком.

Как много горького и прекрасного. С детства знал, что станет офицером. После 1-й военной гимназии учился в Павловском военном училище. И там его умение обращаться с оружием оценили значком «За отличную стрельбу».

В 1895 году торжественно вручили первый орден Святого Станислава 3-й степени. Потом тоже было много наград. Жаль, самую главную — серебряную олимпийскую медаль за Олимпийские игры 1912 года — не сумел сохранить. Все ордена и медали ушли в Торгсин в начале голодных 1930-х. Зато в тот день накопили много вкусной еды. Дети радовались, взрослые понимающе сочувствовали. А его душа тихо постанывала, потому что в чужие руки навсегда ушло его победное осязаемое величие, его бесценное военное и спортивное прошлое. От той медали осталась только красная бархатная коробочка. И фотография его команды, «выбившей» второе место на Играх 1912 года в дуэльном соревновании на дистанции 30 м.

Мастерство стрелка помогало в голодное советское время. Улыбка скользнула по изможденному лицу старика: напротив их дома, в саду доктора Павловского, он стрелял из винтовки по воронам, а весной охотился на грачей. На обед получался хоть какой-то суп наподобие мясного.

Конечно, до войны 1914-го все было иначе. Выстроил для себя и родни три дачи. Женился. Появились дети. Его мастерство впервые оценили при обстоятельствах скорбных. В 1894 году поручили установить электроосвещение в Петропавловской крепости «на время печальной церемонии перевезения и погребения тела в Бозе почитаемого Императора Александра III». Сделали все отменно. Недаром он считался лучшим в Военно-электротехнической школе.

Долгие годы изобретал для армии, благо «Общество взаимного кредита», где работал, поощряло его опыты. Получены патенты на пистолет-ракету для сигнализации, на пиррофорное огниво, портативную механическую мишень...

Только вот при советской власти все круто поменялось. В его квартиру подселили чужих людей. После революции это называлось уплотнением. И надо было приспособливаться, выживать, терпеть и как-то общаться с уплотнителями.

Но страшнее всего оказались чистки. Чекисты в кожанках почему-то предпочитали врываться глубокой ночью. И весь дом, замирая от ужаса, все-все слышал и молчал. Многих друзей и знакомых увели безвозвратно. Но его судьба помиловала.

Понимал: новой войны не миновать, потому продолжал работу. Вся комната завалена чертежами и моделями. Просил помощи. Но оказалось никому ничего не нужно. Только в 1936 году газета «На страже» опубликовала статью «Дорогу ценным изобретениям». Уже во время новой мировой войны в 1940 году снова появилась огромная публикация «Почему задерживается изготовление приборов тов. КАШ?»

Писали о важности его работ. Что толку? Он еще сильнее занервничал и даже приоткрыл рот, чтобы заглотнуть так не хватавшего воздуха. Не получалось. Онемевшими пальцами медленно вытащил из кармана коробочку с таблетками. На мгновение показалось, что стало лучше. Всполохи ярких и даже приятных картинок прошли перед глазами. Сосредоточенное лицо второй жены Нади со сказочным, ниже пояса, шелком волос. Зеленая, с пестрыми, им же сотворенными игрушками, елка. Лица детей и внуков. Они преданно улыбались ему и почему-то все уменьшались.

Резкая боль точно выстрелила в левую лопатку. И лица разом исчезли. А перрон со спешащими по грязному вокзальному снегу людьми превратился в необыкновенную божественную радугу.

Амоса Марковича Каша похоронили на Ваганьковском кладбище рядом с храмом Воскресения Словущего.

Его не забывают. На Ваганьково приходит, правда, теперь совсем редко, его любимая уже немолодая внучка, которая бережно хранит историю своей семьи.

Крохотная однокомнатная квартирка в доме по улице со странным советским названием Первый Амбулаторный проезд. Меня, туда пришедшую, встретила невысокая, стройная, с вьющимися слегка волосами Алла Евгеньевна. Она и есть внучка призера Олимпийских игр 1912 года Амоса Марковича Каша. На стенах со старинными обоями много фотографий и картин, выполненных маслом. Заметив мой взгляд, Алла Евгеньевна объясняет:

— Амос Маркович не учился живописи. Но был замечательным художником-поэтом. Эти пейзажи далеко не все: что-то пропало, что-то у родственников. Писал их уже в советское время в перерыве между борьбой за сохранение своей 17-метровой комнаты и за персональную пенсию.

— Ваш дедушка, безусловно, талантливый человек.

— Слово «дед» в семье было под строжайшим запретом. Мне разрешали его называть только «мамин папа». Думаю, такая деталь показывает, что он хотел оставаться молодым. Помню его все время чем-то занятым, он что-то всегда придумывал. И еще одна черточка к характеру — не признавал

никаких спиртных напитков. За всю свою долгую жизнь только на свадьбе с моей бабушкой Женей пригубил из этой маленькой рюмочки.

Алла Евгеньевна достает из буфета крохотную, размером со спичечный коробок, рюмку, и мне с трудом верится, что этот сохраненный хрупкий раритет был в сильных руках мужчины — совершенного трезвенника и отменного стрелка.

— Алла Евгеньевна, а как при таких строгостях вас называли домашние?

— Моя мама Галина Каше была влюблена в знаменитую актрису МХАТа Аллу Константиновну Тарасову и в ее честь дали мне имя. Но дома звали меня Лялюлей или просто Лю. Мамочка все успевала. И не только вырастила детей, но и стала известным педагогом-дефектологом, член-корреспондентом Академии педагогических наук СССР. На долю поколения моих родителей пришлось много бед и горя. Жили очень бедно. Я хочу вам прочитывать несколько фраз из письма моей мамы к мужу. «Лялюля (это про меня) носит твои боты. Не знаю, в чем бы она ходила. Сейчас в продаже бот совсем нет, а в калошах после болезни холодно. Есть ли в Ленинграде керосинки? Купи обязательно. Посылаю две белые тряпочки для ремонта белья».

Вы понимаете, как мы все тогда жили? Поэтому, когда деда отправили на лечение в интернат для инвалидов, это в Переделкино, и он, очень нездоровый 76-летний человек, умудрился изобрести там паровую ванну для лечения, это было счастьем. Ведь его наградили одеждой.

Даже есть такой документ в нашем архиве. Ведь Амос Маркович все собирал и старался все подписывать. На обеденный стол ставится довольно объемный деревянный ящик. Хозяйка бережно его открывает и находит нужную бумагу.

«Приказ 230

По Республиканскому Интернату НКСО для инвалидов отечественной войны.

Ст. Переделкино 2 сентября 1944 г.

Обеспечиваемым Каш за короткий срок пребывания его в интернате изобретена паровая ванна, оправдавшая себя в медсанчасти — объявить благодарность и премировать пиджаком и ботинками.

Директор интерната
Хабибуллина».

Мне предоставили уникальную возможность изучить архив. Внимательно читаю документы. Вся жизнь Амоса Марковича связана с армией. Служил в 1-м стрелковом батальоне в городе Плоцке. «На соревнованиях среди офицеров 23 июля 1890 года выполнил условие на получение обыкновенного приза, выбив сумму квадратов триста пятьдесят девять». В 24 года получил чин поручика.

В его автобиографии отмечено учебное заведение, которое определило его творческий путь инженера-изобретателя. С 1892 по 1894 год учился в Военно-электротехнической школе в Петербурге, а затем получил должность в Инженерном корпусе заведующего телеграфно-телефонного дела, топографии и математики. Там даже составил учебник по этим предметам.

— Инженерный корпус, в котором служил мой дедушка, находился в здании Михайловского замка. И, конечно, родному заведению повезло. В 1900 году под его руководством замок был электрифицирован.

— Получается, что ваш родственник был главным специалистом по электрификации дворцов?

— Не совсем. Офицеры, окончившие курс, получали право на ношение особого нагрудного знака и распределялись в инженерные войска. Преимущественно крепостные минные роты и телеграфы. В 1894 году деда командировали во 2-ю саперную роту, которая участвовала в дальних маневрах у Смоленска. В марте 1896 года он уже в чине штабс-капитана зачислен в инженерные войска начальником центральной станции Санкт-Петербургского Военно-Полицейского телеграфа. Там он придумал схему соединения трех телеграфных станций, что для того времени было диковинкой.

Дедушка все время что-то конструировал. Когда я была маленькой, то подолгу стояла в его комнате. Она была заставлена какими-то необычными приборами. Как зачарованная смотрела за аппаратом, который ловко набивал ватой елочные морковки, лимоны, вишенки. До сих пор эти игрушки украшают новогоднюю елку. В нашем доме хранятся ящички, шкатулки, полочки и альбомы, сделанные золотыми руками деда.

— Сколько изобретений Амоса Марковича внедрено?

— Трудно ответить на этот вопрос. Думаю, у него больше тридцати изобретений. К сожалению, большинство так и осталось на бумаге. Правда, до революции его новшества все-таки помогали военным. Посмотрите вот этот документ.

«№ 202-в.

**ПРИКАЗАНИЕ
ПО ВОЙСКАМ ГВАРДИИ И ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
в С.-Петербурге**

Октябрь 16 дня 1908 года

Циркуляром Главного штаба 1908 г. № 51 рекомендовано к обращению в войсках приборы капитана Каша типа № 2 — для ночной сигнализации, стоимостью 13 руб., и циркуляром 1907 г. № 128 — прибор типа № 3, стоимостью 3 руб. для обучения звуковых знаков.

Ввиду выяснившихся на опыте преимуществ этих приборов перед всеми другими Августейший Главнокомандующий изволили приказать приобрести их в каждой части, по возможности на каждую роту, эскадрон, сотню и батарею, и настойчиво вести в частях занятия оптической сигнализацией.

Для более успешного хода занятий тем же изобретателем составлены наглядные стенные таблицы, карманные книжки для нижних чинов и учебник с описанием и наставлением для пользования приборами и обучения сигнализацией.

Приборы и пособия продаются у капитана Каш. СПб, Васильевский о-в, 11 линия, д. 34».

— Безусловно, ваш дед самородок и даже успешный предприниматель. Тем более в то время уже была семья, которую требовалось достойно содержать. По документам офицеру Кашу было 29 лет, когда он женился.

— В Москве он познакомился с Женечкой, дочерью статского советника и директора мужской гимназии Ивана Григорьевича Семёновича. Их роман завершился свадьбой. Но было необходимо не только родительское благословение. Как военнослужащий он обращается к начальнику Военной электротехнической школы полковнику Романову с просьбой получить разрешение на «вступление в первый законный брак с девицей Евгенией Ивановной Семёнович, 21 года от роду, православного вероисповедования». И в 1898 году они венчаются в церкви Ржевской иконы Божией Матери, что у Пречистенских ворот.

— Кажется, жизнь вашего деда складывалась удачно. Любимая жена, интересная работа. Молодость — это самое солнечное воспоминание.

— Я думаю, они были счастливы. Но в стране наступила политическая нестабильность, и у деда пошли неприятности на работе. Власти стали подозревать его в инакомыслии. А причина — младший брат Аркадий, которого в 1906 году арестовали за революционную пропаганду. Заодно блюстители порядка сочли неблагонадежным и старшего Амоса, который не чуждался просветительских разговоров, и не только среди друзей. В наказание направили подальше в глухое местечко Остроленко на северо-востоке Польши. До места дед не доехал, его арестовали. В Варшавской крепости отсидел почти год. В 1907 году он возвращается в Кронштадт, только уже в чине младшего офицера в минную роту. В 1908-м его даже повышают — назначают начальником Либавского крепостного военного телеграфа в Кронштадте.

— Какие резкие перемены в жизни Амоса Марковича. Как же он попал на Олимпиаду? Ведь тогда ему было уже немало — 44 года.

— Дед по всем показателям был одним из лучших стрелков России. В 1897 году его наградили вторым Императорским призом за стрельбу из

револьвера, в 1898-м — за стрельбу из ружей. В 1905 году он выступал от Санкт-Петербургского атлетического общества на Всероссийском чемпионате любителей в стрельбе из револьвера, и ему вручили первый приз. Самое значимое для нашей семьи — это участие деда в Олимпийских играх 1912 года в Стокгольме. Он достойно выступил в дуэльной стрельбе на 30 м. Их команда заняла второе место. Из всей четверки благородных офицеров он отстрелялся лучше всех, выбив 281 очко. Им всем вручили серебряные медали из настоящего серебра. К сожалению, многие ценные вещи были проданы в голодные годы. Ушла и эта медаль. Остался лишь красный футляр, в котором сейчас хранится совершенно другая награда — за первое место во Всероссийском чемпионате любителей в стрельбе из револьвера 1905 года. Только на крышке футляра отмечено то памятное олимпийское событие — «Olympiska. Spelen. Stockholm. 1912 II PRIS». На внутренней стороне коробочки уже чернилами выведено рукой деда «Кашь 1912».

— Алла Евгеньевна, в книге первого олимпийского чемпиона России по фигурному катанию и многократного чемпиона по стрельбе Николая Александровича Панина-Коломенкина есть интересное воспоминание об итогах соревнования 1905 года. Судя по его воспоминаниям, он и Каш не раз встречались. «Стрельба из пистолета и револьвера на звание чемпиона России по правилам Общества длилась целый месяц. Семичов (лучший стрелок того периода. — *Примеч. авт.*) представил мишени в 43, 42, 42, 42 и 42 = 211 очков. Вторым был капитан Кронштадтской крепостной артиллерии А. М. Каш, представивший мишени в 44, 43, 42, 40 и 39 = 208 очков. Если бы на чемпионате шли только три мишени, а не пять, то он был бы чемпионом. Но ровность стрельбы совершенно правильно дала Семичову преимущество, и Каш получил 1 приз (таким считался приз, следующий за чемпионатом)». А сам Панин-Коломенкин набрал 207 очков.

А как сам стрелок Каш оценивал выступления российских спортсменов на Играх 1912 года?

— По-моему, негативно. Сохранилась его интервью, опубликованное в январе 1936 года в газете «Ворошиловский стрелок»: «В общем, на Олимпиаде мы позорно провалились. Победителем на Олимпиаде считалось то государство, которое займет наибольшее количество классных мест: за первое место зачитывалось 3 очка, за второе — 2 очка и за третье — 1 очко. Швеция, Англия и Америка каждая получила около 120 очков. Россия... — 7 очков. Эти очки сложились из нашего командного второго приза за стрельбу из дуэльных пистолетов и из двух третьих призов по другим видам спорта». (Здесь допущена ошибка. Команда России на Играх V Олимпиады завоевала всего 4 медали: 2 серебряные и 2 бронзовые. — *Примеч. авт.*)

— Алла Евгеньевна, я вижу в вашем архиве фотографию российских спортсменов — участников Игр 1912 года в Стокгольме. Эта очень ценный, уникальный снимок для истории нашего спорта. Мы до сих пор не знаем, как выглядели некоторые наши атлеты — призеры Игр V Олимпиады. На обратной стороне даже есть автографы. И надпись вашего деда: «Фото то сделано 26 сентября 1912 года в Стокгольме».

— Для нашей семьи эта фотография бесценна. Мы гордимся дедом. Он и дальше продолжал выступать. В 1913 году боролся за первое место на первой Российской Олимпиаде в Киеве. Вот заметка, вклеенная в его альбом: «Состязания по стрельбе состоялись на Первой Российской Олимпиаде в Киеве на сырецком военном стрельбище и на стенде Императорского общества правильной охоты. Весьма оживленным были стрельбы из пистолета и револьверов на расстоянии в 25, 30, 50 метров.

В индивидуальной целевой стрельбе из пистолета первый приз получил кронштадтец капитан Амос Маркович Каш, начальник Либаво-крепостного телеграфа, получивший приз за стрельбу и в прошлом году на Олимпийских играх в Стокгольме.

Все жалуемые призы состоят из различного рода огнестрельного оружия с вензелевым изображением Имени Его Императорского Величества и надписью за отличную стрельбу. Киев 1913».

Деда как спортсмена и военного инженера-изобретателя ценили и приглашали на важные совещания. В 1913 году он участник заседания по развитию стрелкового спорта в средних и высших учебных заведениях России, созванном генералом В. Н. Воейковым, который в том же году занял пост Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи.

— Алла Евгеньевна, я читала, что в Риге летом 1914 года, на второй Российской Олимпиаде Амос Маркович тоже победил в соревнованиях по стрельбе из пистолета. Только Первая мировая война оборвала эти состязания. Не успели даже вручить награды. Офицеры получили приказ срочно покинуть Ригу и вернуться в воинские части.

— Моему деду было 46 лет, когда его мобилизовали. Точная дата — 2 ноября 1914 года. Жену и троих детей отправили к бабушке и дедушке в Москву. Письма с фронта приходили в 1914 году из Нарвы, в 1915 году из Кракова. В автобиографии он обозначил коротко: «С 1914 по июль 1917 г. был на фронте, в боях на Карпатах и под Перемышлем. С ноября 1916 по июль 1917 находился в походах против Германцев и Австрийцев со штабом 5-й армии».

Из действующей армии 11 ноября 1916 года пришло письмо его маме Людмиле Алексеевне. В конверт была вложена фотография, где рядом с Амо-

сом Марковичем его жена. «Дорогая мама! Посылаю тебе нашу карточку. Снимались можно сказать на позициях — в крепости. Женя приезжала на три дня. Очень довольна, что повидала меня, и я тоже... Я здоров, целую крепко, любящий тебя сын Амос».

Документы свидетельствуют, что Амос Маркович исполнял должность заведующего инженерной частью. В июле 1917 года переведен в Москву в 1-й запасной телеграфно-прожекторский полк. В августе его отправили в Харьков для принятия командования 1-м запасным саперным полком.

— Хорошо известно, что офицеры царской армии подвергались репрессиям после революции. Но Амос Маркович в советское время не пострадал и активно развивал стрелковый спорт, работал в ДОСААФ. Даже имел награды.

— К счастью, удалось избежать самого страшного. Помог случай. Как мне рассказывала моя мама, дедушка в те годы считал революцию благом для страны, уставшей от войны. К его мнению прислушивались не только солдаты. В автобиографии он отметил, что в октябре 1917 года его саперный полк стал на сторону РСДРП, боровшейся против Временного правительства.

А дальше произошло весьма любопытное событие. Дед был послан полковым революционным комитетом в Петроград в Смольный. Провожали торжественно, с музыкой. В конце октября 1917 года он доложил товарищу Ленину, что «полк находится в его распоряжении». Из Петрограда поехал обратно в Харьков, но по дороге заболел сыпным тифом и в Москве был снят с поезда. Вы понимаете, что встреча с Лениным сыграла важную роль. Она спасала. Его обходили стороной определенные органы. Да, он сумел поладить с советским режимом. Хотя довольно скоро понял, что новая власть для него совершенно чуждая. Родственник его жены был казнен, многие друзья исчезли. Но необходимость выжить заставляла.

— То есть он стал играть роль преданного борца за власть Советов?

— Так нельзя говорить. Дед всю жизнь оставался преданным стрелковому спорту. И главное — был кормильцем и защитником семьи. После болезни служил в оперативном отделе штаба Реввоенсовета Республики консультантом по техническим вопросам, заведовал радиосвязью. В его распоряжении были радиостанции иностранных государств. (Привожу речь моей собеседницы дословно. — *Примеч. авт.*) В октябре 1919 года стал инспектором в правлении связи Красной армии и ездил в командировки на фронт. В июле 1921 года был демобилизован, но остался на службе добровольцем и даже принял красную присягу. Потом преподавал в Высшей военной школе связи РК и развивал стрелковый спорт.

«Красная присяга» — приказ Реввоенсовет Республики. Издан 13 апреля 1922 года за № 849. Распространялся на всех граждан РСФСР независимо от

их религиозного исповедания. Состоял из 6 подпунктов. Для понимания сути привожу дословно содержание двух пунктов.

«...5) Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступать на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни. 6) Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука Революционного закона...»

— Можно ли сказать, что принятие присяги новой власти должно было способствовать в борьбе за выживание?

— Наверное. Тем более в семье случилось горе. В 1919 году от брюшного тифа умерли жена Евгения Ивановна и старший сын Аркадий. Через год Амос Маркович вступил в брак с Надеждой Антонюк, двоюродной сестрой своей покойной жены. Она красивая, молодая и давно в него влюблена. А его дочери, моей маме, тогда было всего 12 лет. Чего только она не пережила. У меня сохранились воспоминания моего дяди, Михаила Амосовича, родного брата мамы: «Отношения в семье складывались непросто. Дети фактически были предоставлены самим себе. После смерти мамы отцу было трудно. Я не хочу сказать, что отец был строгим или несправедливым, но он явно не умел воспитывать».

— Но внуков любил, — продолжает Алла Евгеньевна, — меня часто гладил по головке. Набожным особенно не был, правда, в последние годы меня и брата водил в церковь.

В «Заветах Ильича» у нас был огромный участок. Дед бережно относился к природе и научил меня собирать грибы. Еще он резал белые на мелкие кусочки, бросал их в ведро с водой и разливал под елочки для будущих урожаев.

— В вашем архиве сохранились старинные часы на серебряной цепочке. На циферблате красная звезда с серпом и молотом. Внизу черный кружочек. И надпись: «Рекорд СССР».

— Это наградные карманные часы знаменитой ювелирной фирмы И. П. Хлебникова. На циферблат умельцы припаяли советский символ. А внизу черный кружок — символ мишени. Амос Маркович стал победителем в личном зачете на первом чемпионате СССР по стрельбе, состоявшемся в 1923 году в Новогиреево. А в возрасте 61 года выиграл соревнования в стрельбе по тарелочкам на первой Всесоюзной спартакиаде 1928 года.

— Давайте вернемся к его изобретениям. Неужели при советской власти ваш дед не реализовал свои проекты?

— В автобиографии, которую он написал в 1948 году, отметил: «Когда кончилась эпоха военного коммунизма, меня снова потянуло к любимому спорту». Он не только стал организатором стрелкового дела в стране, но и еще изобретал различные усовершенствования для стрельбы. В архиве есть заявочные свидетельства за 1926 и 1927 годы, патенты на изобретения 1928 и 1932 годов, справки об изобретениях 1934 и 1946 годов от Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. Заключение специалистов. В конце концов на него обратили внимание и даже помогли. При содействии Военно-научного исследовательского комитета при РВСР и Центрального совета ОСОАВИАХИМа установили в комнате токарный станок и предоставили необходимое оборудование. 17-метровая комната мало походила на жилище. Ее перегородили шкафом на две половины, в одной стояли две узкие кровати для деда и тети Нади. В другой помещались изобретения деда, его бумаги, макеты. Они были всюду: в шкафу, на столе, висели в несколько рядов над токарным станком на крючках и гвоздях вперемешку с картинами и фотографиями. Комната стала лабораторией, в которой проводились экскурсии, сюда приходили стрелки, представители многих организаций. Дед создал множество различных приборов. Для тренировки глаза на ровную мушку, для упражнения в прицеливании и наводке винтовки и пулемета, для скоростной стрельбы подвигающимся целям... Всех изобретений не перечесать. Для тренировки меткости стрелков нарисовал панораму размером 1,5 м на 0,5 м. Горы, серое небо. На этом фоне появлялся картонный фашист. Если стрелок промахивался, то фашист продолжает движение. При точном выстреле на место сбитого врага поднимается красный флажок. На второй панораме летящий аэроплан, скорость которого можно регулировать. Появлялся даже строй солдат. В кратчайшее время стрелку необходимо поразить максимальное количество целей.

Но все равно даже в предвидении войны его изобретения не получили должной оценки. Посмотрите статью с кричащим заголовком, опубликованную в апреле 1940 года: «Когда стрелковые кружки получают приборы Каш?» Журналист поведал о судьбе изобретений деда: «Ежегодно осоавиахимовские организации тратят на подготовку ворошиловских стрелков миллионы патронов. Между тем опыт, накопленный за последнее время, позволяет расход патронов снизить. Достигается это путем применения приборов для беспатронной стрельбы и улучшения всей системы обучения стрелка».

Дедушка многое умел. Когда репродукторов в домах еще не было, он собрал детекторный приемник. Потом было еще любопытное изобретение — винтовка-пулеуловитель.

Но всю жизнь шла непрерывная борьба за внедрение, а потом и за персональную пенсию. Особенно много публикаций было в предвоенные годы, их тема — почему изобретения Каша не реализованы? Почитайте еще одну выдержку из статьи «Стрелки зовут его “стрелковым дедушкой”».

«Начиная с 1924 года Амос Маркович упорно и настойчиво изготавливает приборы и пособия для подготовки и тренировки в стрельбе. Таких приборов и пособий наберется с полсотни. Определенный набор приборов системы т. Каша позволяет любому стрелковому коллективу открыть у себя “мастерскую навыков стрелкового искусства”. Стрелковые спортивные организации используют только немногие, отдельные приборы т. Каша. А жаль! Идея “Мастерская стрелковых навыков”, выдвинутая “стрелковым дедушкой”, заслуживает самого серьезного внимания».

— Ваш дед сумел выстоять и сохранить достоинство в пору революционного слома государства. Его не обошли наградами в царской России. Даже в 1897 году отметили медалью для ношения на груди на ленте государственных цветов как счетчику, участвовавшему в Первой всеобщей переписи населения Российской империи.

— Наградных бумаг немало. Особенно до революции. После, уже в советской России, он, несмотря на возраст, выступал в 1947 году на соревнованиях старейших стрелков России. И самая важная советская награда получена только в 1948 году, когда ему уже было за 80, за активную оборонно-массовую работу и личные заслуги в деле укрепления организаций ОСОАВИАХИМ гор. Москвы. Ему вручили нагрудный знак «Активист ОСОАВИАХИМ СССР» за подписью самого Буденного.

Наша встреча с Аллой Евгеньевной подходила к концу. Мне показали еще картины, резные миниатюрные коробочки, рамочки, которые сделал Амос Маркович. Все эти свидетельства такой насыщенной жизни невольно приближали меня к тем далеко ушедшим дням.

Мои герои стали еще ближе. Им довелось жить в необычное время, в двух эпохах и на себе прочувствовать болевой перелом истории. Они пережили Первую мировую войну, российскую революцию, а уцелевшие — еще и новую войну, и новые испытания. Конечно, у них были счастливые и даже безмятежные годы. Но еще много, еще больше — неимоверно тяжелого. Одни мои герои стали служить новым идеям или... приспособливаться. Другие бежали в дальние страны. Как им казалось, временно, а получилось навсегда. Там, в чужих краях, немногим удалось устроить свою жизнь. Гнули не только болезни и нищета. Память не давала успокоения. Но все они боролись за будущее своей России. Такое, каким они это будущее представляли. Они заслужили, чтобы их помнили.

В заключение хочу поблагодарить помогавших мне в работе над этой книгой. Это родственники моих героев-олимпийцев: правнучка Павла Войлошникова врач Галина Геннадьевна Самсонова; его внучатый племянник журналист и историк Андрей Владиленович Бурлаков; внучка Амоса Марковича Каша Алла Евгеньевна Кулевская.

Большую помощь мне оказали Елена Васильевна Пронина, документовед Исторического центра НГУ им. П. Ф. Лесгафта; Елена Ивановна Сидорова, директор Историко-спортивного музея РГУФКСМиТ (ГЦОЛИФК); сотрудники Борзинского районного краеведческого музея.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агеевец В. У.* ...И генерал Бутовский для России. М.: Советский Спорт, 1994. 30 с.
2. *Александровец*: ежемесячный листок Зарубежного общества Александровского военного училища / изд., ред. ген. А. А. Курбатов. Варна: А. А. Курбатов, 1929—1932.
3. *Анохин А.* Первая Российская Олимпиада в Киеве. Приложение к «Всероссийскому календарю спортсмена» за 1914 г. Киев, 1914. С. 9.
4. *Анохин А. К.* Предстоящей Российской Олимпиаде в г. Киеве // Русский спорт. 1913. № 26. 30 июня. С. 4.
5. Борзинский районный краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL: <https://borzmuz.wixsite.com/borzmuz/--1-srkb> (дата обращения 03.06.2021). (Администратор Роман Литвинцев).
6. *Бриль Б.* Кронштадтцы-олимпийцы // Кронштадтский вестник. 2011. № 14. С. 8.
7. *Бутовский А. Д.* Афины весной 1896 года. М.: Унив. тип., 1896. 33 с.
8. *Вешке А.* Первая Российская Олимпиада // Русский спорт. 1913. № 33. 18 авг. С. 5—6.
9. Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Vestnik Glavnogo pravleniia Obshchestva Gallipoliitsev. Белград: [б. и.], 1923—1926. 23 с.
10. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Войлошников,_Павел_Иванович.
11. *Виниковский Вольфман.* Ночная атака сводной бригады 2-й гвардейской дивизии у Тарнавки (8—9 сентября 1914 г.) // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 150.
12. *Гавриил Константинович.* В мраморном дворце: воспоминания / вел. кн. Гавриил Константинович. М.: Захаров, 2005. 383 с.
13. ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 181. С. 24, автограф.
14. ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 181. С. 25, автограф.
15. *Владимиров Л.* Возвратите их на Родину! (Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии). М.: Красная Новь, 1924. 59,2 с.
16. *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 568 с.
17. *Волков С. В.* Белое движение в России: организационная структура (Материалы для справ.). Рос. ист. воен.-полит. б-ка. М., 2000. 368 с.
18. *Воронцов О. В.* Первая Российская Олимпиада. М.: Физкультура и спорт, 2006. 128 с.
19. *Вьюник В. А.* Счастливый псевдоним. Л.: Лениздат, 1986. 111 с.
20. *Голдин В. И.* Солдаты на чужбине: русский обще-воинский союз, Россия и русское зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 794 с.
21. *Грибанов С. В.* Пилоты Его Величества. М.: Центрполиграф, 2007. 381 с.
22. *Даватиц В. Х., Львов Н. Н.* Русская армия на чужбине. Белград: Рус. изд-тво, 1923. 123 с.
23. *Дарков С. К.* Кадетский биографический справочник. 1701—1918. М.: Д. С., 2007. 554 с.
24. *Дёмин Р.* Из купцов в олимпийцы // Красное знамя. 2011. 15 сент. С. 2.
25. *Дёмин Р.* Елецкий олимпиец // Красное знамя. 2016. 10 сент. С. 2.
26. *Думин С. В.* Романовы. Императорский дом в изгнании: семейная хроника. М.: Захаров. 1998. 380 с.

27. *Дюперрон Г. А.* Первая Русская Олимпиада // *Весь мир.* 1913. № 36. С. 25.
28. *Дюперрон Г. А.* Правда об олимпийском комитете // *Русский спорт.* 1911. № 11. С. 2.
29. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 2 / сост. П. П. Боханов, Ю. Н. Грачев, Т. И. Давыдова. Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 1999. С. 171.
30. *Завершинский В. И.* Оренбургские казаки в Лейб-гвардии сводном казачьем полку Калмыки в Тарутино и Новолинейном районе. М., 2013. С. 3–32.
31. *Зерчанинов Ю.* Жизненный путь славного русского спортсмена доктора Петрова // *Юность.* 1978. № 11. С. 104–108.
32. *Ивашкеев Д. Г.* В краю Белого Облака / Д. Г. Ивашкеев, А. И. Степанов, М. А. Голорбуева. Чита: Палитра, 2006. 159 с.
33. Итоги Первой Российской Олимпиады // *Красота и Сила.* 1913. № 17–18. 22 сент.
34. К спорту!: российский еженедельный спортивный журнал. М., 1911–1917.
35. *Касимов В. П.* Орел спортивный. Очерки и воспоминания. Орел: Картуш, 2008. 288 с.
36. *Коршак Ю. Ф.* Старый, старый футбол. М.: Физкультура и спорт, 1975. 119 с.
37. *Крадман Д. А.* Первые Российские Олимпиады // *Спортивная жизнь России.* 1979. № 7. С. 46–51.
38. *Крамаренко В.* Благородным критикам Первой Русской Олимпиады // *Красота и Сила.* 1913. № 17–18. 24 сент. С. 3–12.
39. *Кубертен Пьер де.* Олимпийские мемуары. М.: Рид групп, 2011. 157 с.
40. *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры и спорта. М.: Радуга, 1982. 399 с.
41. *Лебедев И. В.* Граф Г. И. Рибопьер // *Иллюстрированный журнал атлетики и спорта.* 1905. № 3. С. 48–50.
42. *Ляпин Д.* Елецкие знаменитости // *Липецкая газета: итоги недели.* 2013. № 25–26. С. 25–28.
43. *Лукосяк Ю. П.* История петербургского футбола. Кто есть кто в петербургском футболе. СПб.: Союз художников, 2011. 280 с.
44. *Маньков С. А.* Великий князь Дмитрий Павлович в эмиграции // *Русский Мирь.* СПб., 2011. № 6. С. 65–81.
45. *Маньков С. А.* Великий Князь в борьбе за это. Извилистые комбинации убийцы Распутина // *Родина.* 2009. № 4. С. 88–91.
46. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Рус. путь, 2006. 488 с.
47. *Михайлова Г.* Неизвестная Олимпиада, собравшая в 1913 году все лучшие силы России // *Спортивная жизнь России.* 1991. № 11. С. 39–44.
48. *Мишин А. Н.* Первый олимпийский чемпион России: дело всей жизни / А. Н. Мишин, В. Д. Кабанов, М. В. Кузнецов. СПб.: Нестор-История, 2011. 308 с.
49. *Мишин А. Н.* Отечественная история фигурного катания на коньках / А. Н. Мишин, Ю. В. Якимчук, К. З. Гуляев. СПб.: Олимп, 2006. 431 с.
50. *Мягкова С. Н., Стеблецов Е. А.* Золотые узоры России. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное из-во, 1998. 144 с.
51. *Новоскольцев В. А.* Пылающая эстафета. М.: Физкультура и спорт, 1979. 303 с.
52. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997 / сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 2007. 333 с.
53. *Объедков И. В.* Русские офицеры на V Олимпийских играх // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 1. С. 88–89.

54. *Панин Н. А.* Фигурное катание на коньках: (международный стиль): руководство к изучению искусства катания на коньках. СПб.: Изд. С.-Петербургского общества любителей бега на коньках, 1910. 340 с.
55. *Панин Н. А.* Искусство катания на коньках: история, теория и техника фигурного катания / Н. А. Панин. М.: Физкультура и спорт, 1938. 440 с.
56. *Панин-Коломенкин Н. А.* Страницы из прошлого. М.: Физкультура и спорт, 1951. 211 с.
57. *Панин Н. А.* Каждый самокатчик — связист и разведчик. М.; Л.: Физкультура и спорт, 1941. 8 с.
58. *Панин Н. А.* Подготовка военных самокатчиков. Краткое пособие. М.: Физкультура и спорт, 1941. 21 с.
59. Первая Российская Олимпиада. Открытие // Киевская мысль. 1913. № 230. 21 авг.
60. Первая Российская Олимпиада // Сила и здоровье. 1913. № 36—41.
61. Первая Российская Олимпиада. Раздача призов // Киевлянин. 1913. № 233. 25 авг. С. 6.
62. Первая Русская Олимпиада. Открытие // Красота и сила. 1913. № 16.111. 24 авг.
63. Первая Российская Олимпиада. Первый день // Киевлянин. 1913. № 229. 21 авг.
64. Первая Российская Олимпиада. Четвертый день. На стадионе // Киевская мысль. 1913. № 233. 24 авг.
65. Первая Российская Олимпиада. Пятый день. Марафонский бег // Киевлянин. 1913. № 231. 23 авг.
66. *Поляков В. Б.* Елецкий Поддубный // Вестник архивиста: науч.-информ. бюл. 2006. Вып. 1. С. 111—115.
67. *Платонов В. Н., Гуськов С. И.* Олимпийский спорт. Киев: Олимпийская литература, 1994. 474 с.
68. *Разин Н. С.* Полвека назад. Воспоминания борца. М.: Физкультура и спорт, 1963. 95 с.
69. *Ратнер А.* Письма Кубертену // Олимпийский глобус. М., 1991. С. 87—104.
70. Развѣдчикъ — журнал военный и литературный. СПб., 1915. № 1270.
71. *Романова М. П.* Мемуары. М.: Захаров, 2003. 511 с.
72. Русский инвалид. СПб., 1914. № 206. 19 сент.
73. Русский инвалид. СПб., 1915. № 31. 8 февр.
74. Русский спорт: журнал, посвященный всем видам спорта. М., 1909—1914.
75. *Рутыч Н. Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М.: Астрель: АСТ: Российский архив, 2002. 381 с.
76. Русский некрополь в Белграде. 1920—1996 гг. Алф. список захоронений, составленный А. Б. Арсеньевым. Белград: Новый Сад, 1999. 114 с.
77. *Соколов Г. И.* Олимпия. М.: Искусство, 1981. 214 с.
78. *Сироткина И.* Загадочный доктор Петров, биомеханика, Тефизкульт и Всеобуч // Вопросы театра. 2014. № 1—2. С. 168—175.
79. *Смирнов Н. Н.* Забайкальское казачество / Н. Н. Смирнов. М.: Вече, 2008. 544 с.
80. Сокол: популярный, научно-педагогический журнал, посвященный вопросам о физическом воспитании. М., 1910—1914.
81. Спорт: иллюстрированный журнал, всех видов спорта. СПб., 1900—1908.

82. Суник А. Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. М.: Совет. спорт, 2004. 763 с.
83. Суник А. Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 615 с.
84. Суник А. Б. Французский барон Пьер де Кубертен основатель современных олимпийских игр. Красноярск: СФУ, 2016. 256 с.
85. Танин С. Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009. 301 с.
86. Фалин В. Финальный турнир О. И. 1912. Стокгольм // Футбол. 1995. № 26.
87. Финогенова Л. А. Анализ подготовки, участия и результатов первого официального выступления команды России на Играх V Олимпиады (Стокгольм, 1912 год) // Олимпийский бюллетень № 2, РГАФК, ЦОА. М., 1995. С. 27.
88. Чайковский А. М. Волшебная восьмерка. Документальная повесть о Н. А. Панине-Коломенкине. М.: Физкультура и спорт, 1978. 215 с.
89. Чаплинский Л. Борьба и гири на Первой Российской Олимпиаде // Рус. спорт. 1913. № 35. 1 сент. С. 6–7.
90. Шахов. А. А. Физическая культура и спорт дореволюционного Ельца: монография. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2013. 67 с.
91. Шильников И. Ф. 1 Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918 г. Харбин: б. м., 1933. 177 с.
92. Шмаглит Р. Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья: [энцикл. биограф. справ.]. М.: Зебра Е, 2006. 346 с.
93. Шабанов В. М. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 годов. Биобиблиографический справочник. М.: Русский мир, 2004. 928 с.
94. Юсупов Ф. Загадка убийства Распутина. Записки князя Юсупова. М.: АСТ, 2014. 517 с.
95. The Official report of the Olympic games of Stockholm 1912 [Текст] / issued by The Swedish Olympic comm.; ed. by Erik Bergvall; transl. by Edward Adams-Ray. Stockholm: Wahlström & Widstrand, [1913]. XXXI, 1117 с., [165] л. ил., цв. ил., к., портр., факс.: ил., карты, нот. ил., факс.: 25 см.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тарпищев Шамиль</i> , член МОК. Первые трудные строки	5
Как все начиналось	7
Самый первый	14
Метателя боялись зрители	20
Зачем рыл ямку мистер Бёрк	22
Фэйр Плей на первых Играх современности	24
Альфред Хайош, победивший шторм	25
Марафон длиной в 40 километров	29
Кубертена как будто забыли	35
Послесловие к I Олимпийским играм	36
А теперь вместо предисловия	37
Борец — он же доктор	39
Наш самый первый	45
Как провожали «Бирму»	86
Серебро дороже золота	90
Князь Дмитрий Романов	99
Шведы выбили из седла	123
Голгофа Василия Бутусова	129
Очень опасен защитник Соколов	136

Как отняли медаль.	145
Не стреляйте в белых голубей!	149
Герой Великой войны.	153
Трагедия полковника Войлошникова	159
Стрелок летал над царским дворцом	170
Он хотел оставаться молодым	173
 Библиография	 186

Е. Ф. Долгополова
МОИ ОЛИМПИЙЦЫ

Выпускающий редактор *Е. Р. Секачева*
Корректоры *Л. А. Куртова, И. В. Рязанова*
Дизайн и компьютерная верстка *В. В. Забковой*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 08.07.2021.
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 15,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 5114

ISBN 978-5-907171-50-3 (12+)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Долгополова Елена Федоровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории цивилизации, физической культуры и спорта, философии и социологии Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)

Я родилась весной, когда цветет сирень. В моей семье все, как мне тогда казалось, были слишком спортивными. Катались на коньках, лыжах, играли в волейбол, а настольный теннис и плавание символизировали лето. Дома постоянно говорили о спорте, а вечером часами по телефону обсуждались проблемы кафедры истории спорта, которой мой папа Федор Иванович Самоуков руководил долгие десятилетия. Даже за столом, когда собирались гости, тосты моего отца напоминали темы моих сегодняшних лекций — Олимпийские игры Древней Греции или Древний Рим... Конечно, ему, известному в стране и за рубежом историку, златоусту, обладавшему блестящей памятью, это было определено судьбой. Поступила в МГУ на факультет журналистики. Писала на разные темы в «Комсомолке», «Труде», «Российской газете», журналах «Родина», «Вестник Российского международного олимпийского университета»... Но все равно победила история спорта. Теперь я продолжаю на кафедре дело моего отца. Над этой книгой работала долго, изучала архивы, старинные издания. Повезло: нашла родственников моих олимпийцев и единомышленников в музеях. Первоисточники, неопубликованные письма, воспоминания героев и стали бесценной основой книги. Прочитайте ее, и вы поймете, какими были первые российские олимпийцы.

